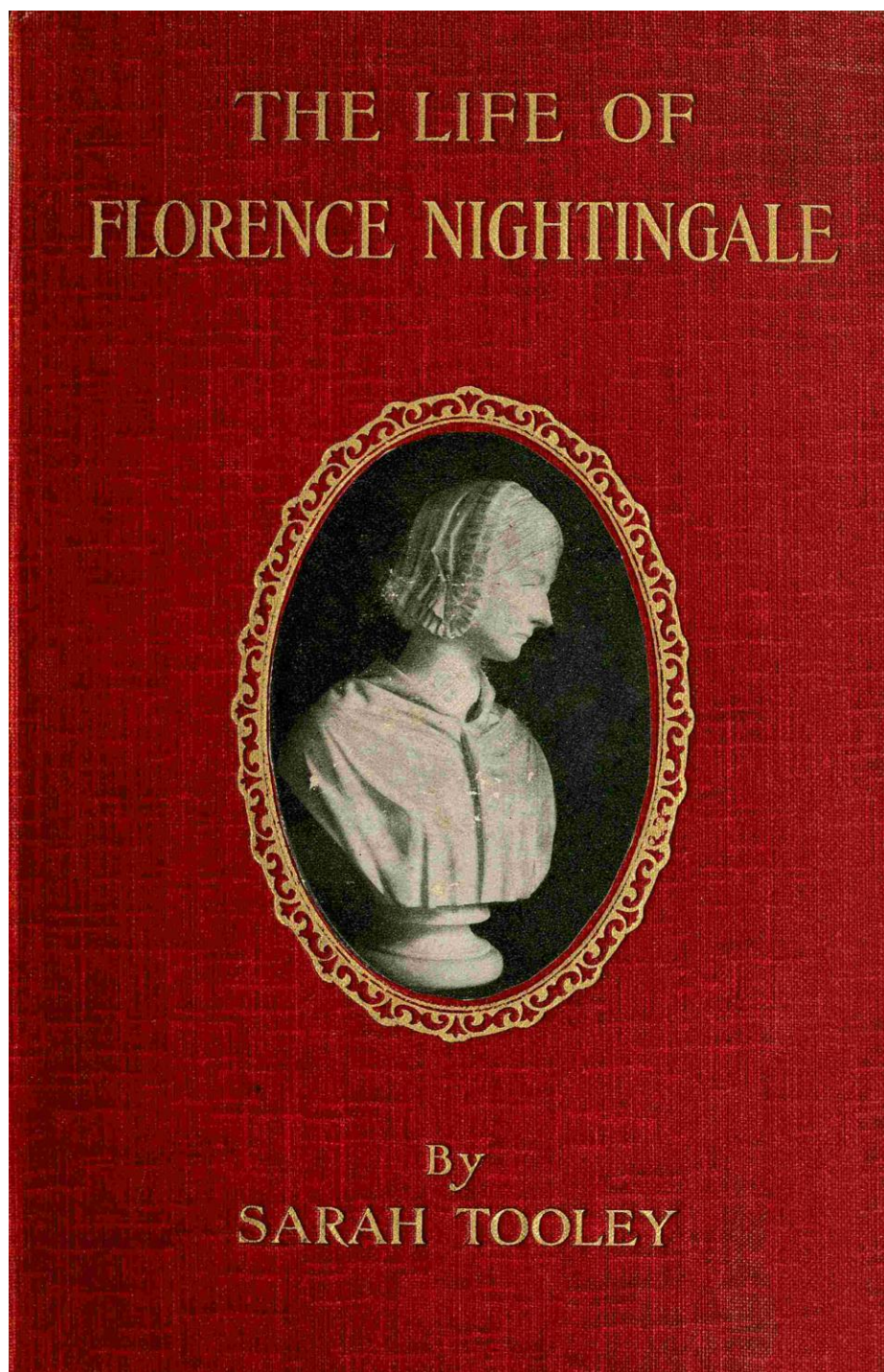

Жизнь Флоренс Найтингейл

Сара А. Тули

The Project Gutenberg eBook of The life of Florence Nightingale

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее в соответствии с условиями Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Жизнь Флоренс Найтингейл

Автор: Сара А. Тули

Дата выхода: 15 января 2024 года [eBook #72732]

Язык: Английский

Оригинальное издание: New York: Cassell and Company, ltd, 1916

Кредиты: Брайан Уилсон, Тургут Динсер, Чарли Ховард и группа онлайн-распределенной корректуры на сайте <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE LIFE OF FLORENCE NIGHTINGALE ***

Примечание переводчика

Более крупные версии иллюстраций можно увидеть, щелкнув по ним правой кнопкой мыши и выбрав опцию просмотра по отдельности, либо дважды нажав на них и/или растянув их.

[Дополнительные примечания](#) вы найдете в конце этой электронной книги.

THE LIFE OF
FLORENCE NIGHTINGALE

By
SARAH TOOLEY

ЖИЗНЬ ФЛОРЕНС СОЛОВЬЕВОЙ

МИСС НАЙТИНГЕЙЛ.

(По фотографии С. Г. Пейна и сына).

ЖИЗНЬ ФЛОРЕНС СОЛОВЬЕВОЙ

АВТОР САРА А. ТООЛИ

АВТОР КНИГ "ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ КОРОЛЕВЫ ВИКТОРИИ", "ЖИЗНЬ КОРОЛЕВЫ АЛЕКСАНДРЫ", "КОРОЛЕВСКИЕ ДВОРЦЫ И ВОСПОМИНАНИЯ О НИХ", "ИСТОРИЯ СЕСТРИНСКОГО ДЕЛА В БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ" И ДР.

МЕМОРИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

CASSELL AND COMPANY, Ltd.

ЛОНДОН, НЬЮ-ЙОРК, ТОРОНТО И МЕЛЬБУРН

ВСЕ ПРАВА ЗАЩИЩЕНЫ

ЛЕДИ ГЕРБЕРТ ЛЕА, ДРУГУ ЖИЗНИ ФЛОРЕНЦИИ НАЙТИНГАЛ ЭТА КНИГА ПРЕДСТАВЛЕНА С УДОВОЛЬСТВИЕМ. Посвящается

ПРЕДИСЛОВИЕ

Написание книги "Жизнь Флоренс Найтингейл" было предпринято с целью отметить юбилей прославленной героини, которая покинула Лондон 21 октября 1854 года с группой из тридцати восьми медсестер для участия в Крымской войне. Ее героические труды на благо больных и раненых солдат сделали ее имя нарицательным во всех уголках Британской империи, и то, что мисс Найтингейл дожила до такого памятного юбилея, стало предметом всенародных поздравлений.

Ярким доказательством того, что ее имя в почете у подрастающего поколения, стало недавнее голосование редактора *журнала The Girl's Realm* по поводу самой популярной героини в современной истории. Было предложено 14 имен, и из 300 000 голосов 120 776 были отданы за Флоренс Найтингейл.

Мы не пожалели усилий, чтобы сделать книгу как можно более точной и полной, и при ее написании я провел несколько месяцев в окрестностях ранних домов мисс Найтингейл и получил много доброй помощи от людей всех классов, знакомых с ней. В частности, я благодарю леди Герберт из Леа за согласие посвятить ей книгу и за портреты ее и лорда Герберта; сэра Эдмунда Верни за разрешение опубликовать фотографию покойной леди Верни и виды Клейдона; пастора Дюссельхоффа из Кайзерсверта за портрет пастора Флиднера и некоторые воспоминания об обучении мисс Найтингейл в этом учреждении; покойную сестру Мэри Алоизию из монастыря сестер милосердия в Кинваре, ко. Голуэй, за воспоминания о ее работе в больнице Скутари; и мистера Кроутеру, библиотекаря Публичной библиотеки в Дерби, за возможность изучить коллекцию материалов, касающихся мисс Найтингейл, подаренную библиотеке покойным герцогом Девонширским.

При подготовке пересмотренного издания я обязана леди Верни, покойному почтенному Фредерику Стратту и миссис Дакре Крейвен за ценные предложения.

САРА А. ТООЛИ

Кенсингтон.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I

РОЖДЕНИЕ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ

	PAGE
Рождение во Флоренции - Береговая родословная - Питер Найтингейл из Леа - Родители Флоренс Найтингейл	1

ГЛАВА II

САМЫЕ РАННИЕ АССОЦИАЦИИ

Лиа Холл - первый английский дом - соседство с Бабингтонским участком - церковь Детик	8
---	---

ГЛАВА III

ЛЕА ХЕРСТ

Переезд в Лиа Херст - описание дома - крымская повозка Флоренс Найтингейл, сохранившаяся там	15
--	----

ГЛАВА IV

ДНИ ДЕТСТВА

Романтические путешествия из Леа-Херста в Эмбли-Парк - ассоциации Джорджа Элиота - первый пациент - любовь к животным и цветам - раннее воспитание	22
--	----

ГЛАВА V

ДОЧЬ СКВАЙРА

Успешная девушка - ангел в домах для бедных - детский праздник в Лиа Херст - занятия по изучению Библии для девочек - интересы в Эмбли - общественная жизнь - поиск профессии - знакомство с Элизабет Фрай - изучение больничного сестринского дела - решение поехать в Кайзерсверт	38
---	----

ГЛАВА VI

АЛЬМА-МАТЕР ФЛОРЕНС НАЙТИНГЕЙЛ И ЕЕ ОСНОВАТЕЛЬНИЦА

Поступил диакониссой в Кайзерсверт - Пастор Флиднер - Его ранняя жизнь - Становится пастором в Кайзерсверте - Заинтересован в реформе тюрем - Открывает небольшую тюрьму для освобожденных женщин-заключенных - Основывает школу и больницу для диаконисс - Правила для диаконисс - Удивительное расширение его работы - Его смерть - Дань мисс Найтингейл	54
--	----

ГЛАВА VII

ВСТУПАЕТ В КАЙЗЕРСВЕРТ: ПРОСЬБА О ДЬЯКОНЕССАХ

Интересное письмо - Описание мисс Найтингейл, когда она вошла в Кайзерсверт - Свидетельства ее популярности - Впечатляющее прощание с пастором Флиднером	68
--	----

ГЛАВА VIII

ПЕРИОД ОЖИДАНИЯ

Посещение сестер Святого Винсента де Поля в Париже - болезнь - возвращение к	80
--	----

прежней жизни в Леа Херст и Эмбли - интерес к системе гидропатии Джона Смедли - филантропия мистера и миссис Сидни Герберт - работа в доме Харли-стрит для больных гувернанток - болезнь и возвращение домой

ГЛАВА IX

СИДНИ, ЛОРД ГЕРБЕРТ ЛЕА

Гладстон о лорде Герберте - ранняя жизнь лорда Герберта - его мать - карьера в колледже - вступление в общественную жизнь в качестве военного секретаря - благотворительная работа в Солсбери - леди Герберт - дружба с Флоренс Найтингейл - снова военный секретарь

87

ГЛАВА X

КРЫМСКАЯ ВОЙНА И ПРИЗЫВ НА СЛУЖБУ

Дань уважения Флоренс Найтингейл графиней Лавлейс - начало Крымской войны - удручающее состояние больных и раненых - письма мистера У. Х. Рассела в "Таймс" - призыв к женщинам-медсестрам - письмо мисс Найтингейл мистера Сиднея Герберта - она предлагает свои услуги

94

ГЛАВА XI

ПОДГОТОВКА И ОТЪЕЗД В СКУТАРИ

Любопытство общественности - Описания мисс Найтингейл в прессе - Критика - Она отбирает тридцать восемь медсестер - Отъезд "группы ангелов" - Энтузиазм булонских рыбаков - Прибытие в Скутари

110

ГЛАВА XII

ЛЕДИ-ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ

Барачный госпиталь - подавляющее число больных и раненых - общий беспорядок - "командирский гений" Флоренс Найтингейл - леди с мозгом - башня для медсестер - влияние на людей, наделенных властью

123

ГЛАВА XIII

ЗА РАБОТОЙ В БАРАЧНОМ ГОСПИТАЛЕ

Ужасающая задача - истории об интересе Флоренс Найтингейл к солдатам - нехватка предметов первой необходимости для раненых - создание кухни для инвалидов и прачечной - забота о женах солдат - религиозные фанатики - письмо от королевы Виктории - Рождество в Скутари

140

ГЛАВА XIV

БОРЬБА С ХОЛЕРОЙ И ЛИХОРАДКОЙ

Флоренс Найтингейл описывает трудности солдат - прибытие еще пятидесяти медсестер - воспоминания о сестре Марии Алоизии - эпидемия холеры

160

ГЛАВА XV

СВОЕВРЕМЕННАЯ ПОМОЩЬ

Щедрые подарки для солдат - Фонд *Times* - Комиссар *Times* посещает Скутари - Его описание мисс Найтингейл - Прибытие М. Соьера, знаменитого повара - Он описывает мисс Найтингейл

171

ГЛАВА XVI

АНГЕЛ СМЕРТИ

Смерть семи хирургов в Скутари - первый из "группы ангелов" - смерть мисс Смайт,

183

сестры Уинифред и сестры Мэри Элизабет - трогательные стихи санитаря

ГЛАВА XVII

ОТПЛЫТИЕ В КРЫМ И ОБСТРЕЛ

На борту "*Роберта Лоу*" - история больного солдата - посещение лагерных госпиталей - вид на Севастополь из окопов - признание и поддержка солдат - авантюрная поездка обратно 192

ГЛАВА XVIII

ПОРАЖЕННЫЙ ЛИХОРАДКОЙ

Продолжение посещения госпиталей - внезапная болезнь - помещение в санаторий - визит лорда Раглана - выздоровление - принятие предложения о покупке яхты лорда Уорда - возвращение в Скутари - памятник павшим героям 204

ГЛАВА XIX

ОКОНЧАНИЕ ВОЙНЫ

Падение Севастополя - Фонд госпиталя Найтингейл - Несчастный случай с каретой - Последние месяцы в Крыму - "Крест Найтингейл" - Подарки от королевы Виктории и султана - Отплытие на родину 217

ГЛАВА XX

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕРОИНИ

Тайное прибытие в Леа Херст - объект многочисленных поздравлений и презентаций - прием королевы Виктории в Балморале - подготовка отчета о "добровольных пожертвованиях" - дань лорду Раглану 239

ГЛАВА XXI

ДРУГ СОЛДАТА ДОМА

Болезнь - Неустанный труд - Основание школы подготовки сестер в больнице Святого Томаса - Реформа армии - Смерть лорда Герберта из Леа - Палмерстон и Гладстон отдают дань уважения мисс Найтингейл - Интересные письма - Советы в американской войне и франко-германской войне 252

ГЛАВА XXII

МУДРОСТЬ ОТ КОРОЛЕВЫ МЕДСЕСТЕР

Литературная деятельность - Заметки о госпиталях - Заметки о сестринском деле - Советы медсестрам-любителям - Интерес к армии в Индии - Письма об индийских реформах 275

ГЛАВА XXIII

УХОД ЗА БОЛЬНЫМИ БЕДНЯКАМИ

Возникновение Ливерпульского дома и школы подготовки - Интерес к больным беднякам - "Уна и лев" - дань уважения сестре Агнес Джонс - Письмо мисс Флоренс Лис - Просьба о создании дома для медсестер - Вопрос об оплачиваемых медсестрах - Институт медсестер в честь юбилея королевы Виктории - Правила для испытуемых 298

ГЛАВА XXIV

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Дом Найтингейл - Правила для стажеров - Смерть мистера и миссис Найтингейл - Смерть леди Верни - Продолжает посещать Клейдон - Крестовый поход за здоровьем - Гигиена в сельской местности - Письмо матерям - Представляет деревенских 314

миссионеров - Санитария в Индии - Бриллиантовый юбилей - Обед в Балаклав

ГЛАВА XXV

НА ВЕЧЕРИНКЕ

Мисс Найтингейл сегодня - Ее интерес к проходящим событиям - Недавнее письмо дербиширским медсестрам - Празднование восемьдесят четвертого дня рождения - Король присваивает ей достоинство великосветской дамы - Назначена королем Эдуардом VII в орден "За заслуги" - Письмо от германского императора - Избрана почетной свободой Лондонского Сити - Краткое изложение ее благородной жизни - In Memoriam

338

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

МИСС НАЙТИНГАЛ (с фотографии) *Фронтиспис*

	СТРАНИЦА
ЛИА ХЕРСТ, ДЕРБИШИР	16
ЭМБЛИ-ПАРК, ХЭМПШИР	32
МИСС НАЙТИНГЕЙЛ (с рисунка)	48
ПАСТОР ФЛИДНЕР	55
МИСС НАЙТИНГАЛЕ (С бюста в Клейдоне)	61
СЭР УИЛЬЯМ ГОВАРД РАССЕЛ	80
СИДНИ, ЛОРД ГЕРБЕРТ ЛЕА	96
МР. КАРИКАТУРА ПАНЧА НА "ЛЕДИ-ПТИЦУ"	113
КАЗАРМЕННЫЙ ГОСПИТАЛЬ В СКУТАРИ	125
БУЛОНСКИЕ РЫБАЧКИ НЕСУТ БАГАЖ МИСС НАЙТИНГЕЙЛ И ЕЕ МЕДСЕСТЕР	128
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАЯ В СВОЕЙ КАЮТЕ В БАРАЧНОМ ГОСПИТАЛЕ	133
МИСС НАЙТИНГЕЙЛ В ГОСПИТАЛЕ В СКУТАРИ	144
МИСС НАЙТИНГЕЙЛ И УМИРАЮЩИЙ СОЛДАТ - СЦЕНА В ГОСПИТАЛЕ СКУТАРИ, СВИДЕТЕЛЕМ КОТОРОЙ БЫЛ М. СОЙЕР	176
ЛЕДИ ГЕРБЕРТ ИЗ ЛЕИ	192
ФЛОРЕНС СОЛОВЬЕВА В ДЕТСТВЕ	208
СОЛОВЬИНАЯ ЖЕМЧУЖИНА	237
КАРЕТА, КОТОРОЙ ПОЛЬЗОВАЛАСЬ МИСС НАЙТИНГЕЙЛ В КРЫМУ	240
МИСС НАЙТИНГЕЙЛ ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ ИЗ КРЫМА	272
ПАРФЕНОПА, ЛЕДИ ВЕРНИ	288
МРС. ДАКРЕ КРАВЕН (урожденная ФЛОРЕНС ЛИС)	304
КЛЕЙДОН-ХАУС, РЕЗИДЕНЦИЯ СЭРА ЭДМУНДА ВЕРНИ, ГДЕ СОХРАНИЛИСЬ КОМНАТЫ "ФЛОРЕНС СОЛОВЕЙ"	320
ОБРАЗЕЦ ПОЧЕРКА МИСС НАЙТИНГЕЙЛ	335
СТАРАЯ КОМНАТА МИСС НАЙТИНГЕЙЛ В КЛЕЙДОНЕ	336
МИСС НАЙТИНГЕЙЛ	340

ЖИЗНЬ ФЛОРЕНС СОЛОВЬЕВОЙ

ГЛАВА I РОЖДЕНИЕ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Рождение во Флоренции - родословная - Питер Найтингейл из Леа - родители Флоренс Найтингейл.

Мы рождаемся в жизнь - сладкую и странную,

Мы лежим на коленях мягкой тайны.

Которая улыбается переменам;

Но мы не сомневаемся в переменных, мы не знаем пространства,

Небеса кажутся нам такими же близкими, как лицо нашей матери,

И нам кажется, что мы могли бы прикоснуться ко всем звездам, которые мы видим.

Элизабет Баррет Браунинг.

Мысли и поступки, а не родословная - вот паспорта вечной славы.

На ужине, данном военным и морским офицерам, служившим в Крымской войне, было предложено, чтобы каждый гость написал на листке бумаги имя человека, чьи заслуги во время последней кампании будут дольше всего вспоминаться потомками. Когда бумаги были рассмотрены, на каждой было написано одно и то же имя - "Флоренс Найтингейл".

Пророчество сбывается и по сей день, ведь хотя прошло немногим более пятидесяти лет с тех пор, как радостные колокола по всей стране возвестили о падении Севастополя, большинство людей не решаются назвать генералов союзных армий, в то время как никто не затруднится сказать, кто была героиня Крыма. Ее подвиги любви и самопожертвования глубоко запали в сердце народа, ибо они были выше партийных распри и вооруженных столкновений. В то время как смерть вычеркивает одно имя за другим из списка великих и знаменитых, наша героиня живет в почтенном возрасте, чтобы пролить блеск своего имени на новое столетие.

Флоренс Найтингейл родилась 12 мая 1820 года на вилле "Коломбая" под Флоренцией, где остановились ее родители, мистер и миссис Уильям Шор Найтингейл из Леа, Дербишир.

"Какое имя дать девочке, родившейся так далеко от английского дома?" - спросили ее родители, и с общего согласия решили назвать ее Флоренцией, в честь этого прекрасного города цветов на берегу Арно, где она впервые увидела свет. Мало кто из мистера и миссис Найтингейл тогда думал, что выбранному таким образом имени суждено стать одним из самых популярных во всей Британской империи. Каждая "Флоренция" практически обязана своим именем обстоятельствам рождения мисс Найтингейл.

Казалось, судьбе было угодно дать привлекательное обозначение нашей героине. Если "Флоренция" наводила на мысль о богине цветов, то "Соловей" говорил о сладкой мелодии. Что может быть прекраснее и благозвучнее, чем имя, обозначающее певчую птицу из страны цветов? Это сочетание доставило особую радость мистеру *Панчу* и его коллегам-юмористам, когда носительница этого имени прославилась.

Однако настоящая фамилия мисс Найтингейл была Шор. Ее отцом был Уильям Эдвард Шор, единственный сын Уильяма Шора из Таптона, Дербишир, и он принял фамилию Найтингейл по указанию принца-регента, когда в 1815 году стал наследником владений дяди по матери, Питера Найтингейла из Леа. Это изменение произошло за три года до его женитьбы и за пять до рождения его прославленной дочери.

Через своих предков Шор мисс Найтингейл связана с семьей барона Тейнмута. Сэр Джон Шор, генерал-губернатор Индии, был произведен в бароны в 1797 году и получил титул Тейнмут. Другой Джон Шор был выдающимся врачом в Дерби во времена правления Карла II, а Сэмюэл Шор женился на наследнице Оффли, семьи из Шеффилда.

Именно через свою бабушку по отцовской линии, Мэри, дочь Джона Эванса из Кромфорда, племянницу и единственную наследницу Питера Найтингейла, Флоренс Найтингейл связана с семьей, чье имя она носит. Ее прапрадед, Питер Найтингейл, был типичным дербиширским сквайром, который более века назад жил в хорошем стиле в прекрасном старом особняке Лиа Холл. В те времена в таких уединенных деревнях, как Леа, царили грубость и разгул, и "старый Питер" имел свою долю пороков, которые тогда считались джентльменскими. Он мог ругаться наравне с лучшими, а его пьяные подвиги могли бы послужить Бернсу темой для "*Свистка*". За свои излишества он получил прозвище "Безумный соловей", а рассказы о его поступках до сих пор служат предметом местных сплетен. Когда он напивался, то налетал на кухню, вынимал пудинги из кастрюль и швырял их в кучу пыли, заставляя служанок в ужасе разбегаться. Тем не менее "старый Питер" не был непопулярен; он был добродушен и прост в общении с людьми, а если он крепко выпивал, то и с соседями тоже. Он был не лучше и не хуже обычного деревенского сквайра, да и пастора тоже, "старых добрых времен". Его земельные владения простирались от Леа прямо до старого рыночного города Кромфорд, а дальше - до Мэтлока. Особый интерес представляет тот факт, что он продал часть своих владений в Кромфорде сэру Ричарду Аркрайту, который построил там свои знаменитые хлопчатобумажные фабрики. Прекрасный особняк Willersley Castle, который построил изобретательный хлопкопрядильщик и где он закончил свои дни как великий сэр Ричард, стоит на части первоначальной собственности Найтингейла. Когда "старый Питер" веселой памяти скончался, его поместья и имя перешли к внучатому племяннику Уильяму Эдварду Шору.

Новый сквайр, отец Флоренс Найтингейл, заметно отличался от своего предшественника. Те, кто его помнит, описывают его как высокого, стройного, джентльменского мужчину с безупречным характером. Он получил образование в Эдинбурге и Тринити-колледже в Кембридже и расширил свой кругозор благодаря зарубежным путешествиям в то время, когда средний английский сквайр, все еще помнящий о некогда страшном имени "Бони", смотрел на всех иностранцев как на своих естественных врагов и укрепился на своих родовых акрах с презрением к землям за Ла-Маншем. В вопросах образования и культуры мистер Найтингейл значительно опережал дворян графства своего времени. Спорт его особенно не привлекал, но он был студентом, любителем книг и знатоком искусства. Он не без гордости за свое происхождение, ведь Шорсы были очень древним родом.

Как помещик он искренне желал принести пользу жителям своих владений, хотя, возможно, и не так, как им хотелось бы. "Ну, видите ли, я не родился щедрым", - до сих пор вспоминают ответ мистера Найтингейла, когда его просили оказать помощь различным местным благотворительным организациям. Однако он никогда не отказывался от денег на поддержку сельского образования, и, по словам одного из его старых арендаторов, "многие бедняки в Леа не умели бы читать и писать сегодня, если бы не отец мисс Флоренс". Он был главным сторонником того, что тогда называлось "дешевой школой", где мальчики и девочки, если и не проходили более высокие стандарты нынешних школ, то, по крайней мере, изучали три буквы "P" за два пенса в неделю. Конечно, обязательного образования тогда не было, но недовольство сквайра людьми, которые не отдавали своих детей в школу, было полезным стимулом для родителей. Мистер Найтингейл был ревностным прихожанином и много сделал для развития христианской работы в своем округе.

Матерью Флоренс Найтингейл была мисс Фрэнсис Смит, дочь Уильяма Смита, эсквайра из Парндона в Эссексе, который в течение пятидесяти лет был членом парламента от Норвича. Он был ярким аболиционистом, придерживался широких и либеральных взглядов на вопросы времени и был отмечен интересом к различным отраслям филантропии. Миссис Найтингейл была проникнута духом своего отца, и ее помнят за ее большую доброту и благожелательность к бедным. Она была статной и красивой женщиной в расцвете сил и принадлежала к быстро угасающей расе джентльменов, которые были одновременно знатными домоправительницами и очаровательными и культурными дамами. Ее имя до сих пор с благодарностью и привязанностью упоминают старики в поместьях ее мужа.

Именно от своей матери, на которую она очень похожа, Флоренс Найтингейл унаследовала дух широкой филантропии и желание в какой-то мере вырваться из кастовых уз, которые деформировали дворянство графства в ее ранние годы, и посвятить себя гуманитарной работе. Ей также повезло с отцом, который верил, что в голове девушки может быть нечто большее, чем элегантные достижения и умение вышивать крестиком. В то время как мать нашей героини обучала ее делам милосердия, отец внушал ей любовь к знаниям и направлял ее обучение по направлениям, значительно опережающим обычное образование, которое давали молодым девушкам в тот период.

У мистера и миссис Найтингейл было всего двое детей - Франциска Парфенопа, впоследствии леди Верни, и Флоренс, примерно на год младше. Обе сестры были названы в честь итальянских городов, где они родились, старшая получила имя Парфенопа, классическую форму Неаполя, и всегда была известна как "Парта", в то время как наша героиня была Флоренс.

ГЛАВА II

САМЫЕ РАННИЕ АССОЦИАЦИИ

Лиа Холл - первый английский дом - окрестности участка Бабингтона - церковь Детик.

... Эти первые привязанности,

Эти теневые воспоминания,

Которые, будь они неладны,

все же являются источником света для всего нашего дня,

И все же являются главным светом для всех наших глаз.

Вордсворт.

Когда мистер и миссис Найтингейл вернулись из-за границы со своими двумя маленькими дочерьми, они некоторое время жили в старом семейном поместье Леа Холл, которое, таким образом, имеет честь быть первым английским домом Флоренс Найтингейл, честь, которую обычно приписывают последующему месту жительства ее родителей в Леа Херст.

Леа-Холл прекрасно расположен среди холмов над долиной реки Дервент. Я посетила его в начале лета, когда луга вокруг были золотыми от лютиков и благоухали клевером, а длинная трава стояла готовая к косе. Живые розы украшали живые изгороди, а кусты бузины, которые в этой части Дербишира вырастают до огромных размеров, поражали своим белым цветением. В таком виде старый серый Холл казался приятной загородной резиденцией; но когда дует северный ветер и снег покрывает склоны холмов, он должен быть мрачным и одиноким жилищем. Он построен из серого известняка, добытого в дербиширских каменоломнях, и имеет хорошие пропорции. С возвышенности он имеет внушительный вид и является ориентиром на открытой местности. От него отходит веселая старая деревенская улочка Леа с низкими каменными домами, некоторые из которых очень древние, огибающая склон холма и спускающаяся в долину. Мясник с гордостью демонстрирует бухгалтерскую книгу с записями о семье Найтингейл с 1835 года.

Холл стоит на территории древнего поместья Лиа, включающего в себя деревни Лиа, Детик и Холлоуэй, которое переходило от одной семьи к другой, прежде чем стало собственностью Найтингейлов. Де Алвели владели поместьем во времена правления Иоанна и возвели там часовню. Одна часть поместья перешла к семьям Феррар, Детвик и Бабингтон, а другая - к семьям Де ла Лиа, Фрешевиль, Роллстоун, Персхолл и Спэйтмен, после чего перешла к Найтингейлам.

Дом стоит немного в стороне от дороги Леа на собственной территории, к нему ведут ворота из палисадника. Каменные ступени ведут к парадной двери, которая открывается в старомодный холл, вымощенный флажками. Перед дверью находится дубовая лестница исключительной красоты. Она выделяет дом и подчеркивает его старинное достоинство. Балюстрада имеет изящные винтовые перила, ступени - из цельного дуба, а боковые стороны лестницы обшиты дубовыми панелями. Можно представить, как маленькая Флоренс делала первые попытки подняться по этой красивой старинной лестнице.

В комнате слева на одном из оконных стекол нацарапана дата 1799, но, должно быть, Холл был построен задолго до этого времени. В остальном это ветхий старый дом с толстыми стенами и глубокими оконными проемами. Потолки умеренно высокие. Сзади разбит старомодный сад с фруктовыми и тенистыми деревьями и особенно красивым медным буком.

Зал долгое время использовался как ферма, и едва ли кто-то из сотен посетителей района Мэтлок, совершающих паломничество в Леа-Херст, знает о его интересной связи. Пожилая леди, которая занимала этот дом во время моего визита, не без гордости рассказывала, что сорок четыре года она прожила в первом английском доме Флоренс Найтингейл.

Случайный посетитель может подумать, что местность, в которой прошли ранние годы нашей героини, - это приятная дербиширская глушь и ничего больше, но она также имеет большой исторический интерес. Через луга от Лиа-Холла находятся остатки

величественного особняка Детик, где жил молодой Энтони Бабингтон, когда он организовал заговор с целью освобождения Марии, королевы Шотландии, из заточения в поместье Уингфилд, расположенном в нескольких милях отсюда. По этим же лугам и извилистым дорожкам офицеры королевы Елизаветы искали заговорщиков и задержали одного из них в Детике. Особняк, в котором замыслился заговор, был в значительной степени разрушен, а то, что осталось, используется для фермерских нужд. Часть старой стены, ограждавшей первоначальное красивое здание, до сих пор сохранилась, а рядом с ней находится подземный погреб, который, по преданию, ведет в тайный ход в поместье Уингфилд. Фермерский пристав, хранящий в погребе картофель, не смог найти вход в тайный ход, хотя с одной стороны стены при ударах молотком раздается подозрительный полый звук.

В доме судебного пристава сохранилась оригинальная кухня особняка. Здесь есть тяжелый дубовый потолок, почерневший от возраста, массивные дубовые двери, большой открытый камин, оскверненный современной плитой в центре, но сохранивший в нависающей балке древнее гнездо для жарки, на котором, возможно, готовили оленину для мастера Энтони и других галантных молодых джентльменов, поклявшихся освободить пленную королеву. В крыше потолка находится невинно выглядящая маленькая дверца-ловушка, открыв которую, можно обнаружить потайную камеру немалых размеров. Эта восхитительная старая кухня с ее таинственными воспоминаниями была местом, очень увлекательным для Флоренс Найтингейл и ее сестры в их детстве, и много историй они сплели о сценах, которые происходили давным-давно в старом особняке, так близко от их собственного дома. Это был источник особого интереса, когда сцены настоящего романа о королеве Марии находились рядом, и придавало изюминку теме, когда сестры читали о заговоре Бабингтона в своих учебниках истории.

Церковь Детик, где наша героиня посетила свою первую общественную службу и продолжала часто ходить на богослужения до тех пор, пока жила в Дербишире, была частью владений Бабингтонов. Изначально она была частной часовней при особняке, но постепенно была переоборудована под приходскую церковь. Ее высокая башня представляет собой живописный объект из окон Леа-Холла. Церковь, должно быть, одна из самых маленьких в королевстве. Пятьдесят человек были бы переполненной общиной даже сейчас, когда современная рассадка позволяет использовать пространство, но в девичестве Флоренс Найтингейл, когда качественные люди сидели на своих скамьях с высокими спинками, а деревенские - на скамейках в дальнем конце церкви, пространство для сидения было еще более ограниченным. Интерьер церкви до сих пор остается простым и деревенским, с голыми каменными стенами, а колокольные веревки висят на виду у прихожан. Во времена юности мисс Найтингейл служба была причудливой, когда старый клерк отвечал пастору, а проповедь иногда принимала оригинальный оборот. В округе до сих пор повторяют историю о том, что старый пастор, читая в одно из воскресений проповедь на тему лжи, сделал утешительное замечание, что "ложь иногда бывает очень полезной вещью в торговле". Это высказывание часто повторяли фермеры Лиа и Детик на рыночной площади Дерби.

Из-за того, что церковь Детика изначально была частной часовней, здесь нет кладбища. Она стоит в красивой зеленой ограде на вершине холма. Старый тис затеняет дверь, а рядом растут два огромных куста бузины, которые сплели свои огромные ветви вместе, пока они не упали на землю, как поникший ясень, образуя абсолютно уединенную беседку, очень популярную среди влюбленных и прогульщиков из церкви.

Длинные дни старой церкви Детика прошли. Жители окрестных деревень и поселков больше не поднимаются на ее крутой склон, воскресенье за воскресеньем, ведь дальше в долине

недавно была построена новая церковь в Холлоуэе, которая если и менее живописна, то уж точно более удобна для населения. Однако в первое воскресенье каждого месяца все еще проводится служба в старой церкви, где в давние времена на скамье сквайра сидела Флоренс Найтингейл, которая в своей ливорнской шляпке и сандалиях выглядела очень милой маленькой девочкой.

ГЛАВА III

ЛЕА ХЕРСТ

Переезд в Леа Херст - описание дома - крымская карета Флоренс Найтингейл, сохранившаяся там.

О! посреди самых красивых сцен природы,

Посреди высоких деревьев и возвышающихся холмов,

Жемчужиной в природном окружении является Леа Херст.

Обитель добрых, чистых сердцем и прекрасных,

Неизменна слава, что, как свет нимба,

Вокруг тебя, как ореол, светлое присутствие святой Флоренции.

Подобной и небесной. Воистину, у тебя славная слава

Время не может измениться, но то, что будет, вечно.

Ллевеллин Джуэтт.

Когда Флоренс Найтингейл было от пяти до шести лет, семья переехала из Леа Холла в Леа Херст, дом, который мистер Найтингейл перестраивал на расстоянии около мили и прямо над деревней Леа Миллс. Этот восхитительный новый дом наиболее широко ассоциируется с жизнью нашей героини. По словам пожилой леди, живущей в этом доме, "именно из Леа-Херста мисс Флоренс отправилась в Крым, и именно в Леа-Херст мисс Флоренс вернулась из Крыма". В течение многих лет после войны это место было местом паломничества, и почти в каждом путеводителе оно упоминается как одна из достопримечательностей района Мэтлок. Он никогда не был в каком-либо смысле выставочным домом, и парк является частным, но в прошлые дни тысячи людей приезжали в окрестности, счастливые, если им удавалось увидеть его живописные фронтоны со склона холма, и всегда с надеждой, что можно будет мельком увидеть знаменитую леди, которая жила в его стенах. Мисс Найтингейл по-прежнему нежно привязана к Леа Херст, хотя прошло уже восемнадцать лет с тех пор, как она в последний раз останавливалась там. После смерти ее родителей дом перешел к следующему наследнику мужского пола, мистеру Шору Смигу, который впоследствии принял фамилию Найтингейл.

ЛИА ХЕРСТ, ДЕРБИШИР.

(Фото Кин, Дерби.)

[На обороте с. 16.

Лиа Хёрст находится всего в четырнадцать милях от Дерби, но следующий случай заставляет предположить, что дом не так хорошо известен в городе графства, как можно было бы ожидать. Не так давно одна дама попросила в модном канцелярском магазине фотографию Леа Хёрста.

"Молодая продавщица задумалась и, обратившись к своей спутнице за прилавком, спросила: "У нас есть фотография Лии Хёрст?"

"Да, думаю, да", - прозвучало в ответ.

"Кто такая Леа Херст?" - спросила первая девушка.

"Конечно, актер", - ответила вторая.

Когда правда стала известна, разыгралась забавная картина.

Отец мисс Найтингейл проявил тонкую дискриминацию, выбирая место для своего нового дома. Даже в романтической стране пиков можно было бы тщетно искать более идеальное место, чем Лиа Херст. Он стоит на широком плато, с которого открывается вид на острый, смелый мыс известняковой скалы, известной как Крич Стэнд. Мягкие зеленые холмы и поросшие лесом высоты усеивают пейзаж, а в глубине зеленой долины серебристый Дервент - или "Дарент", как называют его местные жители, - издает музыку, перекачиваясь через свое скалистое ложе. Из окон открывается вид на романтическую долину Дав, где царит идеальный покой и красота, и солнечная погода, что составляет контраст с мрачной и неприветливой обстановкой Леа-Холла.

Дом выполнен в стиле старого елизаветинского особняка, и теперь, когда время смягчило камень и покрыло стены зеленью, можно представить, что он действительно датируется эпохой Тюдоров. Мистер Найтингейл был человеком с художественными вкусами, и каждая деталь дома была тщательно продумана для создания живописного эффекта. Особняк построен в форме креста с выступающими крыльями и представляет собой картину с громоздящимися дымовыми трубами, остроконечными фронтонами, каменными многоугольными окнами и решетчатыми стеклами. Прекрасное восточное окно гостиной образует выступающее крыло на одном конце дома. Закругленный балкон над окном стал историческим. Его указывают посетителям как место, где "мисс Флоренс обычно выходила и разговаривала с людьми". Комната мисс Найтингейл выходила на этот балкон, и после ее возвращения из Крыма, когда она была ограничена в доме с ослабленным здоровьем, она иногда выходила из своей комнаты на балкон, чтобы поговорить с людьми, которые пришли в качестве депутации, пока они стояли в парке внизу. Напротив балкона-воронки находятся ворота, затененные тисовыми деревьями, которые служат одним из входов из парка в сад.

Перед домом находится круглая лужайка с гравийной дорожкой и цветочными клумбами, а над дверью холла выбита надпись N. и дата 1825 - год, когда было завершено строительство Lea Hurst. Главные комнаты выходят в сад или на южную сторону, имеют восхитительный солнечный аспект и открывают вид на долину. Из библиотеки по каменным ступеням можно спуститься на лужайку. Старая школьная комната и детская, где наша героиня провела свои ранние годы, находятся в верхней части дома и имеют прекрасный вид на холмы.

В центре садового фасада особняка находится любопытное маленькое выступающее здание, которое носит название "часовня". Очевидно, это старинное здание, фактически вписавшееся в состав Lea Hurst. В округе есть несколько таких маленьких ораторий нормандской эпохи, а старушка в домике Леа Херст показывает каменное окно в боку своего коттеджа, которому, как говорят, семьсот лет. Каменный крест возвышается над крышей часовни, а снаружи на торцевой стене есть надпись, сделанная любопытными буквами. Однако это древнее здание представляет особый интерес для нашего повествования, поскольку мисс Найтингейл использовала его в течение многих лет в качестве места встречи для воскресных библейских занятий, которые она проводила для девочек района. В те дни перед часовней была большая клумба с одним из любимых цветов мисс Найтингейл - фуксией, но ее заменили фонтаном и бассейном, а само историческое здание с толстыми каменными стенами теперь служит отличной кладовой.

Сады в Ли Херст спускаются от задней части дома в виде ряда травянистых террас, соединенных каменными ступенями, и до сих пор сохранили все свое старомодное очарование и красоту. Весной и в начале лета здесь можно увидеть цветы, пионы, анютины глазки, незабудки и разноцветные примулы в восхитительном изобилии, а яблоневые шпалеры, опоясывающие террасы, радуют глаз своими розовыми цветами, а длинный бордюр из кустов лаванды распускается. В укромном уголке сада стоит старый летний домик с остроконечной крышей из соломы, который, должно быть, был восхитительным игровым домиком для маленькой Флоренс и ее сестры.

Парк спускается по обе стороны плато, на котором стоит дом. Вход в парк находится на приятной проселочной дороге, которая ведет в деревню Уотстендуэлл и далее в Дерби. Этот очень скромный вход в парк, состоящий из обычных деревянных ворот, поддерживаемых каменными столбами с глобусами на вершине, был описан одним восторженным летописцем как "величественные ворота" с "атмосферой средневекового величия". Конечно, в Леа Херст нет никакого величия, ни средневекового, ни современного. Это просто один из тех приятных и живописных особняков, которые характерны для сельской Англии, и нет

необходимости в величии, чтобы придать отличительные черты дому, который освятило имя Флоренс Найтингейл.

За парком на склоне холма раскинулся лес Лиа, который весной покрывается густым ковром голубых колокольчиков. Длинная извилистая аллея, с которой открываются великолепные виды на холмы и лесные поляны на многие мили, проходит по вершине леса и до сих пор вспоминается как "любимая прогулка мисс Флоренс".

Главная реликвия, сохранившаяся в Lea Hurst, - это любопытная старая карета, в которой мисс Найтингейл ездила в Крым. Какие только воспоминания не навеивает она о своих путешествиях из одного госпиталя в другой по высотам Балаклавы, когда ее предельная грузоподъемность была заполнена удобствами для больных и раненых! Кузов повозки сделан из плетеной корзины и снабжен специальными рессорами, изготовленными для неровных крымских дорог. Капот может быть наполовину или полностью натянут на весь автомобиль. Каретой управлял конный человек, выполнявший роль постильона.

Кажется, что такой уникальный объект должен занять постоянное место в одном из наших государственных музеев, ведь его интерес носит общенациональный характер. Один из жителей района, которому не так давно довелось увидеть карету, проникся национальной идеей и вернулся домой, сетуя на то, что не может поставить старую карету на колеса и возить ее из города в город. "В этой старой штуке целое состояние, - сказал он, - ведь большинство людей заплатили бы шиллинг или шесть пенсов, чтобы увидеть ту самую карету, в которой мисс Флоренс возила раненых в те крымские времена. Удивительно, какие мелочи радуют людей во время представления. Да на этой карете можно было бы заработать столько денег, что хватило бы на строительство госпиталя!"

ГЛАВА IV

ДНИ ДЕТСТВА

Романтические путешествия из Леа-Херста в Эмбли-Парк - ассоциации Джорджа Элиота - первый пациент - любовь к животным и цветам - раннее образование.

Детство показывает человека,

Как утро показывает день.

Мильтон.

В каждом цветке есть урок;

История в каждом ручье и беседке;

На каждой траве, по которой ты ступаешь.

Написаны слова, которые, если их правильно прочитать,

приведут вас от благоухающего дерна земли,

К надежде, святости и Богу.

Аллан Каннингем.

Детство Флоренс Найтингейл, начавшееся, как мы видели, в солнечной стране Италии, впоследствии прошло в прекрасном окружении ее дома в Дербишире и в Embley Park, Хэмпшир, прекрасном старом елизаветинском особняке, который мистер Найтингейл купил, когда Флоренс было около шести лет.

По обычаю, семья проводила лето в Lea Hurst, а осенью отправлялась в Embley на зиму и раннюю весну. А как интересно и восхитительно проводили время Флоренс и ее сестра Парта во время этих альтернативных "переездов" между Дербиширом и Хэмпширом в те времена, когда железные дороги еще не уничтожили романтику путешествий! Тогда тихий городок Кромфорд, расположенный в двух милях от Леа-Херста, был оживленным центром каботажного транспорта, а кареты останавливались для пассажиров в деревенском трактире "Уотстэндвелл", расположенном чуть ниже парка Леа-Херст. В те времена дорога в Дерби была полна приятных эмоций: ржание лошадей, треск кнута водителя кареты, крики мальчиков-почтальонов и звук рожка - несомненно, более вдохновляющие и романтические зрелища и звуки, чем нынешнее "ту-ту-ту" моторной машины и клубы пыли, которые следуют за ней.

Иногда путешествие из Ли-Херста совершалось на карете, но чаще мистер и миссис Найтингейл с двумя маленькими девочками ехали в собственном экипаже, двигаясь по легким дорогам и останавливаясь в гостиницах *по пути*, а слуги шли впереди с багажом, чтобы подготовить Эмблей к приему семьи.

Как прекрасно было в те яркие октябрьские дни проезжать по стране, только что принявшей свой красно-золотой наряд, или снова отправляться в обратный путь весной, когда холмы и долины Дербишира расцветают свежей зеленой красотой. Страстная любовь к природе, достопримечательностям и звукам сельской жизни, которая всегда характеризовала мисс Найтингейл, была заложена в эти счастливые дни детства. Так же, как и домашнее остроумие и пикантные высказывания, которые отличают ее писания и отмечают ее более интимные разговоры. Она приобрела их бессознательно, по мере того как знакомилась с деревенскими жителями.

В своем дербиширском доме она жила в контакте с жизнью, которая в тот же период околдовывала Мэриан Эванс, когда она посещала своих сородичей, и которой суждено было быть увековеченной в *"Адаме Беде"* и *"Мельнице на Флоссе"*. Среди арендаторов своего отца Флоренс Найтингейл знала жен фермеров, которые обладали едким остроумием миссис Пойзер, и была знакома с "Уеа" и "Нау" и другими причудливыми формами дербиширской речи, такими, как мистер Тулливвер, когда он разговаривал с "маленькой девочкой" в доме-саде злополучной "Мельницы на Флоссе". Она также познакомилась со многими из "людей, называемых методистами", которые в ее девичестве основывали свои проповеднические центры в окрестностях Леа-Херст, и услышала о славе женщины-проповедницы, которая в то время использовала свои чудесные дары в районе Дерби и которая стала бессмертной под именем Дайны Моррис. В раннем детстве Флоренс Найтингейл Адам Беде жил в своем соломенном домике у Вирксворта Тейп-Миллс, в нескольких милях от Леа-Херста, а ферма Пойзеров располагалась через луга.

Детство нашей героини прошло в окружении, которое оказалось необычайно интересным. Паровая энергия тогда еще не произвела революцию в сельской Англии: графства сохранили свою речь и обычаи, молодежь оставалась на той земле, где родилась, а богатые и бедные были более тесно связаны друг с другом. Влияние более тесного личного общения, существовавшего тогда между семьей сквайра и его людьми, оказало большое влияние на характер Флоренс Найтингейл в ее домах в Дербишире и Хэмпшире. Она научилась

сочувствию к бедным и страдающим, и приобрела понимание работы и предрассудков необразованного ума, что позволило ей в последующие годы быть настоящим другом для тех бедных парней, только что с полей сражений в Крыму, многие из которых были призваны в армию из класса сельских домов, которые она так хорошо знала.

Еще будучи совсем ребенком, Флоренс Найтингейл проявляла черты, указывающие на ее жизненное призвание. Ее куклы всегда находились в нежном состоянии здоровья и требовали максимального ухода. Флоренс раздевала и укладывала их в постель, предупреждая сестру, чтобы та не беспокоила их. Она успокаивала их подушки, соблазняла воображаемыми лакомствами из игрушечных чашек и тарелок и выхаживала их до выздоровления, чтобы на следующий день отправить на больничную койку. К счастью, Парта не проявляла столь же нежного внимания к своим восковым любимцам, которые часто лишались конечностей или обжигались при пожаре в детской. Тогда, конечно, требовалось превосходное мастерство Флоренс, и она аккуратно перевязывала бедную куколку и "вправляла" ей руки и ноги с мастерством, которому может позавидовать современный чудокостоправ.

Первым "настоящим живым пациентом" будущей королевы медсестер был Кэп, собака старого шотландского пастуха, и хотя эта история много раз повторялась с тех пор, как имя Флоренс Найтингейл стало нарицательным, ни один рассказ о ее детстве не будет полным без нее. Однажды Флоренс вместе с викарием, к которому она питала горячую привязанность, совершала восхитительную прогулку по хэмпширским склонам неподалеку от Эмбли. Он проявлял большой интерес к увлечению девочки всем, что было связано с оказанием помощи больным и пострадавшим, а поскольку его собственные вкусы лежали в этом направлении, он мог дать ей много полезных наставлений. Однако в тот день, когда они ехали по склону, они заметили, что овцы разбежались во все стороны, а старый пастух Роджер тщетно пытается собрать их вместе.

"Где же ваша собака?" - спросил викарий, прищипывая лошадь и наблюдая за тщетными усилиями старика.

"Мальчишки бросали в него камни, сэр, - был ответ, - и сломали ему ногу, бедный зверь. Он больше никогда ни на что не будет годен, и я думаю положить конец его страданиям".

"У бедного Кэпа сломана нога?" - произнес девичий голос со стороны священника. "О, неужели мы не можем что-нибудь для него сделать, Роджер? Это жестоко - оставлять его одного наедине с его болью. Где он?"

"Вы ничего не можете сделать, мисси, - горестно сказал старый пастух. "Я просто отнесу к нему веревку сегодня ночью - это будет лучший способ облегчить его боль. Я оставил его лежать в сарае вон там".

"О, разве мы не можем сделать что-нибудь для бедного Кэпа?" - обратилась Флоренс к своему другу; и викарий, увидев жалость на ее юном лице, повернул голову своей лошади в сторону дальнего сарая, где лежала собака. Но Флоренс пустила своего пони в галоп и первой добралась до сарая. Опустившись на колени на грязный пол, она ласкала страдающую собаку своей маленькой рукой и говорила ей успокаивающие слова, пока в преданных карих глазах не стало меньше боли и они не поднялись к ее лицу в жалкой благодарности.

Этот взгляд пастушьей собаки, тронувший ее девичье сердце на одиноком склоне холма, Флоренс Найтингейл суждено было повторить в глазах страдающих людей, когда она склонилась над ними в больнице в Скутари.

Викарий вскоре присоединился к своему молодому спутнику и, обнаружив, что нога собаки только повреждена, а не сломана, решил, что немного тщательного ухода за ней снова приведет ее в порядок.

"Что я должна сделать в первую очередь?" - спросила Флоренс, с нетерпением ожидая начала серьезной работы по уходу.

"Ну, - ответил ее друг, - я бы посоветовал приложить к ноге Кэпа горячий компресс".

Флоренс выглядела озадаченной, поскольку, хотя она делала припарки и перевязки своим куклам, она никогда не слышала о компрессах. Однако, поняв, что на простом языке это означает тряпки, выжатые из кипятка и положенные на больное место, она быстро приступила к работе, следуя указаниям викария. Первым делом необходимо было вскипятить воду, и, призвав на помощь мальчика-пастуха, она разожгла костер из палок в домике неподалеку и вскоре вскипятила чайник.

Затем она огляделась в поисках тканей для компресса. За дверью висел чистый плащ пастуха, и Флоренс с восторгом схватила его, потому что это было то, что нужно.

"Если я его порву, мама даст Роджеру другой", - рассудила она и, одобрительно кивнув викарию, разорвала платок на подходящие для разжигания куски. Затем, вернувшись к месту, где лежала собака, в сопровождении мальчика с чайником и тазиком, Флоренс Найтингейл приступила к работе, чтобы оказать "первую помощь раненому". Кэп не сопротивлялся - он мудро доверял своей медсестре, - и по мере того, как она прикладывала примочки, опухоль начала спадать, а боль становилась все меньше.

Флоренс была полна решимости выполнить свою работу досконально, и, отправив посыльного, чтобы развеять тревогу родителей по поводу ее долгого отсутствия, она еще несколько часов не отходила от своего пациента.

Вечером старый Роджер медленно и печально подошел к сараю, неся роковую веревку, но не успел он просунуть голову в дверь, как Кэп встретил его радостным воем и попытался подойти к нему.

"Дорогая моя, миссис, - изумленно сказал старый пастух, - вы творите чудеса. Я и не думал, что бедный пес снова поприветствует меня".

"Да, разве он не выглядит лучше?" - сказала молодая медсестра с извинительной гордостью. "Теперь вы можете выбросить эту веревку и помочь мне сделать компрессы."

"Так и сделаю, миссис", - сказал Роджер и, опустившись рядом с Флоренс и Кэпом, приобщился к таинствам.

"Да, - сказал викарий, - мисс Флоренс совершенно права, Роджер, ваша собака скоро снова сможет ходить, если вы дадите ей немного отдыха и заботы".

"Уверен, я не могу выразить должной благодарности вашему почтению и молодой леди, - ответил пастух, совершенно потрясенный видом довольного пса и мыслью о том, что он все-таки не потеряет его, - и вы можете быть уверены, сэр, я выполняю все указания".

"Но я приду завтра снова, Роджер", - вмешалась Флоренс, которая и не думала отказываться от своего пациента. "Я знаю, что мама разрешит мне, когда я расскажу ей о бедном Кэпе". На прощание приласкав собаку и напутствовав Роджера, Флоренс села на пони и уехала с викарием, ее юное сердце переполняла радость. Она действительно помогла облегчить боль, хотя бы бессловесному существу, а благодарные глаза страдающей собаки всколыхнули новые чувства в ее открывающемся разуме. Ей хотелось постоянно что-то делать для кого-то, и бедняки в поместьях ее отца вскоре узнали, какой добрый друг у них есть в лице мисс Флоренс. Они также стали безгранично верить в ее мастерство, и всякий раз, когда домашнее животное заболело или получало травму, хозяин обязательно сообщал об этом мисс Флоренс.

Мистер и миссис Найтингейл поощряли ее и ее сестру в любви к животным, и было разрешено иметь много питомцев. Характерной чертой Флоренс было то, что ее сердце было приковано к менее любимым животным, тем, на которых из-за старости или немощи мало обращали внимания слуги и фермеры. Она была особенно привязана к Пегги, старой серой пони, давно отслужившей свой срок, которая проводила дни в загоне в Лиа-Херст. Флоренс не пропускала ни одного утра, если могла помочь, чтобы не поговорить с Пегги, которая знала ее повадки и рысью подходила к воротам, готовая встретить свою молодую хозяйку. Затем следовал добродушный спор.

"Хочешь яблоко, бедная старушка Пегги? сказала Флоренс, поглаживая шею пони, - "Тогда поищи его".

По этому приглашению Пегги засовывала нос в карман платья своей маленькой гостьи и обнаруживала лакомство. Или это может быть морковка, спрятанная далеко от глаз, которую Пегги приглашали поиграть в прятки. Если у конюшенной кошки появлялись котята, Флоренс приветствовала их, ласкала и играла с маленькими существами, пока никто не замечал их. Она также быстро находила гнездо воробья и ревностно охраняла тайну матери, пока птенцы не вылуплялись и не были готовы к полету. Некоторые из самых горьких слез ее детства были пролиты над разбитыми домами некоторых из ее пернатых друзей. Молодые животные в полях быстро завоевывали ее доброту и прилетали к ней. В прекрасном лесу Лиа Херст она нашла себе компаньонов в лице белок, которые бесстрашно бежали за ней, пока она шла, чтобы подобрать орехи, загадочно упавшие на их пути. А потом, когда белка-хозяин меньше всего этого ожидал, Флоренс резко разворачивалась и мчалась за маленьким коричневым существом вверх по высокому буку, чтобы потом снова спуститься вниз с недоуменным взглядом своих острых глаз на орехи, которые были слишком соблазнительны для любой белки с обычным аппетитом, чтобы устоять. С каким восторгом она наблюдала за их забавными выходками, ведь у нее был дар заставлять этих робких существ доверять ей.

ПАРК ЭМБЛИ, ХЭМПШИР.

(По рисунку покойной леди Верни).

[Клицус. 32.

А весной обязательно появлялся домашний ягненок, которого нужно было кормить, и Флоренс с сестрой были очень рады такому приобретению к домашним питомцам. Пони, на котором она ездила верхом, и собака, которая всегда была рядом с ней, конечно, были ее особыми бессловесными друзьями. Впрочем, я не уверен, что она считала их немymi, ведь они прекрасно понимали друг друга. Любовь к животным, которая так ярко проявилась у Флоренс Найтингейл в детстве, осталась с ней на всю жизнь и сделала ее очень отзывчивой к больным, которые жаждали общества какого-нибудь любимого животного. Многие медсестры и врачи не одобряют, когда у их пациентов есть домашние животные, но, цитируя слова самой королевы медсестер, "небольшое домашнее животное часто является прекрасным компаньоном для больных, особенно при длительных хронических заболеваниях. Один инвалид, рассказывая о том, как за ним ухаживали медсестра и собака, отдал предпочтение собаке. "Прежде всего, - сказал он, - она не разговаривала".

В ранние годы Флоренс было очень приятно, что ей разрешили исполнять обязанности алмонера при матери. Миссис Найтингейл была очень добра и благосклонна к жителям окрестностей Лиа Херст и Эмбли, и снабжала больных деликатесами со своего собственного стола. Она сделала свои дома центрами благотворения на несколько миль вокруг и, согласно лучшим традициям тех времен, была готова предложить средства от простых недугов, когда врача не было под рукой. Из-за того, что Флоренс никогда не болела корью и коклюшем, ее родители с большой осторожностью разрешали ей посещать жителей коттеджей; однако она могла подъезжать к дверям на своем пони и оставлять желе и пудинги в корзинке у луки седла, не подвергаясь особому риску. Она могла собирать цветы в саду, чтобы украсить комнату больного, или в прекрасные весенние дни нагружать корзину примулами и

пролесками и нести аромат леса какой-нибудь нежной девушке, которая, подобно майской королеве Теннисона, тосковала по виду полей и изгородей и цветам, растущим на небольшом расстоянии от двери ее коттеджа.

В те времена, когда еще не вошли в моду цветочные миссии и не была осознана необходимость радовать глаз пациентов, а также ухаживать за телом, о таком внимании к капризам больных мало кто задумывался, но в этом, как и во многом другом, наша героиня опередила свое время. Любовь к цветам, как и любовь к животным, была частью ее натуры: она досталась ей в наследство от города цветов, под солнечным небом которого она родилась.

И в Эмбли, и в Леа-Херст у Флоренс и ее сестры были свои маленькие садики, в которых они копали, сеяли и сажали до полного восторга, а летом бегали с миниатюрными лейками, поливая, несомненно, свои маленькие ножки почти в равном количестве, как и пересохшую землю. В последующие годы эта ранняя любовь к цветам имела свое жалкое продолжение. Когда после нескольких месяцев изнурительной работы среди страдающих солдат Флоренс Найтингейл лежала в хижине на высотах Балаклавы, простертая с крымской лихорадкой, она рассказывает, что впервые начала приходить в себя после получения букета цветов от друга, и что вид их рядом с ее больной кушеткой помог ей сбросить томление, которое едва не оказалось смертельным. Она датирует свое выздоровление именно этим часом.

Во всех отношениях обстоятельства детства Флоренс Найтингейл были рассчитаны, чтобы подготовить ее к судьбе, которая лежала в будущем. Она не только росла среди исключительных по красоте пейзажей как в Дербишире, так и в Хэмпшире, и была обучена привилегии служения бедным и больным, но и получила умственное воспитание, опережающее обычаи того времени. Без этого она не смогла бы занять то ведущее положение, которого она достигла в работе по уходу за больными и организации армии.

Она и ее сестра Парта, будучи столь близкими по возрасту, делали уроки вместе. Их образование было проведено полностью дома под частным гувернанткой, и был усердно контролируется их отец. Мистер Найтингейл был человеком широких симпатий, художественных и интеллектуальных вкусов, и много общей культуры, и, не имея сыновей, он сделал хобби дать классическое образование для своих девочек, и нашел плодородную почву в быстрый мозг своей дочери Флоренс. Он был строгим дисциплинированным человеком, и в школьных классах в Эмбли и Леа Херст не допускалось ничего из того, что было характерно для домашнего образования юных леди в ранние викторианские времена. Правила для уроков и игр были жестко установлены, а небрежная работа никогда оставалась безнаказанной. Именно в детские годы будущая героиня Крыма заложила фундамент упорядоченного ума и привычки к методам, которые сослужили ей столь замечательную службу, когда ее неожиданно призвали организовать плохо отрегулированный госпиталь в Скутари.

В детстве Флоренция преуспевала в более интеллектуальных областях образования и проявляла большую склонность к иностранным языкам. Она достигла достойных успехов в музыке и хорошо рисовала, но в этих художественных областях больше всего преуспела ее старшая сестра Парта. От отца Флоренс научилась элементарным наукам, греческому, латыни и математике, а под его руководством, сидя в дорогой старой библиотеке в Ли-Херст, познакомилась с известными авторами и поэтами. Но, несомненно, сестры иногда доставали роман, не включенный в отцовский список, и читали его с пылающими щеками и сияющими глазами в укромном уголке сада.

Если учеба превращалась в серьезное занятие, сестры в полной мере наслаждались здоровыми преимуществами загородной жизни. Они бегали по парку с собаками, скакали на пони по холмам и далям, проводили долгие дни в лесу среди пролесков и первоцветов, а летом кувыркались в душистом сене. Летом в Леа Херст уроки были немного расслаблены в пользу жизни на свежем воздухе, но по возвращении в Эмбли на зиму школьный распорядок снова стал соблюдаться очень строго.

Миссис Найтингейл контролировала домашнюю сторону образования своих маленьких девочек, и до того, как Флоренс исполнилось двенадцать лет, она умела подшивать и шить, вышивать закладки для книг и сделала несколько достойных образцов. Мать также обучала ее правилам поведения, и в ранние годы не было упущено ничего, что могло бы сформировать из нее изящную и утонченную девушку.

ГЛАВА V ДОЧЬ СКВАЙРА

Одаренная девушка - ангел в домах бедняков - детский праздник в Лиа-Херст - занятия по изучению Библии для девочек - интересы в Эмбли - общественная жизнь - поиск профессии - знакомство с Элизабет Фрай - изучение больничного сестринского дела - решение поехать в Кайзерсверт.

Бог сделал ее такой,

И дела недельной святости

Падают с нее мягко, как снег;

И никогда она не знала.

Что легче, чем благословлять.

Лоуэлл.

Когда Флоренс Найтингейл исполнилось семнадцать лет, она начала занимать место дочери сквайра, смешиваясь в обществе графства Дербишир и Хэмпшир и интересуясь людьми и школами в поместьях своего отца. Вскоре она приобрела репутацию очень милой и талантливой молодой леди. Она путешествовала за границей, говорила по-французски, по-немецки и по-итальянски, очень мило пела и умела делать наброски, а когда фотографирование стало модным занятием, мисс Флоренс стала энтузиасткой этого искусства. В те времена не было ни ручных фотоаппаратов, ни чистых и простых методов проявки, и юные фотографы-любители должны были одеваться для работы. Мисс Флоренс ничто не смущало, и она фотографировала группы на лужайке и своих домашних животных к восхищению своей семьи и друзей, хотя иногда это приводило к обесцвечиванию ее изящных пальчиков.

Она также была искусной рукодельницей, делала подушки и тапочки, осваивала самые тонкие и сложные узоры вязания крючком, вышивала нежные вышивки и добивалась почти невидимых кайм на муслиновых оборках. На Рождество ее рабочая корзина была полна теплых вещей для бедных. Она оказывала неоценимую помощь на базарах - недавно

появившемся способе сбора денег на религиозные цели - и с особым удовольствием организовывала угощения для стариков и детей.

Местное духовенство, как в Эмбли, так и в Леа, находило младшую дочь сквайра очень полезной в приходе. Черты характера, проявившиеся в маленькой девочке, которая ухаживала за раненой собакой пастуха и была так готова сочувствовать всем, кто страдал или был в беде, укрепились в начинающей женщине и заставили Флоренс Найтингейл считаться ангелом в домах бедняков. Ее визитов в коттеджи ждали с нетерпением, и уже в подростковом возрасте она проявила гений к посещению районов. Люди воспринимали ее не как "заезжую даму", на которую они должны были произвести впечатление притворной бедой или притворной нищетой, а как настоящего друга, который пришел, чтобы принести радость в их дома и вникнуть в их семейные радости и горести. У нее была яркая и остроумная манера говорить, благодаря которой бедные люди с нетерпением ждали ее визитов, не считая тех благ, которые она могла принести.

Если в каком-нибудь коттедже случалась болезнь или горе, к мисс Флоренс стремились попасть на прием, ведь уже в то время она немного изучила методы ухода за больными и, как говорили люди, "умела" облегчать боль и приносить утешение и покой страждущим. Кроме того, у нее был такой чистый, приятный голос и сочувственные интонации, что больные получали огромное удовольствие, когда она читала им.

Еще в юности ее ум был направлен на то, чтобы вести полезную и благотворную жизнь. Ей не грозило *уныние*, которое одолевало многих девушек из обеспеченных слоев общества в те времена, когда было так мало спорта и развлечений на свежем воздухе или самостоятельных интересов, чтобы заполнить время. В каких бы жизненных обстоятельствах ни оказалась Флоренс Найтингейл, ее природа подсказала бы ей полезное занятие.

Старый сквайр", как до сих пор называют мистера Найтингейла в Леа, проявлял большой интерес к деревенской школе, и Флоренс стала его правой рукой в заботах о развлечениях детей. Время от времени для них придумывалось множество маленьких угощений, но главным событием года был детский "праздничный день", когда ученики собирались в здании школы и шли процессией в Леа Херст, неся в руках "букеты" и палки, обвитые гирляндами цветов. Процессию возглавлял оркестр, предоставленный сквайром. Прибыв в Леа-Херст, компания была накормлена чаем в поле под садом, миссис Найтингейл и ее дочери помогали слугам ждать своих гостей. После чая оркестр заиграл веселые мелодии, и парни и девушки пустились в пляс, напоминая о былых временах веселой Англии, а сквайр и его семья одобрительно закивали.

Потом были игры для малышей, придуманные мисс Флоренс, которая взяла на себя их особое развлечение; и так летний вечер прошел в восхитительном веселье и отдыхе, пока над прекрасной долиной Дервент не засияли пунцовые облака, и дети снова выстроились в линию и пошли по саду на верхнюю террасу лужайки. В это время "мисс Флоренс" и "мисс Парте" таинственно исчезли, и теперь их можно было увидеть стоящими на террасе за длинным столом, заваленным подарками. Когда процессия проходила мимо, каждый ребенок получал подарок от одной или другой молодой леди, и были добрые слова от сквайра и любезные улыбки от миссис Найтингейл и много реверансов от восхищенных детей, и так "праздничный день" закончился в общей радости и удовольствии.

Эту сцену мне описала одна пожилая дама, которая в детстве много раз посещала это милое развлечение в Леа-Херст и до сих пор дорожит маленькими подарками - модными коробочками, книгами, наперстками и тому подобным, - которые она получила из рук тогдашней любимой, а теперь глубоко почитаемой "мисс Флоренс". Она вспоминает, какой

милой юной леди она была, с блестящими каштановыми волосами, приглаженными по бокам лица, и часто с розой, положенной сбоку, среди аккуратных косичек или мотков. О ее внешности в этот период можно судить по карандашному наброску ее сестры, впоследствии леди Верни, в котором, несмотря на причудливый наряд, узнается высокая, изящная девушка, обладающая обаянием и умом.

В Дербишире интерес Флоренс Найтингейл к церковной работе был разделен между исторической маленькой церковью Детик, описанной в предыдущей главе, и прекрасной церковью, которую сэр Ричард Аркрайт построил в Кромфорде на противоположной стороне реки от своего замка Уиллерсли. Сегодня Кромфордская церковь густо увита плющом и обсажена деревьями, и, стоя на берегу реки, с одной стороны которой возвышаются скалы Грейстоун, а с другой - лесистые высоты Уиллерсли, представляет собой более мягкий и живописный вид. В девичестве нашей героини он был сравнительно новым и считался чудом округа благодаря архитектурному вкусу и украшениям, которые привнес в него сэр Ричард. Сам великий хлопкопрядильщик был заложен под его алтарем в 1792 году, но Аркрайт царствовал в замке Уиллерсли во времена юности мисс Найтингейл - как, впрочем, и сегодня - и продолжал осуществлять благотельные планы основателя для жителей района. Тогда мельницы Аркрайта - давно уже не используемые - давали работу сотням людей, и ныне сонный городок Кромфорд был оживлен промышленным населением. Это было что-то вроде образцовой деревни, о чем свидетельствуют аккуратные ряды низких каменных домов, выстроившихся вдоль холма Кромфорд, и здесь были школы, читальни и другие средства, придуманные для улучшения жизни людей. Многие планы зародились благодаря викарию и покровителю Кромфордской церкви, а юные леди из Леа-Херст иногда помогали в организации развлечений.

Мы можем представить себе "мисс Флоренс", когда она ехала с родителями в Кромфордскую церковь, представляющую собой очень красивую картину: одетая в летний муслин, с шелковым спенсером, перекинутым через девичью грудь, и ее милое, спокойное лицо, сияющее из глубины ливорнского чепчика, усыпанного розами.

Однако именно в связи с церковью Детик и прилегающими к ней приходами Леа и Холлоуэй Флоренс Найтингейл провела большую часть своей филантропической работы. Этот район был особым владением ее отца, а также включал в себя церковь и деревню Крич. Как и в Кромфорде, здесь располагалась деревенская промышленность. Непосредственно под Ли Херстом находились чулочные фабрики Смедли, на которых работали сотни женщин и девушек, многие из которых жили в поместье Найтингейл, и мисс Флоренс проявляла большой интерес к их благополучию. Став женщиной, она организовала библейский класс для молодых женщин района и проводила его в старом здании в Ли-Херст, известном как "часовня". Класс был несектантским, поскольку "люди Смедли", следуя примеру своего учителя, доктора Джона Смедли, были в основном методистами. Однако религиозные разногласия в округе не были горькими, и мисс Найтингейл принимала в свой класс всех молодых девушек, которые были готовы прийти, независимо от того, принадлежали ли их родители к "часовне" или "церкви".

Память о тех воскресных днях, когда они сидели в крошечной каменной "часовне" с видом на солнечные лужайки и сады Ли-Херст, слушали прекрасные изложения Писания, которые выпадали на долю их любимой мисс Флоренс, или следовали за ее сладким голосом в священной песне, зеленеет в сердцах нескольких пожилых людей в этом районе. В их голосе появляется мягкость, а улыбка удовольствия озаряет их морщинистые лица, когда они

рассказывают, как "красиво говорила мисс Флоренс". Через много лет после этого, когда она вернулась на каникулы в Леа Херст, ничто не доставляло мисс Найтингейл большего удовольствия, чем молодые девушки района, некоторые из них дочери ее бывших учеников, чтобы прийти в летние воскресные дни и петь на лужайке в Леа Херст, как она сидела в своей комнате выше. Недуг не позволял ей общаться с ними, но девочки были рады, если им удавалось увидеть ее лицо, улыбающееся из окна.

В зимние месяцы, проведенные в своем доме в Хэмпшире, Флоренс Найтингейл также активно работала среди больных бедняков и молодежи. Эмбли Парк находится недалеко от города Ромси, в приходе Ист-Уиллоу, и мистер Найтингейл и его семья посещали эту церковь. "У мисс Флоренс было много друзей среди жителей коттеджей, и некоторые старики до сих пор вспоминают, как видели "молодых леди", разъезжающих на своих пони и останавливающихся с любезными расспросами у дверей некоторых домов. Хотя сестры были такими близкими подругами, главной благотворительницей всегда вспоминают мисс Флоренс. Она обладала счастливым даром завоевывать любовь людей и инстинктом оказывать нужную помощь, хотя мисс Парте была не менее добросердечна.

На Рождество Эмблей-парк становился центром, из которого исходило много хорошего настроения. "Флоренс, одетая в горностаевую фуфайку, муфту и бобровую шапку, помогала раздавать старушкам посылки с чаем и теплые пижамы. Она придумывала рождественские развлечения для детей и помогала готовить угощения для бедняков из рабочего дома. Местные исполнители колядок получали теплый прием в Эмбли, особенно от мисс Флоренс, которая приходила в зал, чтобы посмотреть на раздачу пирожков с фаршем и монет, а также пообщаться со скромными исполнителями. Обучение мальчиков и девочек пению было для нее предметом особого интереса, и в те далекие дни она многое сделала для того, чтобы привить любовь к музыке жителям деревень Леа-Херст и Эмбли. Сегодня она с удовольствием послушала бы хорошо подготовленный оркестр, созданный рабочими мельницы в Леа, который летним вечером можно услышать возле мельниц.

Эмбли выходил на холмы границы Уилтшира, а кафедральный город Солсбери, расположенный всего в тринадцати милях от него, предоставлял мисс Найтингейл более широкое поле для филантропических интересов. Она всегда была готова принять участие в благотворной работе по соседству, а детская больница и другие программы, основанные и проводимые ее друзьями мистером и миссис Сидни Герберт, впоследствии лорд и леди Герберт из Леа, сформировали особый интерес для нее в годы, непосредственно предшествовавшие началу Крымской войны.

Однако не следует думать, что в первые годы своей женской жизни мисс Найтингейл полностью посвятила себя религиозной и филантропической работе, хотя она составляла серьезный фон ее общественной жизни. Мистер Найтингейл, будучи человеком состоятельным и влиятельным, любил, чтобы его жена и дочери принимали участие в жизни окружного общества. Зимой он часто проводил время в Эмбли, который был гораздо больше и красивее, чем Леа Херст. У мистера и миссис Найтингейл был большой круг друзей, и их дом был отмечен как место гениального гостеприимства, в то время как их очаровательные и опытные дочери привлекали много поклонников.

Семья не ограничивалась только обществом графства. Иногда они приезжали в Лондон на сезон, и Флоренс с сестрой делали реверансы королеве Виктории, когда та находилась в расцвете своей ранней супружеской жизни, и участвовали в светских мероприятиях того времени.

Однако с годами Флоренс Найтингейл все меньше заботилась о волнениях и удовольствиях общества. Ее натура начала жаждать какой-то определенной работы и более широкого поля деятельности, чем то, которое она находила в частной жизни. Две тяжелые болезни членов ее семьи развили ее способности к уходу за больными, и когда они перестали требовать ее внимания, она обратилась к систематическому изучению сестринского дела.

МИСС НАЙТИНГЕЙЛ.

(С рисунка.)

[К лицу с. 48.

Сегодня кажется почти невозможным осознать, насколько новаторской была идея о том, чтобы родовитая и образованная женщина стала медсестрой. Мисс Найтингейл была пионером из пионеров. Тогда у нее самой не было четкого курса на будущее, но она осознавала тот важный момент, что не может надеяться достичь чего-либо без обучения. Способности были необходимы, как и желание быть полезным больным и страдающим, но важны были подготовленные знания. В одном из писем, которое мисс Найтингейл написала молодым женщинам в последующие годы на тему "Работа и долг", она заметила: "Я бы сказала всем молодым женщинам, призванным к какому-либо призванию, подготовиться к нему, как мужчина к своей работе. Не думайте, что вы сможете заниматься этим иначе. Подчинитесь правилам бизнеса, как это делают мужчины, только так вы сможете сделать Божье дело успешным; ведь Он никогда не говорил, что даст Свой успех и Свое благословение эскизным и незаконченным работам". А в другой раз она писала: "Три четверти всех бед в жизни женщин происходят оттого, что они исключают себя из правил обучения, которые считаются необходимыми для мужчин".

Именно в таком духе мисс Найтингейл приступила к выбранной ею работе, ибо она была последним человеком, который "проповедовал, а не практиковал". Советы, которые она давала другим женщинам, когда сама поднялась на вершину своей профессии, были направляющим влиянием ее собственного становления.

Благотворительная деятельность, которой она отличалась как дочь сквайра, дала ей полезный опыт и открыла глаза на необходимость квалифицированных медсестер для больных бедняков. То, что сейчас называется "районным сестринским делом", в этот период занимало ум Флоренс Найтингейл, а ее внимание к военному сестринскому делу было привлечено позже в связи с чрезвычайной ситуацией в стране.

Именно в этот критический период своей жизни, когда ее ум формировался для такой высокой цели, Флоренс Найтингейл встретила Элизабет Фрай. Первое сцепление рук этих двух женщин-первопроходцев могло бы послужить темой для картины. Мы видим, как величественная и красивая старая квакерша в характерном одеянии Друзей по-сестрински приветствует молодую и серьезную женщину, которая пришла учиться у ее ног. Одна из них быстро завершала свою великую работу для женщин-заключенных, а другая стояла на пороге филантропической карьеры, которая должна была стать столь же выдающейся. У нас нет подробных записей о том, какие слова были сказаны на этой встрече, но мы знаем, что память о небесной личности Элизабет Фрай была постоянным источником вдохновения для Флоренс Найтингейл в последующие годы.

Это была встреча родственных духов, но разных индивидуальностей. Мы не видим, что мисс Найтингейл делает какие-либо попытки взять мантию быстро падает от опытного филантропа: она была своя собственная линия пионерской работы формируется в ее способный мозг, но стремился почерпнуть что-то из широкого опыта, через который ее почитаемый друг прошел. В последние несколько лет миссис Фрай посещала тюрьмы и учреждения на континенте и основала в Лондоне небольшой учебный дом для медсестер. Она была подругой пастора Флиднера, основателя Кайзерсверта, и посещала это учреждение. Рассказ миссис Фрай о его работе и об основанном им ордена протестантских диаконисс для ухода за больными бедняками произвел глубокое впечатление на Флоренс

Найтингейл, и в результате несколько лет спустя она стала добровольной медсестрой в этом новом учреждении.

Тем временем она изучала больничную систему на родине, проведя несколько месяцев в ведущих лондонских больницах и посетив больницы в Эдинбурге и Дублине. Затем она совершила длительную поездку за границу и увидела, как по-разному работают учреждения для больных во Франции, Германии и Италии. Сравнение было не в пользу нашей страны. Уход за больными в наших больницах в основном находился в руках женщин самого грубого типа, не только не обученных, но и черствых в чувствах, а зачастую и грубо аморальных. Их пагубному влиянию мало что можно было противопоставить, а атмосфера в учреждениях, которые, будучи обителью больных и умирающих, особенно нуждались в духовном и возвышающем влиянии, носила деградирующий характер. Эпизодические визиты капеллана мало что могли противопоставить поведению беспринципной медсестры, постоянно находящейся у постели больного. О привычном пьянстве этих женщин тогда ходили легенды, а грязь и беспорядок, царившие в палатах, порождали болезни. Профессия", если медсестры того времени могут претендовать на столь достойное звание, имела такое клеймо, что ни одна порядочная женщина не решалась вступить в нее, а если и вступала, то с большой вероятностью теряла свой характер.

В противоположность этому отвратительному классу женщин, с которыми мисс Найтингейл, к своему ужасу, столкнулась в больницах Лондона, Эдинбурга и Дублина, и "саири гамп", которые были единственными "профессиональными" медсестрами, доступными для среднего класса в их собственных домах, она нашла на континенте миловидную сестру милосердия - благочестивую, образованную, обученную.

На протяжении столетий римско-католическое сообщество обучало и выделяло святых женщин для служения больным беднякам в их собственных домах, а также создавало больницы, укомплектованные медсестрами того же типа. Многие из этих женщин были родовитыми и воспитанными дамами, которые трудились ради блага своей души и благополучия своей Церкви, и все они получили соответствующее образование и подготовку и отреклись от мира ради религиозной жизни. Прекрасным примером работы монахинь-медсестер является причудливый старинный госпиталь Святого Иоанна, с которым хорошо знакомы посетители Брюгге. Это было одно из учреждений, которое посетила мисс Найтингейл, и, несмотря на религиозные разногласия, она с глубоким восхищением наблюдала за благотворной работой сестер.

Проводя свои исследования от города к городу, мисс Найтингейл решила пройти курс обучения в недавно основанном учреждении для дьяконисс в Кайзерсверте на Рейне. Там протестантское сестричество работало по аналогии с сестрами милосердия и уже многое сделало для смягчения бедности, болезней и несчастий в своем округе, а также начало распространять свое влияние на другие немецкие города. В Кайзерсверте идеальная система обученного ухода за больными, которую мисс Найтингейл формировала в своем воображении, стала свершившимся фактом.

ГЛАВА VI

АЛЬМА-МАТЕР ФЛОРЕНС НАЙТИНГЕЙЛ И ЕЕ ОСНОВАТЕЛЬНИЦА

Поступил диакониса в Кайзерсверт Пастер Флиднер-его ранней жизни-становится пастором в Кайзерсверте-интерес к реформе тюрьмы-открывает небольшой пенитенциарный для освобожденных женщин-заклученных-основы школы и больницы диакониса-правила для диаконисс-чудесное расширение его работы-его смерть-мисс Найтингейл дань.

Справедливые наставления, данные на великих примерах,

Она черпала в них то, что они черпали на небесах.

Поуп.

1849 год стал памятным в карьере Флоренс Найтингейл, ведь именно тогда она поступила в качестве добровольной медсестры в Институт диаконисс в Кайзерсверте на Рейне, который можно назвать ее Alma Mater. Это была первая школа по подготовке больных медсестер, созданная в современное время, и кажется счастливым стечением обстоятельств, что именно в ее стенах училась та, кому суждено было держать голубую ленту сестринского братства мира.

ПАСТОР ФЛИДНЕР, ОСНОВАТЕЛЬ КАЙЗЕРСВЕРТА.

Хотя она уже получила ценное представление о работе и управлении больницей во время посещения различных госпиталей в стране и за рубежом, только приехав в Кайзерсверт, она нашла воплощение своим идеалам. Здесь было протестантское учреждение, которое обладало всеми положительными сторонами римско-католических сестричеств без их ограничений. Кроме того, оно привлекало тем, что находилось под руководством пастора Флиднера, человека простой и преданной набожности и прирожденного филантропа.

Ему хватило проницательности понять, что мир нуждается в услугах квалифицированных женщин для борьбы с пороком и болезнями, и с этой целью он возродил должность диакониссы, учрежденную ранней христианской церковью. Идея обучения женщин для служения больным и бедным кажется достаточно естественной сегодня, но в молодости мисс Найтингейл она была совершенно новой. Участковая медсестра тогда еще не была изобретена. Кайзерсвертская школа сочетала больничную рутину и обучение с благотворной работой среди бедных и отверженных.

Пастор Флиднер, его основатель, был поистине родственным духом, и представляется уместным рассказать немного о человеке, оказавшем столь значительное влияние на нашу героиню в дни ее становления. Теодор Флиднер был всего на двадцать лет старше ее, родившись в 1800 году в Эппштайне, небольшой деревушке у Рейна. Он был "сыном помещика": и его отец, и дед были лютеранскими священниками. Уже в раннем возрасте он проявил желание стать силой добра в мире, и его чувствительные чувства были сильно задеты в детстве, когда отец игриво называл его "маленьким пивоваром" из-за его пухлой круглой фигуры. Эта шутка заставила маленького Теодора сильно задуматься и почувствовать, что его натура, должно быть, очень плотская и нуждается в большой дисциплине. В наши дни он, вероятно, прибег бы к упражнениям Сэндоу или велосипеду.

Конечно, Теодор был беден, и ему пришлось работать, чтобы поступить в колледж. Он учился в Гиссенском и Геттингенском университетах, давая уроки в обмен на еду и жилье, и не отказывался от ручного труда. Он пилил дрова, чистил сапоги и выполнял другую работу. Он также чинил свою одежду, но несколько примитивно: в письме к матери он говорит, что зашивал дыры на своих брюках белой ниткой, которую потом замазывал чернилами. Каникулы он проводил, преодолевая большие расстояния и питаясь самым необходимым, чтобы познакомиться с миром. Он изучал иностранные языки, много читал и, будучи студентом колледжа, продемонстрировал склонность своего ума, собрав песни и игры для детей, которые впоследствии использовались в его собственном детском саду и распространились по всему миру. Он также научился использовать травы и приобрел много домашних знаний о лечении болезней.

После окончания колледжа он стал воспитателем в частной семье в Кельне, и мать его воспитанников взяла на себя заботу о его поведении. Возможно, у этой дамы были свои взгляды на физическую культуру в связи с тучностью его фигуры. Однако Теодор, говоря о пользе, которую приносят уроки выправки, причудливо признается, что "мягкие пути и вежливые манеры очень помогают продвижению Царства Божьего". Во время пребывания в Кельне он помогал местному священнику в приходской работе и иногда проповедовал в тюрьме, получив таким образом представление о несчастном положении освобожденных заключенных, которое вдохновило его на последующую благотворную деятельность в их интересах.

Когда Теодору Флиднеру исполнилось двадцать два года, он получил приглашение стать пастором борющейся протестантской общины в маленьком городке Кайзерсверт на Рейне, недалеко от Дюссельдорфа, которое он принял. В Эппштайне, своей родной деревне, он был рукоположен, окруженный восторженным семейным кругом. Характерно, что молодой пастор отправился в Кайзерсверт пешком и прибыл раньше, чем его ожидали, чтобы избавить прихожан от необходимости устраивать ему прием.

Его положение было скромнее, чем у викария Голдсмита: он получал скромное годовое жалованье в 180 талеров (27 фунтов стерлингов) и вынужден был делить пасторский дом с матерью своего предшественника, а чтобы облегчить жизнь своей овдовевшей матери, взял к себе двух младших братьев и сестру. Едва он обустроил свое скромное хозяйство, как бархатная фабрика, от которой зависело протестантское население Кайзерсверта, разорилась, и молодой пастор оказался с обездоленной паствой. Он получил еще два вызова, но его сердце было приковано к Кайзерсверту, и он решил, подобно апостолам, отправиться с посохом в руках и пройти по протестантским странам в поисках помощи для своего народа. Он посетил Германию, Голландию и Англию, где получил помощь и поддержку.

Самая важная дружба, которую молодой лютеранский пастор завязал в Лондоне, была с Элизабет Фрай. Деятельность этой благородной филантропки среди заключенных Ньюгейта стала для него откровением, и он вернулся в свой приход Кайзерсверт, горя желанием сделать что-то для заключенных своей страны. Он начал работать в соседней тюрьме Дюссельдорфа, где стал постоянным посетителем и начал проводить службы. 26 июня 1826 года он сыграл важную роль в основании в Дюссельдорфе первого немецкого общества по улучшению тюремной дисциплины.

Перед ним встала большая проблема - как защитить освободившихся женщин-заключенных от дурной жизни, к которой их подталкивали несчастные обстоятельства по окончании срока заключения. Как правило, у них не было ни дома, ни защитника, и они были выброшены в мир с клеймом заключенных. Он решил посвятить себя спасению и защите этих несчастных женщин.

В сентябре 1833 года он начал свой эксперимент, своими руками подготовив старый летний домик площадью около двенадцати футов, который стоял в уединенной части его сада в качестве убежища для освободившихся женщин-заключенных. Он защитил его от ветра и дождя, сделал его чистым и пригодным для жизни, поставил там кровать, стол и стул и молился, чтобы Бог направил в этот приют какую-нибудь отверженную странницу. Однажды ночью к ним явилась бедная брошенная женщина, и пастор со своей доброй женой провели ее в приготовленную комнату. Это обездоленное существо, поселившееся в старом летнем домике, практически положило начало знаменитому ныне учреждению Кайзерсверт. В течение зимы еще девять женщин добровольно нашли приют, и работа продолжалась до тех пор, пока рядом с домом пастора не было построено новое отдельное здание с собственным садом и полем, рассчитанное на двадцать женщин. Заведовали пенитенциарным заведением мадам Флиднер, жена основателя, и мадемуазель Гёбель, добровольная помощница.

У некоторых женщин были дети, и следующим шагом пастора Флиднера стало открытие школы для младенцев по типу современного детского сада. Теперьгодились детские игры и песенки, которые он собирал во время своих поездок за границу, когда учился в колледже. Для растущей школы требовались учителя, и со временем была открыта нормальная школа для подготовки воспитательниц детских садов.

МИСС НАЙТИНГЕЙЛ.

(С бюста в Клейдоне.)

Этот бюст был подарен мисс Найтингейл солдатами после Крымской войны и выполнен покойным сэром Джоном Стилом.

[На обороте с. 61.]

Однако идея, которая наиболее активно доминировала в сознании пастора, заключалась в обучении женщин работе в больницах и уходу за бедными. В его приходе Кайзерсверт было

много бедности и некомпетентности среди людей, и не было никакой возможности бороться с болезнями. Через три года после того, как он основал пенитенциарный центр для освободившихся женщин-заключенных, о чем уже говорилось, он приступил к более важному начинанию - основанию больницы для приема бедных пациентов и подготовки медсестер или дьяконисс.

13 октября 1836 года была открыта "Больница дьяконисс, Кайзерсверт", практически без пациентов и без дьяконисс. Для больницы пастор выделил часть заброшенной фабрики, остановка которой ввергла его жителей в нищету в первый год его пасторства - необычный пример воплощения поэтической справедливости. Он обставил палаты починенной мебелью, треснувшей глиняной посудой и той утварью, которую смог выпросить. Его запас белья составлял всего шесть простыней. Но чистота ничего не стоила, и в больнице она, безусловно, была. В воскресенье утром после открытия первый пациент, бедная страдающая девушка-служанка, постучалась в дверь, чтобы ее пустили. В течение месяца поступило еще четверо больных, и за год в примитивной больнице было принято шестьдесят пациентов, а средства на поддержание работы все прибывали.

Почти одновременно с пациентами появились медсестры. Сначала одинокая кандидатка прошла обучение на дьяконницу, а за ней последовало несколько испытуемых. В течение года в учреждение поступили семь медсестер. В их приеме не было ничего бессистемного, поскольку пастор, учреждая свой орден протестантских дьяконисс, установил простой свод правил. Ни одна дьяконисса не должна была быть моложе двадцати пяти лет, и, хотя ее нанимали на пять лет, она могла уйти в любой момент. Кандидаты были торжественно приняты в общину и посвящены на работу через возложение рук пастором, который произнес заключительное благословение в словах: "Да благословит вас Бог Отец, Сын и Святой Дух, три Лица в едином Боге; да утвердит Он вас в Истине до смерти и дарует вам венец жизни после смерти. Аминь".

Одежда дьяконисс очень причудливая и простая, но неброская. Оно состоит простого синего хлопчатобумажного платья, белого фартука, большого белого отложного воротничка и белого муслинового чепчика, закрывающего лицо по старому стилю и завязывающегося под подбородком большим бантом. Молодые девушки-надзирательницы выглядят очень мило и привлекательно в чепчике, который, как правило, подчеркивает красоту свежего юного лица, а пожилым женщинам, перешедшим с активной службы в Дом отдыха, он кажется необычайно уместным.

В отличие от своих римско-католических сестер, кайзерсвертские диакониссы не были связаны обетами. Их призванием было быть слугами Христа и служителями больных и бедных. Они могли в любой момент вернуться в свои семьи, если их услуги были необходимы, и имели право выйти замуж, но не оставаться после этого в больнице, так как считалось, что новые связи помешают полной преданности своему делу.

Пастор Флиднер был человеком с социальными инстинктами и сам был женат дважды. Его первая жена прожила совсем недолго, а история второго замужества причудливо описана в его дневнике. Он отправился в Гамбург, чтобы попросить Амалию Сивекинг взять на себя руководство домом диаконисс. Та не смогла выполнить просьбу, но порекомендовала вместо себя молодую подругу и ученицу Каролину Берто, которая работала медсестрой в гамбургской больнице. Пастору так понравилась эта замена, что он предложил ей выбор: либо возглавить дом диаконисс, либо стать его женой. Каролина скромно выбрала оба варианта. Они сразу же поженились и провели медовый месяц в Берлине, где основали первые пять диаконисс в больнице Шарите, а со временем вернулись в Кайзерсверт, где

молодая жена стала матерью-диакониссой этого заведения и преданной помощницей мужа во всех его послерабочих делах.

Но вернемся к обучению диаконисс. После того, как институт был создан во всех его филиалах, при поступлении кандидатка решала, кем она хочет стать - учительницей или медсестрой, и зачислялась в *Krankenschwestern* или *Lehrschwestern* в соответствии со своим выбором. Каждая испытуемая проходит курс практической работы по дому. Она учится готовить, шить, гладить и мыть посуду, участвуя в рутинной работе в больнице, и это помогает ей быть действительно полезной, когда она приходит в дома бедных. Кроме того, испытуемая обучается ведению простой бухгалтерии, написанию писем и чтению вслух. После прохождения общего курса она переходит к специальному обучению по своему выбору. Если она хочет стать медсестрой, то поступает в хирургическое и медицинское отделения больницы, а если учительницей, то проходит обучение в детском саду и других школах.

Кайзерсвертские дякониссы не получают жалованья, главная идея заключается в том, что они должны отдавать себя работе. Они получают бесплатное питание и ежегодно два голубых хлопчатобумажных платья и два фартука, а каждые пять лет - новое голубое шерстяное платье и черный фартук из альпаки для лучшего ношения. Через определенные промежутки времени они получают новое наружное платье, которое состоит из длинных черных плащей и черных чепцов, плотно прилегающих к белому чепцу. Если у дякониссы есть частная собственность, она сохраняет полный контроль над ней, и после ее смерти она переходит к ближайшим родственникам, если она не распорядилась ею иначе по завещанию. Каждой дякониссе полагается небольшая сумма на карманные расходы.

В течение первых десяти лет после основания Кайзерсверта пастор Флиднер распространял свою систему диаконисс, пока не создал шестьдесят сестер в двадцати пяти различных центрах, и призывы поступали со всех сторон. В 1849 году он оставил свое пасторство, чтобы отправиться в путешествие и основать филиалы в разных частях света. Его первое длительное путешествие было в Соединенные Штаты, чтобы направить диаконисс в немецкий приход доктора Пассаванта в Питтсбурге; а второе - в Иерусалим, где он основал "материнский дом" с четырьмя диакониссами на горе Сион в здании, подаренном королем Пруссии. Это отделение обязуется ухаживать за всеми больными, независимо от вероисповедания, и является школой подготовки медсестер на Востоке.

Из Иерусалима он отправился в Константинополь, основал там отделение, а затем посетил Александрию, Бейрут, Смирну, Бухарест и другие места. В Лондоне он уже основал дом диаконисс. Эти учреждения быстро распространились по Германии, и сегодня едва ли найдется в Отечестве хоть один крупный город, в котором не было бы своего дома диаконисс, бесплатно посылающих сиделок к бедным и снабжающих семьи среднего класса за умеренную плату. Последние годы жизни пастора прошли в телесных страданиях, но он по-прежнему держал руку на штурвале. Его последним делом было основание в Кайзерсверте дома отдыха для отставных дяконисс. Добрый человек был очень обрадован не только тем, что его дело получило чудесное продолжение - он оставил после себя сто домов, в которых работали четыреста тридцать дяконисс, - но и тем, какие плоды посеяло его семя в сердце английской леди, ставшей героиней Крымской войны. С особым интересом он следил за работой Флоренс Найтингейл в той кампании, ведь ее подвиги пролили отраженный свет на ее альма-матер.

4 октября 1864 года пастор Флиднер, выражаясь словами мисс Найтингейл, "отошел к своему славному покою". Почти последними его словами были: "Оглядываясь на свою жизнь, я

понимаю, насколько она была полна благословений; каждое биение сердца должно было быть благодарностью, а каждый вздох - хвалой".

Комментируя его работу, мисс Найтингейл сделала такое характерное резюме: "Пастор Флиднер начал свою работу с двух кроватей под крышей, а не с воздушного замка, и Кайзерсверт теперь распространяет свои благословения и своих дьяконисс почти по всем протестантским землям".

ГЛАВА VII

ВСТУПЛЕНИЕ В КАЙЗЕРСВЕРТ: ПРОСЬБА О ДИАКОНИССАХ

Интересное письмо - Описание мисс Найтингейл, когда она вошла в Кайзерсверт - Свидетельства ее популярности - Впечатляющее прощание с пастором Флиднером.

Путешествующий ум - это католический ум, избавленный от исключительности и эгоизма. Бронсон Олкотт.

Когда Флоренс Найтингейл поступила в больницу для дьяконисс в Кайзерсверте, это учреждение, если считать его первым примитивным пенитенциарным учреждением, существовало уже шестнадцать лет. Оно уже включало в себя больницу и учебный дом для дьяконисс, семинарию для воспитательниц детских садов, детский сад, приют для сирот и пенитенциарное учреждение, но было небольшим по сравнению с обширными поселениями наших дней. Управление им было очень простым и примитивным, а медсестры почти полностью состояли из крестьян. Мода на "дамских" медсестер была практически неизвестна. Дьяконица Рейхардт, первая сестра, поступившая в это учреждение, все еще находилась там во время пребывания мисс Найтингейл.

Интересную автобиографию о своих днях в Кайзерсверте мисс Найтингейл изложила в письме, сохраненном властями Британского музея. Письмо было отправлено в ответ на их просьбу о копии небольшой истории Кайзерсверта, которую мисс Найтингейл опубликовала после своего возвращения из учреждения, и было поспешно написано карандашом. Оно датировано 24 сентября 1897 года, отправлено из ее дома 10 по Южной улице, Парк-Лейн, и выглядит следующим образом

"Господа Дюбау...

Вчера от вас звонил джентльмен и просил копию моего *"Кайзерсверта"* для, я полагаю, Британского музея.

"Со вчерашнего дня начались поиски, но удалось найти только две копии, и одна из них порвана и испачкана. Я посылаю вам наименее плохо выглядящий экземпляр. Вы увидите дату - 1851 год, и после того, как напечатанные тогда экземпляры были розданы, я, кажется, никогда не вспоминал о ней.

"Я сам дважды проходил там обучение. Конечно, с тех пор больничные и участковые медсестры добились больших успехов. Действительно, участковые медсестры были изобретены.

"Но никогда я не встречал более высокой любви, более чистой преданности, чем там. Там не было пренебрежения.

"Это было тем более замечательно, что многие из дьяконисс были всего лишь крестьянками - (ни одна из них не была дворянкой, когда я там была).

Еда была скудной - никакого кофе, кроме зернового, никакой роскоши, кроме чистоты".

"Флоренс Найтингейл".

Можно представить себе, как заволновались простые добрые дьякониссы в своих синих хлопчатобумажных халатах, белых фартуках и чепчиках из муслина, когда стало известно, что к ним приехала учиться английская леди, обладающая богатством и положением. То, что такая женщина добровольно возьмет на себя обязанности больничной сиделки, ухаживая за больными бедняками своими нежными руками, было в то время почти беспрецедентным. Но "фройляйн Найтингейл" быстро освоилась среди своих коллег-медсестер и стремилась научиться всему, чему могли научить ее более опытные. Она работала и днем, и ночью, и вникала во все сферы деятельности. Одета в простое платье медсестры, она ходила по палатам больницы, перенося очарование своего присутствия от кровати к кровати, как позже она делала это в Скутари. Если нужно было принять сложный случай или провести операцию, английская фройляйн непременно оказывалась на месте.

В этот период мисс Найтингейл была в силе и красоте своей ранней женственности. Она была высокой, стройной и изящной, с обилием каштановых волос, аккуратно уложенных по обе стороны ее высокого широкого лба, с пронизательными серо-голубыми глазами и ртом, который, хотя и был твердым, свидетельствовал о чувстве юмора. Дьякониссы, с которыми она могла разговаривать на их родном языке, находили ее забавной собеседницей, поскольку она обладала острым язвительным умом, некоторой домашней пронизательностью в выражениях и знаниями, приобретенными не только благодаря высокому образованию, но и хорошему опыту зарубежных путешествий. Помимо всего прочего, ее отличала способность приспосабливаться к обстоятельствам, и она освоилась со скромной пищей и простым распорядком жизни в Кайзерсверте так же легко, как если бы никогда не знала изысканной роскоши отцовского дома. Неудивительно, что милые старческие лица дьяконисс на пенсии, доживающих свой последний век в Кайзерсвертском доме отдыха, и сегодня озаряются улыбками при упоминании о "фройляйн Найтингейл". Некоторые могут вспомнить ее милосердное доброе присутствие среди них, и все чувствуют удовлетворение от того, что ее почетное имя занесено в список сестер.

Сестра Агнес Джонс, преданная и знаменитая медсестра из Ливерпуля, была в Кайзерсверте в 1860 году и рассказывает о впечатлении, которое произвела на дьяконисс личность мисс Найтингейл. Она пишет в письме к другу: "Их любовь к мисс Найтингейл так велика; она пробыла там всего несколько месяцев, но они так хотят увидеть ее снова. Я много расспрашивала о ней; такой любящий и прекрасный женский характер, и такая религиозность. Сестра С. сказала мне, что многие больные помнят многое из ее учения, а некоторые умерли счастливыми, благословляя ее за то, что она привела их к Иисусу".

Хотя обучение работе в больнице было главной целью мисс Найтингейл, отправившейся в Кайзерсверт, она глубоко интересовалась всеми планами пастора Флиднера по оказанию помощи бедным в его приходе и вместе с фрау Флиднер много занималась тем, что в наши дни назвали бы "посещением района". Она также проявляла большой интерес к школе и учительской семинарии и завязала теплые дружеские отношения с Генриеттой Фрикенхаус, первой учительницей Кайзерсверта, которая все еще руководила семинарией и к тому времени подготовила четыреста кандидатов.

В то время, когда мисс Найтингейл впервые приехала в Кайзерсверт, пастор Флиднер оставил приходскую работу, чтобы отправиться за границу и основать институты диаконисс в разных городах, но они иногда встречались, а во время ее пребывания в Кайзерсверте он был дома и, как можно легко представить, проявлял глубокий интерес к обучению столь блестящей и выдающейся ученицы. Мистер Сидни Герберт посетил Кайзерсверт во время испытательного срока мисс Найтингейл, и поэтому имел возможность увидеть эффективное обучение леди, которая впоследствии стала его почетным соадьютором в реформах больниц и сестринского дела.

Когда Флоренс Найтингейл покидала Кайзерсверт, произошла очень впечатляющая сцена. Нынешний руководитель учреждения, пастор Дюссельхофф, говорит мне, что его мать, старшая дочь пастора Флиднера, живо вспоминает эту сцену сегодня. Попрошавшись с дьяконицами, мисс Найтингейл склонила голову перед пастором и попросила у него благословения. Положив руки ей на голову и обратив лицо к небу, он молился о том, чтобы ее пребывание в Кайзерсверте принесло драгоценные плоды, а ее великие силы были направлены на служение человечеству. Затем, повторив свою обычную формулу: "Да благословит вас Бог Отец, Сын и Святой Дух, три Лица в едином Боге; да утвердит Он вас в Истине до смерти и дарует вам впоследствии венец жизни. Аминь" - и отправил ее на служение больным и страждущим. Он и представить себе не мог, насколько масштабным окажется это служение. Учителю и ученице не суждено было встретиться вновь, но добрый пастор дожил до того времени, когда имя Флоренс Найтингейл зазвучало на весь мир.

После возвращения мисс Найтингейл домой после второго пребывания в Кайзерсверте она опубликовала в 1851 году брошюру об этом учреждении, а во введении дала несколько прекрасных советов девушкам того времени. Ее замечания могут показаться несколько устаревшими в наши дни, но они интересны тем, что показывают стремление к полезной работе, которое начинало овладевать женщинами из обеспеченных слоев общества и которое необходимо было направить в нужное русло. В то время раздавались крики о необученности. Женщины жаждали занятий, но лишь немногие из них прошли определенный курс обучения.

В этот период мисс Найтингейл была пионером своего пола и явно "продвинутой" женщиной, но желание свободы действий было сдержано уравновешенной от природы натурой. Она выступала от имени женщин за то, чтобы их поощряли к поиску профессии и должным образом готовили к работе. В *"Кайзерсверте"* она более подробно рассматривает призвание медсестры или дьякониссы, но в качестве прелюдии к этому небольшому произведению она обращается к положению женщин в ее собственном веке. Существует "старая легенда, - пишет она, - что девятнадцатый век должен стать веком женщин", но она считает, что до настоящего времени (1851 г.) он им не принадлежал. Она великодушно освобождает мужчину от вины. Вина не его, потому что "ни в одной стране женщине не была предоставлена такая свобода для культивирования ее способностей", как в Англии. "Ее [женщину] больше не называют педантичной, если ее способности проявляются в разговоре. Автора обхаживают, а не сторонятся". Женщины, по ее мнению, достигли необычайного интеллектуального развития, но как человеческие существа не могут передвигаться на двух ногах одновременно, разве что прыгать, так и интеллектуальная нога женщины сделала шаг вперед, а практическая нога осталась позади. "Женщина, - говорит мисс Найтингейл, - стоит в стороне. Ее образование для действий не успевает за ее образованием для приобретения знаний". Женщина восемнадцатого века, возможно, была счастливее, когда практика и теория были наравне, чем ее более культурная сестра

девятнадцатого века. Последняя желает, но не знает, как сделать многие вещи! Первая же, по крайней мере, хотела бы, *чтобы* у нее получилось".

Похоже, когда мисс Найтингейл была молодой женщиной, в моду вошла мода на восхваление незамужней девушки в противовес ее сестре, вступившей в брачные узы, но в этом вопросе наша героиня была по-рачьи искренна. "В последнее время стало модно, - говорит она, - кричать о "старых девах", возмущаться тем, что брак - это призвание всех женщин, заявлять, что одинокая жизнь так же счастлива, как и замужняя, если только люди так думают. Воздух - такая же благоприятная среда для рыб, как и вода, если только они знают, как в ней жить. Покажите нам, *как* быть одинокими, и мы согласимся. Но до сих пор нам не удавалось убедить в этом молодых англичанок. И мы должны признать, что *при нынешнем положении вещей* их ужас перед "старыми девами" кажется оправданным... Жизнь без любви и деятельность без цели ужасны в идее и утомительны в реальности".

Мисс Найтингейл не затрагивает вопрос о том, что неравенство между полами делает одиночество не выбором, а необходимостью для многих женщин, и что в интересах тех, кто должен оставаться неженатым, подготовка к определенному призванию в жизни должна быть дана девочкам так же, как и мальчикам.

Далее она говорит о стремлении женщин к работе и об *унынии*, которое возникает из-за ее отсутствия, и рисует картину пяти или шести дочерей, живущих в зажиточных домах и не имеющих другого занятия, кроме занятий в воскресной школе, а также девушек из среднего класса, которые становятся обузой для отцов и братьев.

Она отпускает несколько характерных острот в адрес юных леди, которые пытаются прогнать *тоску*, посещая приход, и из-за своей неосведомленности лишь деморализуют бедняков. В доказательство этого мисс Найтингейл рассказывает историю о том, что однажды, войдя в коттедж, который обычно был аккуратным и опрятным, она обнаружила все вверх дном.

"Ла! А что, мисс, - сказала хозяйка коттеджа на изумленный взгляд своей посетительницы, - когда приезжают дамы, посещающие район, если бы мы не поставили все вверх дном, они бы нам ничего не дали".

"Уметь *хорошо* посещать, - говорит мисс Найтингейл, комментируя вышеприведенный случай, - одно из самых редких достижений. Но когда оно достигнуто, какое это благословение и для посетителей, и для посещаемых!"

Эти замечания о работе женщин были сделаны в качестве предисловия к теме дьяконисс. Мисс Найтингейл вернулась из Кайзерсверта, полная энтузиазма по поводу призвания опытной медсестры и посетительницы бедных, и пыталась познакомить своих молодых соотечественниц с этой тогда еще очень новой темой как способом избавления от вялости и *уныния*. О том, что она считала эту тему опасной, свидетельствует подробный рассказ о связи должности дьякониссы с раннехристианской церковью, который она сочла необходимым дать, чтобы развеять опасения протестантов, что дьяконисса - это замаскированная монахиня.

В наши дни, когда женщины активно участвуют в церковной работе и благотворительности, и когда их помощь приветствуется духовенством в приходах по всей стране, кажется странным обнаружить, как осторожно мисс Найтингейл рекомендовала должность дьякониссы. Она трудится над схоластическими аргументами и цитирует Отцов. Святой Златоуст говорит о сорока дьякониссах, работавших в Константинополе в четвертом веке. Святые женщины этого ордена работали среди вальденсов, богемских и моравских братств. Лютер жаловался

на нехватку диаконисс в его округе, добавляя: "Женщины обладают особой благодатью, чтобы облегчать горе, и слова женщин трогают человека больше, чем слова мужчин". При королеве Елизавете дьякониссы были введены в протестантскую церковь во время государственной службы. Отцы-пилигримы, когда впервые отправились в Амстердам и Лейден, взяли с собой своих диаконисс, и мисс Найтингейл приводит пример амстердамской диакониссы, которая сидела на своем месте в церкви с маленьким березовым прутом в руке, чтобы поправлять детей, и рассказывает, как она призывала молодых девиц к служению, когда они были больны, и ее "слушались, как мать в Израиле".

Она считает очевидным доказательством того, что до учреждения ордена сестер милосердия святым Винсентом де Полем в 1633 году должность диакониссы была признана всеми христианскими конфессиями, а значит, не была заимствована у Римско-католической церкви. Причина, по которой подобные сестричества не процветали среди протестантов, заключалась в отсутствии подготовительных школ и учебных домов. Этот недостаток был восполнен в Кайзерсверте, и далее она описывает историю его основания и развития. Здесь она нашла свой идеал, и следующие несколько лет ее жизнь была посвящена филантропической и религиозной работе. Военное сестринское дело еще не забрезжило на ее горизонте.

ГЛАВА VIII

ПЕРИОД ОЖИДАНИЯ

Посещение сестер Святого Винсента де Поля в Париже - болезнь - возвращение к прежней жизни в Леа Херст и Эмбли - интерес к системе гидропатии Джона Смедли - благотворительность мистера и миссис Сидни Герберт - работа в доме для больных гувернанток на Харли-стрит - болезнь и возвращение домой.

Они служат и тем, кто только стоит и ждет.

Прошло еще три года, прежде чем Флоренс Найтингейл была призвана к своей великой жизненной работе. Покинув Кайзерсверт, она по пути домой остановилась на некоторое время у сестер Святого Винсента де Поля в Париже. Она была лишена религиозного фанатизма в стремлении к знаниям и искренне восхищалась самоотверженной и бескорыстной работой этого римско-католического сестричества. Они действительно были сестрами милосердия, а больницы и школы их общины получили всемирную известность. Их учреждения имели то преимущество перед Кайзерсвертом, что в то время они уже давно функционировали. В Париже мисс Найтингейл также нашла возможность изучать хирургию в больницах. Мастерство парижских хирургов было на высоте, и она вряд ли могла найти лучшую площадку для наблюдений, чем столица Франции. Вместе со своими добрыми подругами-сестрами мисс Найтингейл посетила дома для бедных и подробно изучила методы организованной ими благотворительности.

СЭР УИЛЬЯМ ГОВАРД РАССЕЛ.

(Фото Elliott & Fry.)

[На обороте с. 80.]

Занимаясь этой интересной работой, мисс Найтингейл заболела. Теперь она на собственном опыте убедилась в мастерстве и нежной заботе сестер, которые выхаживали ее до выздоровления.

Как только она смогла передвигаться, она вернулась к своей семье и завершила восстановление здоровья в прекрасном окружении своих любимых домов в Эмбли Парк и Лиа Херст. Там она провела последующие месяцы, занимаясь своей прежней работой - тихой благотворительностью среди бедных и немощных в приходах, где ее имя уже тогда было на слуху. К ее сердечной доброте, которую люди давно знали, добавилась мисс Флоренс, вернувшаяся из "дальних краев" со знаниями в области ухода за больными, которые поражали деревенский ум. Ходили слухи, что она может вправить сломанную ногу лучше доктора, у нее были средства от ревматизма и люмбаго, которые заставляли стариков снова чувствовать себя молодыми, а что касается ее примочек для глаз, то "их было достаточно, чтобы испортить зрелище".

В этот период в непосредственной близости от дома мисс Найтингейл в Дербишире работал "доктор" Джон Смедли, отец гидропатии и основатель знаменитой ныне "Гидропатической лечебницы Смедли" в Мэтлок-Бэнк. Хотя мисс Найтингейл, как я полагаю, специально не связывала себя с гидропатией, она всегда была сторонницей простых правил здоровья и диеты в противовес медикаментозному лечению. Она не могла не быть глубоко заинтересована в экспериментах, которые добрый Джон Смедли и его мать проводили практически у ее собственной двери, и они составляют часть среды, которая формировала ее ум в этот период.

Старый каменный дом, в котором Джон Смедли жил во время своих экспериментов, до сих пор стоит у подножия крутой дороги, ведущей к Леа Херст. Он был разделен на три небольших жилища, но старые жители до сих пор указывают на наружные перила, через которые миссис Смедли передавала простые лекарства своего сына жителям деревни и работникам мельницы Смедли, расположенной на противоположной стороне дороги. Деревня была особенно хороша для пионерской работы такого рода, потому что сотни рабочих, в основном женщин и девушек, из окрестностей получали работу на мельницах Леа. Дербиширские каменоломни и плавильные заводы, расположенные поблизости, также давали новых пациентов для лечения. Со временем Джон Смедли открыл рядом со своим домом две бесплатные больницы, одну для мужчин, другую для женщин, и пациенты подвергались гидропатическому режиму с такими благотворными результатами, что он открыл гидропатическое учреждение, известное под его именем, в Мэтлоке.

Когда мисс Найтингейл жила в Эмбли, она была очень заинтересована в благотворительных планах мистера Сидни Герберта, впоследствии лорда Герберта из Леа, и его опытной и красивой жены, которые были друзьями и соседями. Резиденция Гербертов, Уилтон-Хаус, находилась в нескольких милях от Эмбли на границе Уилтшира, и в этот период они занимались основанием детской больницы, школ и других филантропических начинаний, а также активно интересовались схемами эмиграции бедных женщин. Однако позже мы рассмотрим очень тесную дружбу, существовавшую между мисс Найтингейл и лордом и леди Герберт из Леа.

Как только мисс Найтингейл восстановила свое здоровье, она покинула тихую обстановку своих загородных домов, чтобы заняться филантропической деятельностью в Лондоне. Она проявляла большой интерес к работе Тряпичной школы графа Шафтсбери, а доходы от недавно опубликованной брошюры о Кайзерсверте, которая была напечатана воспитанниками Лондонской Тряпичной колониальной школы, направила на благотворительные цели.

Выбрав направление благотворительной деятельности, мисс Найтингейл в этот период руководствовался желанием помочь бедным дамам, так много из которых страдали молча и без внимания, и в значительной степени из-за их отсутствия надлежащего обучения для прибыльных призваний. Мы уже упоминали о ее здравом смысле, когда она выступала за возрождение ордена дьяконисс и призывала женщин пройти обучение, чтобы они были готовы к работе. Но в то время как она стремилась повлиять на девочек будущего, мисс Найтингейл сделала его настоящим долгом, чтобы успокоить и скрасить жизнь бедных дам, которые упали беспомощным в гонке жизни. С этой целью она взяла под свое руководство Дом для больных гувернанток на Харли-стрит, [А](#) который находился в очень неудовлетворительном состоянии.

[А](#) теперь он известен как Больница для неполноценных джентльменов.

О недоплачиваемых и плохо оплачиваемых частных гувернантках в былые времена было написано немало. Ее беды, а иногда и махинации были уделом романтиков. Когда в Грейндже в качестве гувернантки для младших детей появлялось прелестное юное создание в дешевом трауре, можно было почти с уверенностью предсказать гордую, суровую хозяйку, беспокойных и обидчивых учеников и разбитое сердце из-за сына сквайра. Но романист редко следовал за гувернанткой дальше интересного возраста молодости и красоты; если бы он это сделал, то мог бы рассказать печальные истории о бездомной старости, бедности и нужде. Дом на Харли-стрит был основан для помощи таким людям, особенно тем, у кого было плохое здоровье. В этом учреждении мисс Найтингейл нашел работу, которая принесла в активное использование знания больной уход, который она приобрела, дал выход для ее женской доброжелательности, предоставил поле для реализации своих организаторских способностей, и оказался ценной подготовки к тому, что предстояло в будущем.

Дом чахнул из-за бесхозяйственности и нехватки средств, и его новая заведующая принялась за работу с характерной методичностью. Она получила пожертвования от своих друзей, вселила в старых подписчиков новую уверенность и сумела снова поставить учреждение на ноги, но не без серьезного напряжения от перегрузок.

Одна дама, посетившая ее в это время, говорит о неустанном труде, который мисс Найтингейл отдавала учреждению. "Ее можно было найти, - пишет она, - посреди различных обязанностей больницы - ведь Дом был в основном санаторием - организация медсестер, ведение корреспонденции, рецептов и счетов; короче говоря, выполнение всех обязанностей трудолюбивой матроны, а также значительное финансирование учреждения".

Мисс Найтингейл полностью закрылась от внешнего общества и лишь изредка принимала своих самых близких друзей. Ее усердие принесло свои плоды в улучшении состояния Дома престарелых, а не только в комфорте, который она привнесла в него. Задача иметь дело с больными и капризными женщинами, озлобленными и ставшими чувствительными и требовательными из-за неудачных обстоятельств их жизни, была нелегкой, но у мисс Найтингейл был спокойный и веселый дух, который мог терпеть немощи слабых. И вот она

трудилась в скучном доме на Харли-стрит летом и зимой, создавая порядок и уют из убогого хаоса и оказывая настоящую помощь и поддержку больным и обремененным горем женщинам. В конце концов нагрузка оказалась слишком большой для ее нежного тела, и она была вынуждена с большой неохотой оставить свою работу.

Она снова вернулась в Эмбли-Парк и Лиа-Херст, чтобы поправить свое здоровье. Когда через несколько месяцев пришел главный зов ее жизни и она была призвана к работе, к которой, казалось, особое Провидение готовило ее с детства, она оказалась готова.

ГЛАВА IX

СИДНИ, ЛОРД ГЕРБЕРТ ЛЕА

Гладстон о лорде Герберте - ранняя жизнь лорда Герберта - его мать - карьера в колледже - вступление в общественную жизнь - в качестве военного секретаря - благотворительная работа в Солсбери - леди Герберт - дружба с Флоренс Найтингейл - снова военный секретарь.

Сформированный по старому доброму плану,

Настоящий, храбрый и честный человек.

Уиттиер.

Никто не знал тебя, кроме как любить,

Никто не называл тебя иначе, как восхваляя.

Халлек.

"Я бы хотел, - писал Гладстон Ричарду Монктому-Милнесу (впоследствии лорду Хаутону) в октябре 1855 года, - чтобы хоть один из тысячи тех, кто в прозе справедливо прославляет мисс Найтингейл, сказал хоть слово в адрес человека "рутины", который придумал и спроектировал ее уход - Сидни Герберта".

Действуя на столь уважаемый совет я предлагаю попытаться небольшой рассказ о карьере и личности этого необычайно привлекательный человек, который был во главе военного министерства, когда Флоренс Найтингейл и ее персонал медсестер были отправлены на помощи солдатам, раненым в Крыму. На момент написания этой книги не было опубликовано ни одного *жизнеописания* лорда Герберта из Леа, хотя, как я понимаю, оно находится в процессе подготовки. Имя Сидни Герберта известно как имя военного министра, который, вопреки официальным традициям, заручился преданностью и организаторской силой женщин для помощи нашим солдатам, погибающим в язвенных госпиталях Востока.

Сидни Герберт родился в Ричмонде, графство Суррей, 16 сентября 1810 года и был вторым сыном Джорджа Августа, одиннадцатого графа Пемброка, от его второй жены, графини Екатерины, единственной дочери графа Воронцова, русского посла при британском дворе. Его дядя по материнской линии, князь Михаил Воронцов, был соратником Веллингтона по оружию и основателем процветающей эпохи в Крыму. Мать Сидни Герберта, хотя и была русской по происхождению, воспитывалась и получала образование в основном в этой стране, а благодаря официальному положению отца, еще девочкой попала в атмосферу

двора. Он был во многом обязан ее примеру и воспитанию. Ее описывают как женщину быстрого ума и здравого рассудка, большого благородства и благородной осанки. Ее муж, лорд Пемброк, умер, когда их сыну Сиднею было около семнадцати лет, и ее влияние повлияло на его раннюю взрослую жизнь.

Он получил образование в Хэрроу под руководством доктора Батлера, а в 1828 году поступил в Ориэл-колледж в Оксфорде, где был признан эlegantным ученым и отмечен как оратор в дискуссионном обществе "Юнион" (Union), когда он состязался в своих силах с Гладстоном, Раунделлом Палмером и другими выдающимися молодыми ораторами. После вступления в общественную жизнь в качестве члена парламента от Южного Уилтшира в первом реформированном парламенте 1832 года Сидни Герберт считался изящным и опытным молодым тори.

Сэр Роберт Пил, вступив в должность в 1834 году, предложил Сиднею Герберту пост в правительстве, и характерно, что он отказался от должности лорда казначейства, поскольку обязанности были незначительными, и принял трудоемкую должность секретаря Контрольного совета, которую он занимал во время правления Пила. В 1841 году он вернулся на пост своего старого лидера в качестве секретаря Адмиралтейства. Занимая эту должность, Сидни Герберт занялся реформированием военно-морской школы в Гринвиче, в которой в то время обучалось около восьмисот мальчиков и которая являлась центром подготовки военно-морского флота. Занимаясь этим, он проявил тот административный талант, который впоследствии так ярко проявился в его усилиях на благо сестринской службы.

В 1845 году он был переведен на должность военного секретаря с местом в кабинете министров. Он уделил особое внимание полковым школам и провел очень необходимые реформы в их управлении, а также инициировал расследование состояния Королевского военного приюта в Челси. После отставки министерства сэра Роберта Пила Сидни Герберт покинул свой пост, и его работа по военной реформе осталась без внимания.

Он не занимал свой пост в течение шести лет и в этот период посвятил себя частной филантропии в окрестностях своего дома, Уилтон-Хауса, недалеко от Солсбери. В 1846 году он женился на Элизабет, дочери генерала Аска А'Корта и племяннице лорда Хейтсбери, молодой женщине необыкновенной красоты и обаяния, которая с большим сочувствием участвовала в его многочисленных филантропических предприятиях и сама организовала несколько благотворительных программ. Она стала автором нескольких книг, посвященных биографии и путешествиям.

Флоренс Найтингейл была частым гостем в Уилтон-Хаусе, а мистер и миссис Сидни Герберт были одними из ее самых дорогих и отзывчивых друзей. Она проявляла большой интерес к дому для больных золотухой детей, который они основали и содержали в Мудифорде в Хэмпшире, и могла оказать большую практическую помощь в его управлении. Узнав от мисс Найтингейл об особой ванне, которую она с успехом использовала в Кайзерсверте, мистер Герберт достал ингредиенты из этого далекого учреждения, чтобы использовать их в доме в Мудифорде. Можно легко представить, насколько полезными оказались ее технические знания для друзей в их различных начинаниях, и как сближали их интересы.

Гуманность в любой форме привлекала мистера и миссис Сидни Герберт. Они построили в Уилтоне образцовый ночлежный дом для сельскохозяйственных рабочих и разработали схемы эмиграции бедных женщин. Они были так активно заинтересованы в последнем, что часто сопровождали партии эмигрантов на судне, чтобы ускорить их путь. Некоторые из их

более поздних планов касались создания дневных комнат и институтов в сельских районах вокруг их окружного города Солсбери.

Как и мисс Найтингейл, Сидни Герберт был преданным работником, связанным с установленной церковью, и оказался щедрым благотворителем для своей епархии. Он построил на собственные средства в размере 30 000 фунтов стерлингов великолепную церковь в Уилтоне, а также подарил новый приход и территорию. Он также построил новую церковь в Бемертоне в память о своем святом родственнике, Джордже Герберте, и дал щедрые средства на восстановление церквей в епархии Солсбери. Он был большим сторонником епископов-миссионеров. О нем хорошо сказано, что "постельный режим его частной благотворительности утомил бы терпение любого читателя". Он был основателем больниц, строителем церквей, держателем школ, и его правая рука не знала, что дает левая.

В общественной жизни Сидни Герберт был интересной личностью, его можно назвать современным рыцарским героем. Он был поразительно красив, обладал властной фигурой и учтивыми манерами. Казалось, он обладал всеми социальными преимуществами - высокое происхождение, большое поместье, красивая жена и дети, один из самых счастливых домов в Англии, множество достижений, готовый к обращению, серебристый голос, неотразимые манеры и редкая способность заводить друзей. Говорили, что люди готовы отдать Сиднею Герберту то, что они не отдадут никому другому. В молодые годы Дизраэли высмеивал Сиднея Герберта как автора "красивых речей", но впоследствии он доказал, что за полированной внешностью его личности скрывается зерно.

Он также был, по словам Гладстона, "человеком рутины". Его труд был непрекращающимся; он никогда не жалел себя и отказывался от жизни и роскоши ради труда и проблем. Его промышленность и организаторские способности были поразительны. "Как ни велики были дела лорда Герберта, - сказал мистер Гладстон, говоря о реформах армии, которые он провел после Крыма, - было кое-что, если возможно, еще более великое, и это был характер лорда Герберта..... Его мягкость сочеталась со скромностью, равной которой я, например, не знал ни на одном посту в жизни".

Таким был идеальный рыцарь, галантный джентльмен, под чьей дружбой и официальным руководством и поддержкой Флоренс Найтингейл приступила к великой работе своей жизни.

В 1852 году Сидней Герберт, после шестилетней отставки, снова вступил в должность и стал военным министром в правительстве лорда Абердина. Сразу же по возвращении в военное министерство он приступил к реализации своих планов по реформированию армии. Он учредил классы для армейских школьных учителей, создал промышленные и детские школы в полках, а также разработал план создания экзаменационного совета, который должен был проводить все экзамены для комиссий по прямому назначению или для продвижения по службе в рядах полковых офицеров. Его планы были прерваны началом Крымской войны.

ГЛАВА X

КРЫМСКАЯ ВОЙНА И ПРИЗЫВ НА СЛУЖБУ

Дань уважения Флоренс Найтингейл от графини Лавлейс - начало Крымской войны - удручающее состояние больных и раненых - письма мистера У. Х. Рассела в *"Таймс"* - призыв к женщинам-медсестрам - письмо мистера Сидни Герберта к мисс Найтингейл - она предлагает свои услуги.

Приходит пуля - и либо

Опустевший очаг может увидеть;

И только Бог знает, где

Где может быть пустое место.

Аделаида Проктер.

Тогда, тогда низкое мягкое сочувствие женщины

Приходит, как ангельский голос, чтобы научить нас умирать.

Эдвин Арнольд.

Прежде чем героические элементы в характере Флоренс Найтингейл были вызваны событиями Крымской войны, ее близкие друзья начали рассматривать ее как женщину, для которой будущее сулит великую судьбу. Это ярко проявилось в стихотворении Ады, графини Лавлейс, дочери Байрона, которая описала будущую героиню Крыма в поэме под названием *"Портрет с натуры"*. Она рисует ее стройную фигуру, ее "серьезный, но большой и ясный взгляд", ее "мирную, спокойную прелесть", упоминает ее любовь к книгам, ее "мягкий, серебристый голос" и удовольствие от пения священных песен...

Она ходит, словно на краю рая,

Непоколебимо пробираясь сквозь жизненный лабиринт...

А в заключительном стихотворении леди Лавлейс делает следующее замечательное пророчество

In future years in distant climes

Ужасная война принесет свои жертвы,

Если мор, не сдерживаемый временем,

Поразит больше, чем меч, чем пушка,

Тот, кто прочтет эти правдивые рифмы.

Проследит ее путь к неувядаемой славе.

"Страшная война", которая, во исполнение предчувствия поэта, должна была вознести Флоренс Найтингейл к "неувядаемой славе", началась ранней весной 1854 года. Начало военных действий между Великобританией и Россией было предрешиено уже несколько месяцев назад. Россия не ответила на ультиматум, направленный Великобританией, и 27 марта 1854 года в послании королевы парламенту было объявлено, что переговоры с

Россией прерваны и она считает себя обязанной оказать помощь турецкому султану. На следующий день, 28 марта, официальное объявление войны было зачитано Ее Величеством на фоне сцен волнения и энтузиазма со ступеней Королевской биржи.

Франция была союзником Англии в деле защиты Турции от российской агрессии, и по обе стороны Ла-Манша шла активная подготовка к кампании.

Через несколько дней после объявления войны английский флот под командованием галантного сэра Чарльза Напьера отплыл на Балтику, провожаемый тысячами ликующих зрителей и королевой и принцем-консортом, которые приплыли на своей яхте "Фея", чтобы проводить офицеров и солдат. Глаза пожилых людей до сих пор светлеют при упоминании об этом памятном отплытии флота на Балтику. Прошло сорок лет с тех пор, как Веллингтон вернулся победителем из Ватерлоо, и в крови нации бурлила жажда новой битвы. Время стерло память об ужасах и страданиях, которые несет с собой война: осталась лишь жажда славы и завоеваний. Весь народ вторил словам Напьера, обращенным к его людям: "Ребята, война объявлена. Нам предстоит встретиться с дерзким и многочисленным врагом. Если они предложат нам сражение, вы знаете, как с ними разделаться. Если они останутся в порту, мы должны попытаться добраться до них. Успех зависит от быстроты и решительности вашего огня. Ребята, точите свои секиры, и день будет за нами".

СИДНИ, ЛОРД ГЕРБЕРТ ЛЕА.

[Клицу стр. 96.

В свое время пришла весть о победе Альмы. Но, к сожалению для храбрых "парней", пришли вести о раненых, лежащих без ухода, больных, умирающих без утешения. В разгар ликования нации по поводу победы раздался крик возмущения в адрес ее солдат.

В военном управлении царила грубая небрежность, комиссариат развалился. Продовольствие, одежда и предметы комфорта были сложены в трюмах судов под боеприпасами и не могли быть получены в случае необходимости, в то время как другие запасы гнили на берегах Босфора в ожидании доставки. Не только продовольствия и одежды не хватало, но и хирурги зачастую не имели даже прокладок и бинтов, не говоря уже о других принадлежностях для скорой помощи и работы в госпитале. "Отсутствуют самые обычные принадлежности госпиталя, - писал военный корреспондент *The Times* Уильям Говард Рассел, - не уделяется ни малейшего внимания приличиям и чистоте, стоит ужасающая вонь... и, насколько я могу судить, люди умирают без малейших попыток их спасти. Они лежат так же, как их бережно опустили на землю бедняги-товарищи, которые с величайшей нежностью принесли их на своих спинах из лагеря, но которым не разрешили остаться с ними".

Штат армейских врачей был недостаточен для работы с ранеными, которых после сражений при Альме и Инкермане скопилось ужасающее количество, а медсестер не было, кроме необученных санитаров-мужчин, многие из которых были лишь немногим менее больны, чем те, за кем они должны были ухаживать. Не было ни одной женской руки, чтобы успокоить разгоряченное чело, дать пищу, выполнить различные мелкие действия по уходу за больными и утешить умирающих.

Неухоженное и неухоженное состояние наших солдат становилось еще более заметным благодаря гуманной системе, которая преобладала среди наших французских союзников. В лагерях и госпиталях сестры милосердия скользили от носилок к носилкам и от кровати к кровати, подавая еду и помощь раненым. В своих монастырях по всей Франции они обучались работе по уходу за больными, и их святое призвание не мешало им отправиться на место сражения.

Вскоре прозвучал призыв, который пробудил в англичанках и их стране чувство долга, и честь произнести его принадлежит мистеру (впоследствии сэру) Уильяму Говарду Расселу, военному корреспонденту-ветерану, который в то время представлял газету *The Times* на месте военных действий. После описания страданий, свидетелем которых он стал среди больных и раненых солдат, он произнес следующую фразу

"Неужели среди нас нет преданных женщин, способных и желающих служить больным и страдающим солдатам Востока в госпиталях Скутари? Неужели ни одна из дочерей Англии, в этот тяжелый час нужды, не готова к такому делу милосердия?... Франция без устали посылает своих сестер милосердия, и они даже сейчас находятся у постелей раненых и умирающих, давая то, что только женская рука может дать утешение и облегчение..... Должны ли мы так сильно отставать от французов в самопожертвовании и преданности делу, которое Христос так знаменательно благословил как сделанное для Себя? "Я был болен, и вы посетили Меня".

Жены офицеров, находившихся на месте военных действий, присылали домой ужасающие рассказы о бедственном положении раненых и тщетности их собственных попыток справиться с этим. "Если бы вы видели сцены, которые мы ежедневно наблюдаем, - писала одна дама своим подругам, - вы бы очень огорчились. Я все еще нахожусь в казармах, но больные теперь лежат в переходах, в нескольких ярдах от моей комнаты. Каждый угол заполнен больными и ранеными. Тем не менее, я могу принести хоть какую-то пользу и

надеюсь, что пока не буду вынужден уехать. Мое время занято приготовлением пищи для раненых. Через три дома от меня живет жена офицера, которая посвящает себя приготовлению пищи для больных. Здесь нет ни одной женщины-медсестры, а они, безусловно, должны быть. Французы прислали пятьдесят сестер милосердия, которые, надо ли говорить, преданы этой работе. Мы рады слышать, что некоторые усилия предпринимаются и дома".

Причина, по которой женщины-медсестры не были отправлены в начале войны, была объяснена герцогом Ньюкасл, военным министром, когда он давал показания перед комиссией мистера Робака, которая заседала в 1855 году, чтобы расследовать ведение кампании, и интересно привести эти показания, поскольку они так точно объясняют ряд обстоятельств, которые привели к назначению мисс Найтингейл. На вопрос "Когда вы впервые решили послать медсестер в Скутари?" герцог ответил: "По причине занятости медсестер в Скутари".

"Вопрос о найме медсестер в госпиталь в Скутари обсуждался в этой стране на ранней стадии, еще до того, как армия покинула эту страну, но он не понравился военным властям. В прошлом это уже пытались сделать. Женщины, нанятые в качестве медсестер, были очень склонны к пьянству, и они оказались еще более черствыми к страданиям солдат в госпиталях, чем мужчины. Впоследствии, в связи с письмами в общественной прессе и рекомендациями джентльменов, вернувшихся в эту страну из Скутари, мы начали рассматривать вопрос о найме медсестер. Сложность заключалась в том, чтобы найти даму, которая взяла бы на себя ответственность за руководство и управление группой медсестер. Увидев одну или две, я почти отчаялся в целесообразности этого дела, пока мистер Сидни Герберт не предложил мисс Найтингейл, с которой он был ранее знаком, для этой работы, и эта дама в конечном итоге взялась за нее".

Здесь мы видим всю сложность ситуации. До сих пор в военных госпиталях работали медсестры с грубым, низким характером. Они не имели ни образования, ни подготовки, ни сочувствия к своей работе. Сравнивать их с "Сайри Гэмп" было бы оскорблением для памяти этой бессмертной леди, поскольку у нее были свои положительные стороны и определенные профессиональные знания и респектабельность, в то время как обычная солдатская медсестра была не более чем простым последователем лагеря. С другой стороны, были добрые, отзывчивые дамы, которые чувствовали, что у них есть призвание к сестринскому делу, но, увы! были абсолютно лишены подготовки и неспособны организовывать и контролировать подчиненных. Между этими двумя невозможными классами военные власти пришли к выводу, что армии в Крыму будет лучше без женщин-медсестер.

Воодушевляющий призыв к женщинам страны от мистера Рассела, корреспондента *"Таймс"*, который уже цитировался, привел к тому, что власти завалили заявлениями женщин всех классов, которые, тронутые ужасающими рассказами о страданиях солдат, хотели пойти в медсестры. Предложения о помощи были обескураживающе многочисленны, но не было ни организации, ни лидера.

Мистер Сидни Герберт возглавил военное министерство, и в разгар волнения и общей бесполезности происходящего его мысли, естественно, обратились к его почтенному другу Флоренс Найтингейл. По его мнению, она была "единственной женщиной" в Англии, которая по своему положению, знаниям, подготовке и характеру подходила для организации

медперсонала и отправки его на помощь страдающим солдатам. Он, как мы уже видели, был лично знаком с мисс Найтингейл, знал о тщательном и систематическом изучении, которое она в течение нескольких лет давала больничным медсестрам в стране и за рубежом, а также знал об организаторских способностях, которые она недавно продемонстрировала в управлении Домом для больных гувернанток на Харли-стрит. Миссис Герберт, дама очень проницательная и знающая, вместе с мужем считала, что если мисс Найтингейл удастся убедить взять на себя опасную задачу по организации группы военных медсестер, то успех этой затеи будет обеспечен.

Но мистер и миссис Герберт испытывали естественные колебания, делая такое предложение. Это было равносильно тому, чтобы попросить их дорогую подругу отправиться в бой с жизнью в руках, а также выдержать негативную критику со стороны большого числа недалёковидных, но благонамеренных людей, которые подняли бы руки в знак протеста против того, что родовитая и воспитанная дама отправится ухаживать за простым солдатом. Характер у бедняги Томми тогда был еще хуже, чем сейчас.

Мистеру Герберту было ясно, что если мисс Найтингейл попросят взяться за эту работу, она должна занять бесспорный авторитет и получить поддержку правительства. Все зависело от наличия признанного руководителя. Позволить группам женщин-медсестер отправиться к месту войны, каждая из которых придерживалась бы своих домашних и незрелых представлений о работе в госпиталях, было бы бесполезно и бессмысленно. Отправка их в Скутари и передача их под контроль властей, которые в то время управляли госпиталем, нарушила бы главную цель плана, которая заключалась в реформировании и изменении существующего порядка работы медсестер, преобладающего в госпитале. Маловероятно, что такая проницательная и способная женщина, как мисс Найтингейл, согласилась бы организовать новую систему ухода за больными - ведь это было практически равносильно этому - если бы ей не было гарантировано положение неоспоримого авторитета. Насколько это было необходимо для успеха предприятия, в полной мере доказали последующие события.

К счастью, Сидни Герберт был государственным деятелем, способным повлиять на своих коллег в правительстве, и его рекомендация мисс Найтингейл как дамы, полностью квалифицированной для выполнения задачи суперинтенданта медсестер в Крыму, была принята с одобрением и даже с чувством облегчения. Здесь была та женщина, которую смятенные министры тщетно искали среди пестрой толпы непригодных. Когда все было улажено, Сидни Герберт написал своему другу следующее письмо: "15 октября 1854 года.

"15 октября 1854 года.

"Дорогая мисс Найтингейл.

"Вы, наверное, видели в газетах, что в госпитале Скутари ощущается большая нехватка медсестер. Другие предполагаемые недостатки, а именно: медики, простыни, белье и т.д., - должны быть, если они вообще существовали, устранены до этого, так как число медиков в армии составило один на каждые девяносто пять человек во всей войске, что почти вдвое больше, чем когда-либо прежде; и еще тридцать хирургов отправились туда три недели назад и должны к этому времени, следовательно, быть в Константинополе. Еще одна партия отправилась в понедельник, а на следующей неделе прибудет новая. Что касается медицинских запасов, то они были отправлены в изобилии, на тонну веса - пятнадцать тысяч пар простыней, лекарства, вино, маранта в той же пропорции; и единственный способ объяснить недостаток в Скутари, если он существует, заключается в том, что масса запасов

отправилась в Варну и не была отправлена обратно, когда армия ушла в Крым, но четыре дня исправили бы это.

"Тем временем запасы прибывают, но недостаток в женщинах-медсестрах несомненен; в военные госпитали никогда не принимали никого, кроме мужчин-медсестер. Было бы невозможно возить с собой большой штат женщин-медсестер, когда армия находится в полевых условиях. Но в Скутари, где теперь есть стационарный госпиталь, нет никаких военных причин против их введения, и я уверен, что они могут быть введены с большой пользой, так как санитары госпиталя должны быть очень грубыми руками, и большинство из них, в таком случае, как этот, очень неопытны. Я получаю множество предложений от дам, но это дамы, которые не имеют ни малейшего представления о том, что такое госпиталь, ни о характере его обязанностей; и они, когда придет время, либо откажутся от работы, либо будут совершенно бесполезны, а следовательно, что еще хуже, будут только мешать; эти дамы, вероятно, даже не поймут необходимости, особенно в военном госпитале, строгого подчинения правилам....".

Далее мистер Сидни Герберт называет имена некоторых людей, которые хотели организовать и отправить медсестер, но в чьих способностях к этой работе он сомневается. Далее в письме говорится следующее.

"В Англии есть только один человек, о котором я знаю, способный организовать и руководить такой схемой, и я несколько раз порывался спросить вас гипотетически, если бы, предположим, такая попытка была предпринята, вы бы взялись руководить ею. Отбор рядовых медсестер будет сложным - никто не знает этого лучше вас. Трудность найти женщин, способных справиться с задачей, в конце концов, полной ужаса и требующей, помимо знаний и доброй воли, больших знаний и большого мужества, будет велика; задача управлять ими и внедрять среди них систему - велика, и не в последнюю очередь трудность будет заключаться в том, чтобы все это было согласовано с медицинскими и военными властями. Именно поэтому так важно, чтобы эксперимент проводил человек, обладающий административными способностями и опытом.

"Несколько сентиментальных энтузиастов, оказавшихся в госпитале в Скутари, через несколько дней, вероятно, будут *изгнаны* теми, чьи дела они будут прерывать и чей авторитет они будут оспаривать. Мой вопрос заключается лишь в том, прислушались бы вы к просьбе выйти и проконтролировать все это? Вы, конечно, будете иметь полную власть над всеми медсестрами, и я думаю, что смогу обеспечить вам самую полную помощь и сотрудничество со стороны медицинского персонала, и вы также будете иметь неограниченные полномочия обращаться к правительству за всем, что вы сочтете необходимым для успеха вашей миссии.....

"Я не говорю ни слова, чтобы надавить на вас", - продолжает мистер Сидни Герберт, а затем продолжает воздавать должное способностям мисс Найтингейл для заполнения государственной должности в час кризиса, как ни один ответственный министр правительства никогда не платил женщине до или с тех пор.

"Я не должен скрывать от вас, - продолжает он, - что от вашего решения будет зависеть конечный успех или провал плана. Ваши личные качества, ваши знания, ваша способность управлять, а также, помимо всего прочего, ваш ранг и положение в обществе дают вам преимущества в такой работе, которыми не обладает ни один другой человек. Если это удастся, будет сделано огромное количество добра уже сейчас, причем для людей,

заслуживающих всего, что мы можем сделать; и это добро будет умножено до бесконечности".

"Вряд ли мне хотелось бы проявлять сангвинизм в отношении вашего ответа. Если бы это было "да", я уверен, что Брейсбриджи поехали бы с вами и дали бы вам все удобства, которые вам нужны и которые только ее [миссис Брейсбридж] общество и сочувствие могли бы вам дать. Я писал очень долго, потому что эта тема очень близка моему сердцу. Лиз [миссис Сидни Герберт] пишет нашей общей подруге миссис Брейсбридж, чтобы сообщить ей о моих делах. Завтра утром я возвращаюсь в город. Не зайти ли мне к вам между тремя и пятью? Не дадите ли вы мне позвонить в военное министерство, чтобы сообщить об этом?"

"Есть один момент, который я вряд ли имею право затрагивать, но, надеюсь, вы меня простите. Если бы вы были склонны взять на себя эту великую работу, мистер и миссис Найтингейл согласились бы? Работа была бы настолько национальной, а просьба к вам исходила бы от правительства, ваше положение обеспечило бы уважение и внимание каждого, особенно в службе, где официальный ранг имеет такой большой вес. Это обеспечит вам любое внимание и комфорт на пути туда, а также полное подчинение вашим приказам. Я знаю, что для вас эти вещи безразличны, за исключением той степени, в какой они могут способствовать достижению великой цели, которую вы, возможно, имеете в виду, но они важны сами по себе и имеют большое значение для тех, кто имеет право интересоваться вашим личным положением и комфортом. Я знаю, что вы придете к правильному и мудрому решению. Дай Бог, чтобы оно соответствовало моим надеждам".

Верьте мне, дорогая мисс Найтингейл",
"Всегда ваш,
"Сидней Герберт".

Тем временем "единственная женщина во всей Англии", которую сочли достойной такого высокого доверия, в тишине своего загородного дома размышляла над волнующими словами мистера Рассела, корреспондента *The Times*: "Неужели среди нас нет преданных женщин, способных и желающих послужить больным и страдающим солдатам в госпиталях Скутари?" Каждое утро газеты сообщали о новых страданиях и лишениях среди пострадавших солдат, и крики о помощи становились все настойчивее. Флоренс Найтингейл была не из тех, кто слушает впустую, и еще до того, как солнце скрылось за буковыми деревьями в то памятное 15 октября, она написала мистеру Сиднею Герберту, предлагая свои услуги в госпиталях Скутари.

Ее письмо пересекалось с письмом мистера Герберта, о котором она была в полном неведении. Это уникальное обстоятельство придает округлую завершенность призыву Флоренс Найтингейл, который прозвучал как голос Бога, говорившего через ее нежное женское сердце.

ГЛАВА XI

ПОДГОТОВКА И ОТЪЕЗД В СКУТАРИ

Любопытство общественности - описание мисс Найтингейл в прессе - критика - она отбирает тридцать восемь медсестер - отъезд "группы ангелов" - энтузиазм булонских рыбацек - прибытие в Скутари.

Какое великодушие в этих женщинах,

Если бы мы могли знать об этом по нашей грубости!

Как они заняты тем, чтобы сохранить и спасти нас,

И в здравии, и в болезни!

И всегда сожалеют о нашей беде,

Во всех случаях; так покажи свой путь,

Что в нем - вся благодать и форель.

Чосер.

Для метода и оперативности мисс Найтингейл характерно то, что с того дня, когда она приняла великое решение отправиться на помощь раненым солдатам, прошла всего неделя, а ее первый контингент медсестер уже стоял в походном порядке. Она была "генералом", который не вступал в переговоры, а сразу шел к своей конечной цели, и к тому же обладала редкой способностью вдохновлять других следовать ее примеру. Сейчас ее внимание было сосредоточено на поиске медсестер, которые должны были сопровождать ее в госпиталь в Скутари.

Ее миссия была должным образом провозглашена из военного министерства в официальном уведомлении, что "мисс Найтингейл, леди с большим практическим опытом управления и лечения в больницах, чем любая другая леди в этой стране", взял на себя благородную и тяжелую работу по организации и принимать медсестер для солдат. Газета "Таймс" также сообщала, что "мисс Найтингейл была назначена правительством на должность суперинтенданта медсестер в Скутари", и просила подписываться на помощь солдатам.

Леди Каннинг, написав 17 октября 1854 года, сразу после того, как стало известно о назначении мисс Найтингейл, дала следующее интересное описание ее спокойного поведения посреди всеобщего волнения: "Вы будете рады услышать, что правительство посылает группу медсестер в Скутари, и мисс Найтингейл должна возглавить их. Ее семья дала согласие, и никто не подходит так хорошо, как она, для такой работы - у нее такие нервы и навыки, и она такая нежная, мудрая и спокойная. Даже сейчас она не суетится и не торопится, хотя на ее плечи ложится столько забот и столько людей добровольно предлагают свои услуги".

Общественность, естественно, задала вопрос: "Кто такая мисс Найтингейл?", и получила ответ в виде описательной и биографической статьи в *The Examiner*, которую повторила *The Times*. Чувствуется, что в те дни, когда еще не уделялось внимание высшему образованию женщин, а Гиртон и Ньюхем не были даже мечтой о будущем, этот рассказ должен был показаться поразительным. В ней говорилось, что мисс Найтингейл была "молодой леди с необыкновенными способностями, как природными, так и приобретенными. В знании древних языков и высших отраслей математики, в общем искусстве, науке и литературе ее

достижения необычайны. Едва ли найдется современный язык, которого она не понимает, а французским, немецким и итальянским она владеет так же свободно, как родным английским. Она посетила и изучила все страны Европы и поднялась по Нилу до его самых отдаленных катарактов. Молодая (примерно в возрасте нашей королевы), изящная, женственная, богатая, популярная, она оказывает необычайно мягкое и убедительное влияние на всех, с кем вступает в контакт. Ее друзья и знакомые принадлежат к разным классам и убеждениям, но самое счастливое место для нее - это дом, в центре очень большой группы опытных родственников и в самом простом повиновении своим восхитительным родителям".

Последняя фраза могла бы успокоить людей, опасющихся, что молодая леди с такими необычными способностями не является "отвратительной дочерью".

Другое, более интимное описание мисс Найтингейл в этот период раскрывает перед нами истинную и нежную женственность, которую воспитание оставило нетронутой. "Мисс Найтингейл - одна из тех, кого Бог формирует для великих целей. Вы не можете услышать от нее несколько фраз - нет, даже взглянуть на нее, - не почувствовав, что она необыкновенное существо. Простая, интеллектуальная, милая, полная любви и доброжелательности, она - очаровательная и совершенная женщина. Она высока и бледна. Ее лицо очень красиво, но лучше всего - слава души, которая так ликующе сияет в каждой черточке. Ничто не может быть слаще ее улыбки. Она как солнечный день летом".

МР. ПАНЧА О "ЛЕДИ-ПТИЦАХ".

Благозвучное имя медсестры, которая так внезапно прославилась, было быстро подхвачено населением, а медсестер, выбранных для ее сопровождения, прозвали "соловьями", и их пение вызвало много приятных эмоций. Мистер *Ланч* лукаво предположил, что некоторые из "дорогих соловьев", отправляющихся ухаживать за больными солдатами, "в свое время станут кольчатыми голубями". На одной из карикатур была изображена больничная палата, в которой обитатели-мужчины сияли от счастья, когда над ними вились птички. На другой иллюстрации была изображена птица с головой медсестры, летящая по воздуху и несущая на одном когте кувшин с надписью "Fomentation, Embrocation, Gruel". Он был озаглавлен "Кувшин соловья".

Поэт *Ланч* прислал "Песню соловья для больного солдата", которая стала популярным припевом и достойна цитирования: "-

Слушай, солдат, сказку о нежном соловье,
'Tis a charm that soon will ease your wound so cruel,
Поющий лекарство от боли, в сочувственном напряжении,
С кувшином, кувшином, кувшином лимонада или каши.
Поют о бинтах и лентах; о мазях и примочках без конца,
Много линимента и лосьона,
И микстуры, и пилюли для вас подают,
С ловкостью и быстротой движений.

Легкие и нежные руки, и медсестра, понимающая.
как управлять всеми видами аппликаций,
От припарки до пиявки; кого не надо учить
Как делать примочки из мака.
Поющая подушка для вас, сглаженная; сглажены ум и боль, и муки,
благодаря женской изобретательности;
Жажду лихорадки утолите, и постель, на которую вы упали, застелите,
С веселым и внимательным вниманием.
Поют о помощи храбрым и о спасении из могилы,
Услышьте соловья, прилетевшего в Крым,
Соловей так же силен сердцем, как и песней,
Чтоб осуществить столь галантную идею".

Несмотря на то, что большинство желало успеха этому предприятию, нашлось и немало тех, кто считал, что женщинам не подобает работать медсестрами в военном госпитале, а другие полагали, что юным леди не стоит пытаться "ухаживать за солдатами, когда они еще не

знают, что такое ухаживать за младенцем". Другие предсказывали, что ни одна женщина не выдержит напряжения работы в восточном госпитале, что затея окажется тщетной, и все медсестры после месяца работы будут отправлены домой.

Это начинание было настолько новым и настолько противоречило английским обычаям и традициям, что критики было вполне ожидаемо. Но Флоренс Найтингейл была одной из тех возвышенных душ, которые прислушиваются к голосу внутри и не обращают внимания на голоса снаружи. Именно ей предстояло разрушить "китайскую стену" предрассудков, религиозных, социальных и профессиональных, и создать прецедент на все времена.

Среди любезностей, сатиры и осуждения она спокойно занималась организацией своей группы, имея неумолимых помощников в лице мистера и миссис Сидни Герберт. В немногочисленные медпункты, которые существовали, были направлены заявки на добровольных медсестер, а в газетах *The Record* и *The Guardian* были размещены объявления. Военное министерство осаждало ошеломляющее количество добросовестных претенденток, и Сидни Герберт был вынужден сделать небольшое заявление о том, что "многие дамы, чей щедрый энтузиазм побуждает их предложить свои услуги в качестве медсестер, мало представляют себе, с какими трудностями им придется столкнуться и какие ужасы им придется наблюдать. "Если бы все соглашались, - добавил он с оттенком мрачного юмора, - боюсь, у нас было бы не только много равнодушных медсестер, но и много истеричных пациентов".

Этот проницательный министр с большой осторожностью относился к приему в военный госпиталь светских дам под видом медсестер-любительниц. Он управлял делами более жестко, чем власти во время Южноафриканской войны, о чем свидетельствует история о солдате в Кейптаунском госпитале, который на вопрос одной из посетительниц, не хочет ли он, чтобы она вымыла ему лицо, ответил: "Простите, мисс, но я уже обещал четырнадцати дамам, что они вымоют мне лицо!"

Первый призыв к набору сиделок не принес удовлетворительных претендентов. Добрые, щедрые и отзывчивые женщины записывались в добровольцы, но мисс Найтингейл и ее друзья чувствовали, что имеют дело с кризисом срочности. Времени на организацию курсов скорой помощи и обучение кандидатов не было. Медсестры должны были приступить к работе без промедления, а значит, они должны были быть уже подготовлены к работе. В экстренном порядке мисс Найтингейл обратилась за добровольцами как к протестантским, так и к римско-католическим учреждениям. Это вызвало много негативной критики. Был поднят крик "Нет попперии", и ревностные священники язвили против мисс Найтингейл как пусеистки, которая стремится извратить британского солдата до папства. Конечно, в то время она больше занималась телесными, чем духовными нуждами солдат. Требовались медсестры, а не религиозные наставники.

С некоторыми протестантскими учреждениями возникли трудности в связи с правилом строгого повиновения мисс Найтингейл как суперинтенданту, назначенному правительством. Эти учреждения не хотели, чтобы их члены были отделены от домашнего контроля. Мисс Найтингейл и ее советники оставались тверды в этом вопросе. Строгое послушание было тем стержнем, на котором должна была работать организация, если она хотела быть успешной. Военная медсестра, как и военный человек, должна подчиняться своему начальнику. Дом Святого Иоанна, один из самых важных протестантских сестричеств, сопротивлялся день или два, но в конце концов уступил.

Римско-католический епископ сразу же согласился с установленными правилами и подписал документ о том, что сестры милосердия, участвующие в экспедиции, должны

полностью подчиняться мисс Найтингейл и вступать в религиозные дискуссии только с солдатами своей собственной веры. Была достигнута взаимная договоренность о том, что римско-католические сестры должны заниматься с солдатами своей веры, а протестантские - с теми, кто придерживается их веры.

Позднее мистер Сидни Герберт определил эту позицию, чтобы ослабить волнение, которое возникло после того, как группа отправилась в путь. Он сказал: "Римско-католический епископ добровольно и в письменном виде освободил от всякого подчинения себе благодетельных лиц, которые ранее находились под его контролем. Англичане могут испытывать удовольствие, чувствуя, что несколько добросердечных британских женщин, отличающихся верой, но желающих сделать практическое добро, отправляются на одном корабле, как один корпус, с одной целью, без какого-либо компромисса с нашим национальным протестантизмом..... Тридцать восемь медсестер, направляющихся в Скутари, являются более верными преемниками апостолов, потерпевших кораблекрушение на Мелите, чем такое же количество кардиналов. Пусть война преподаст людям много таких уроков".

Тридцать восемь медсестер, отобранных для сопровождения мисс Найтингейл в качестве первого контингента, состояли из четырнадцати сестер Англиканской церкви, взятых из дома Святого Иоанна и дома мисс Селлон; десяти римско-католических сестер милосердия; трех медсестер, отобранных леди Марией Форрестер, которая первой разработала план отправки медсестер в Скутари; и одиннадцати, отобранных из разных претендентов. Экспедицию сопровождали друзья мисс Найтингейл, мистер и миссис Брейсбридж из Атерстоун-Холла, а также священнослужитель и курьер. Она отправилась из Лондона вечером 21 октября 1854 года.

Наша героиня всегда была из тех, кто избегает публичности, и для нее было характерно, что она отправилась в путь со своей преданной группой под покровом ночи. Лишь несколько родственников и друзей стояли на платформе вокзала в тот октябрьский вечер, когда Флоренс Найтингейл попрощалась с домом и родными и отправилась выполнять свою великую миссию, масштабы и сложность которой ей еще предстояло узнать. Спокойно одетая в черное, простая, как квакерша, она все же была яркой фигурой. При последнем рукопожатии и прощании ее прекрасное лицо сохраняло спокойствие и озарялось милой улыбкой. Всегда заботясь о других, она хотела избавить от беспокойства самых близких и родных, которые дали нерешительное согласие на ее затею. Никто лучше нее самой не знал, какие опасности подстерегают ее в этих далеких восточных госпиталях.

Рано утром следующего дня "группа ангелов", как Кинглейк так красиво называл мисс Найтингейл и ее медсестер, высадилась в Булони, где их ждал прием, который заметно контрастировал с тихим и почти тайным отъездом из Лондона накануне вечером. Франция была нашим союзником; ее сыновья пали в недавней битве при Альме рядом с нашими собственными, и вот группа английских сестер, протестанток и римских католиков, объединенных общей миссией милосердия, проходит через ее землю, чтобы оказать помощь больным и раненым. Это обстоятельство вызвало энтузиазм французов, и когда мисс Найтингейл и ее сестры сошли на берег, их встретила крепкая компания булонских рыбаков, веселая и живописная группа в снежных шапочках и ярких юбках, которые схватили чемоданы и сумки и почти дрались за привилегию нести багаж *les sœurs* до железнодорожной станции. Они не соглашались ни на какую плату, ни на один су, и носились по с мускулистыми руками, держась за ремни и ручки, или с ящиками, водруженными на широкие спины, болтая о "Пьере" или "Жаке" на войне и моля *благословенное Дье*, чтобы сестры приласкали его, если он пострадает. Слезы текли по

щекам многих старых и измученных погодой людей, когда они прощались с ними. Они требовали лишь одной награды - пожатия руки, а затем, когда поезд отъезжал от станции, махали руками и кричали *Vive les sœurs!*

Они отправились в Париж и остановились в доме сестер Святого Винсента де Поля, где мисс Найтингейл не была чужой. Добрые сестры были переполнены радостью, принимая ее, и были рады возможности развлечь компанию. Перед отъездом из Парижа мисс Найтингейл навестила свою подругу леди Каннинг, которая в письме от 24 октября 1854 года пишет: "Сегодня мы должны ехать в Сен-Клу, и мне пришлось метаться за чепчиками и т.д. Ужасно предаваться легкомыслию именно сейчас, когда слышишь все ужасы из Крыма, и в ожидании более..... Мисс Найтингейл приехала ко мне - очень счастливая и крепкая сердцем, с большим запасом медсестер". Когда, после короткого отдыха в Париже, мисс Найтингейл и ее группа отправились в Марсель, порт отправления, они встретили самое пристальное внимание, как они путешествовали. Носильщики отказывались давать чаевые, а владельцы гостиниц не брали платы. Для них было честью обслуживать *les bonnes sœurs*.

В Марселе они отправились в Константинополь на пароходе "*Вектис*", принадлежащем к линии "Пенинсула". Увы, стихия оказалась не более благосклонной к "Ангельскому оркестру", чем к Святому Павлу в тех же морях. Переход был ужасным. В Средиземном море на "*Вектис*" обрушился ураган, и некоторое время корабль находился в опасности. Компания достигла Мальты 31 октября и после короткой остановки отплыла в Скутари. Мисс Найтингейл прибыла на место своих трудов 4 ноября, за день до битвы при Инкермане. Что означала эта победа для страдающих и раненых мужчин, даже у госпитальных властей тогда не было адекватных предположений. Никогда, конечно, группа женщин, прибывшая в незнакомую страну, не сталкивалась с такой гигантской задачей.

Страдальцы, уже находившиеся в больнице, слышали о приезде сестер, но новость казалась слишком хорошей, чтобы быть правдой, и когда мисс Найтингейл совершила свой первый обход палат в сопровождении членов своей преданной группы, сердце "Томми" было переполнено. Один бедняга разрыдался, воскликнув: "Я ничего не могу поделать, я действительно не могу, когда вижу их. Только подумайте, что сюда приходят англичанки, чтобы ухаживать за нами! Здесь так уютно и по-домашнему".

ГЛАВА XII

ЛЕДИ-ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ

Барачный госпиталь - подавляющее число больных и раненых - общий беспорядок - "командирский гений" Флоренс Найтингейл - леди с мозгами - башня медсестер - влияние на подчиненных.

Идеальная женщина, благородно спланированная,

Чтобы предупреждать, утешать и командовать;

И в то же время дух тих и светел,

С чем-то вроде ангельского света.

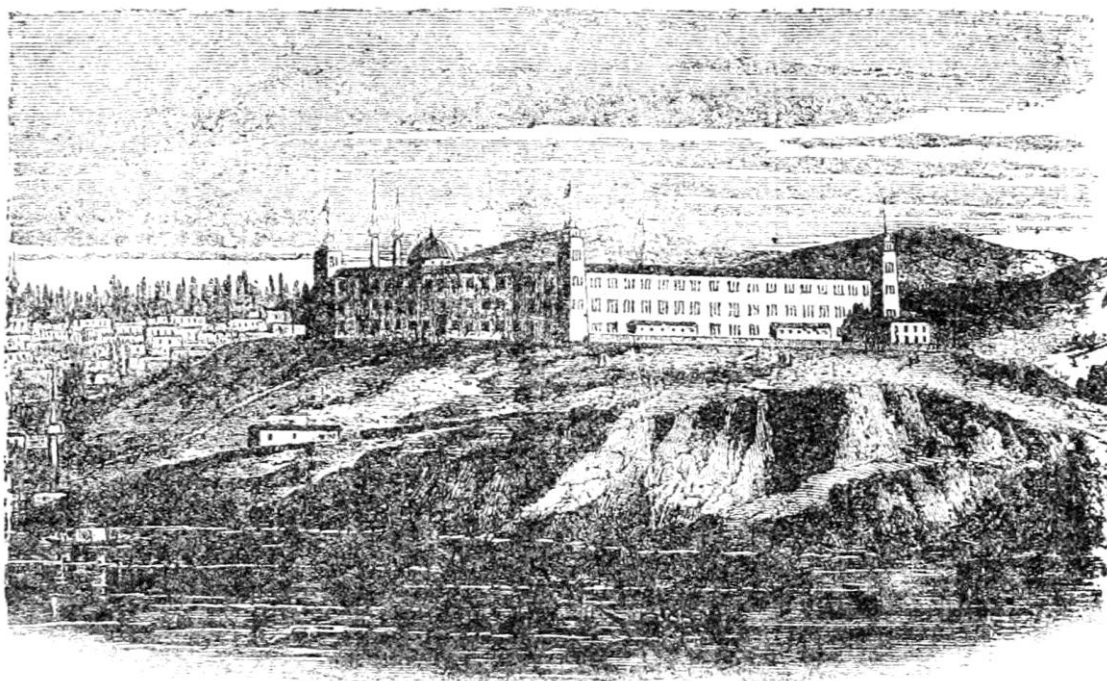
Вордсворт.

Официальная должность, которую правительство предоставило мисс Найтингейл, была суперинтендантом медперсонала на Востоке, а титул, под которым она в итоге стала известна, был титулом Главной леди.

Под ее контролем находились медперсонал всех госпиталей, около восьми, в которые помещали наших раненых солдат на Босфоре и в Левантине. Однако первым и главным местом личного служения мисс Найтингейл стал большой госпиталь в Скутари, предоставленный британскому правительству турецкими властями. Он был прекрасно расположен на холме, с которого открывался вид на сверкающие воды Босфора, и с него открывался вид на прекрасный город Константинополь с его крепостными стенами, мраморными дворцами и куполами, живописно возвышающимися на горизонте. Невозможно было желать более чарующей перспективы, чем та, что встретила Главную леди, когда она достигла Скутари, "серебряного города", столь почитаемого турками. Казалось, что город расположен в идеальном райском саду, а прекрасная голубизна восточного неба усиливала красоту пейзажа.

Казарма-госпиталь представляла собой прекрасное красивое здание, образующее огромный четырехугольник с башней на каждом углу. О его размерах можно судить по тому, что каждая сторона четырехугольника имела длину почти в четверть мили. По оценкам, в центральном дворе могли заниматься двенадцать тысяч человек. Галереи и коридоры, возвышающиеся друг над другом, окружали здание с трех сторон и, если брать их непрерывно, составляли четыре мили в длину. Здание и расположение были одинаково хороши, но внутреннее убранство больницы, как вскоре обнаружила мисс Найтингейл, представляло собой сцену грязи, моровой язвы, несчастья и беспорядка, не поддающуюся описанию. По обеим сторонам бесконечных коридоров лежали раненые, тесно упакованные друг с другом, без самых обычных приличий и предметов первой необходимости.

После высадки на паром под госпиталем с судов, доставивших их с полей сражений в Крыму, раненые либо шли пешком, либо их тащили или несли вверх по холму в госпиталь. Хирургические, лихорадочные и даже холерные больные шли по дороге вместе в одном длинном потоке страдающего человечества.

БАРАЧНЫЙ ГОСПИТАЛЬ В СКУТАРИ.

Прошло уже несколько дней с тех пор, как люди покинули поле боя, а большинству из них так и не перевязали раны и не вправили переломанные конечности. Можно хорошо представить себе муки и страдания бедняг в этом неухоженном и зачастую голодном состоянии. И как же замирали их сердца, когда они, наконец, добирались до госпиталя, где их ждали хотя бы еда и комфорт. Увы, здесь не было почти ничего для страдальцев. Нолан в своей истории кампании пишет, что в эти первые месяцы войны "не было ни сосудов для воды, ни какой-либо посуды; ни мыла, ни полотенец, ни тряпок, ни больничной одежды; люди лежали в своих мундирах, окоченевшие от крови и покрытые грязью в такой степени и такого рода, о которой никто не может написать; их лица были покрыты паразитами, которые ползали по полу и стенам ужасного логова грязи, чумы и смерти, в которое они были заключены".

"Медицинская помощь, естественно, ожидалась инвалидом, как только он оказывался в укрытии, но многие ждали своей очереди до тех пор, пока смерть не ожидала врача. Медики трудились с неутомимым усердием, но их количество было недостаточным для выполнения работы". Инвалиды должны были заботиться об инвалидах, а умирающие ухаживали за умирающими.

Когда леди-главнокомандующая совершила свой первый обход палат в Скутари, у нее сжалось сердце. От кроватей несло инфекцией, а "простыни, - рассказывает она, - были из холста, причем такого грубого, что раненые умоляли оставить их в одеялах". В самом деле, невозможно было уложить в эти простыни людей в таком истощенном состоянии. Не было *никакой* спальной мебели, а в качестве подсвечников использовались только пустые бутылки из-под пива или вина".

В дополнение к страданиям, вызванным скученностью, лежащих на полу в коридорах мужчин мучили паразиты, а на их конечности нападали крысы, пока они лежали, беспомощные в своих страданиях.

Ближайшие окрестности больницы были рассадником чумы; мисс Найтингейл насчитала шесть собак, лежавших под окнами в состоянии разложения. Если добавить к этому, что в этом огромном караван-сараях раненых, больных и умирающих не было ни нормальных

условий для мытья, ни кухонь, ни кулинарных удобств, ни поваров, подходящих для больничных нужд, ни санитарных условий, то можно составить некоторое представление об авгиевом хлеве, который предстояло очистить Главной леди и ее медсестрам, и о хаосе, из которого нужно было навести порядок.

Неудивительно, что врачи и руководство больницы не сразу приняли уникальную группу сестер, пришедших к ним на помощь. Эти и без того изможденные джентльмены были склонны думать, что дамы окажутся скорее помехой, чем помощью. В те времена считалось неизбежным, что солдат должен страдать, а гуманитарные попытки уменьшить страдания считались сентиментальными и женоподобными.

Возможно, некоторые из молодых медиков считали, что крысы, которые кишели в госпитале, станут необходимым средством устрашения для новоприбывших медсестер. Конечно, считалось, что самые сильные женщины взлетают на воздух при приближении мыши: какой же эффект произведет крыса? Но эта мысль развеялась, когда стало известно, что главная леди бесстрашно согнала крысу с кровати одной из сестер зонтиком. Сараи, где сестры сортировали товары, были переполнены вредителями. "Наши домашние крысы, - сказала одна из них, - убежали бы, если бы вы их "притихли"; но вы можете "притихнуть", а крысы Скутари не обратят на это ни малейшего внимания".

Всего через двадцать четыре часа после прибытия мисс Найтингейл в Скутари раненые после битвы при Инкермане начали поступать в ужасающих количествах, и вскоре каждый дюйм комнаты в Главном и Барачном госпиталях был заполнен страдальцами. У многих из них не было другого места для отдыха, кроме грязной земли снаружи. Леди-главнокомандующая не успела начать реформу, собрать запасы или привести в рабочее состояние планы по облегчению состояния больных, как на нее обрушилась эта страшная лавина раненых солдат.

БУЛОНСКИЕ РЫБАЧКИ НЕСУТ БАГАЖ МИСС НАЙТИНГЕЙЛ И ЕЕ МЕДСЕСТЕР.

[На обороте с. 128.]

Это был самый ответственный момент в ее жизни. Если бы Флоренс Найтингейл не удалось в этот кризис в личной стойкости, или в силах, чтобы вдохновить своих подчиненных с аналогичным мужеством, ее миссия была бы погружена в благожелательной тщетности. Она и ее медсестры могли бы бегать туда-сюда, разглаживая подушки, раздавая кашу и оказывая другие добрые и женские услуги, но как бы ни были они благодарны беднякам в их крайних страданиях, они не устранили бы корень зла. Леди-главнокомандующая должна была не ограничиваться текущим моментом, хотя и не пренебрегать его требованиями, а смотреть в более важное будущее и создать такую систему реформы сестринского дела, которая сделала бы невозможными такие сцены, свидетелем которых она была сейчас. Именно ее способность сделать это вознесла Флоренс Найтингейл в такое высокое положение.

Внимание и похвалы в ее адрес в крымский период вызвали некоторую ревность и недовольство в некоторых кругах. Другие женщины, занятые уходом за больными солдатами, возможно, думали, что они принесли равные личные жертвы с мисс Найтингейл - некоторые действительно отдали свою жизнь за это дело. Другие же, вернувшись к уединенной жизни после тяжелой кампании по уходу за больными, возможно, чувствовали некоторую несправедливость в том, что одно лишь имя прозвучало на всю страну, а другие, вынесшие на своих плечах жар и бремя дня, остались незаслуженно забытыми и невоспетыми. Никто не хотел бы освободить от должной похвалы даже самых скромных из той "группы ангелов", которые работали с Флоренс Найтингейл, и тем более она, но в каждом великом деле есть гений-инициатор, который стоит в одиночестве величественно над рядовыми последователями.

Такой была Леди-главнокомандующая: она пришла на Скутари как нечто гораздо большее, чем просто эффективная медсестра. Она принесла с собой организаторские способности и способность управлять, а также мозговую силу, которой, казалось, были лишены ответственные лица. Деликатная, высокородная и сдержанная по натуре, мисс Найтингейл обладала тем тонким качеством, которое давало ей власть над другими, тем неопределимым, что ломало сопротивление самого консервативного обструкциониста, когда он попадал под ее личное влияние. Ее не сковывали ни прецеденты, ни волокита, и она четко представляла себе административный механизм, необходимый для обеспечения должного ухода и снабжения продрогших солдат.

Ее женская натура приходила в негодование при виде страданий, которые она могла рассматривать только как результат негибкой и бездумной рутины, и она использовала свою быструю интуицию и проворный ум, чтобы исправить это зло. Когда люди ежедневно умирали со счетом за неимением подходящего питания, она отказывалась слушать чиновников, которые боялись нарушить правила, открывая магазины без обычного порядка, и брала на себя ответственность за то, что посылки не расходились. Леди-главнокомандующая сама была строгой дисциплинированной, иначе ей никогда не удалось бы навести порядок из хаоса, но у нее было достаточно человечности, чтобы понять, когда железное правило может быть ослаблено в интересах тех, кто находится под ее опекой. Ее здравый смысл, дух бескорыстной преданности и сильная, хотя и мягкая, убедительность постепенно преодолели предубеждение официальных властей против нового элемента, привнесенного в работу больницы.

Мистер Сидни Герберт в своем письме главному врачу в Скутари (доктору Мензису), в котором он сообщал о прибытии медсестер, советовал ему "с вниманием и почтением относиться к советам леди-главнокомандующего". Как ни велика была власть, которую давала ей непоколебимая поддержка этого выдающегося человека, она была вторична по сравнению с тем влиянием, которого она добилась силой своего характера. Покойный Дин

Стэнли, который не был человеком, чтобы злоупотреблять английским языком, описал факультет мисс Найтингейл как "командование гений".

В захватывающих рассказах того времени мы читаем о том, как Главная леди совершала ночные обходы, проходя по бесконечным коридорам и больничным палатам с маленькой лампой, отблеск которой освещал ее путь милосердия и любви. Умирающие люди поворачивались на своих подушках, чтобы благословить ее тень, когда она проходила мимо. В далекой Новой Англии идея "Леди с лампой" вдохновила музу Лонгфелло: - "Леди с лампой должна стоять".

Леди с лампой должна стоять

В великой истории страны,

Благородный тип добра

Героической женственности;

И до сих пор это самое красивое и популярное название Флоренс Найтингейл, но, рискуя показаться современными и прозаичными, мы осмелимся переименовать нашу героиню в "Леди с мозгом".

Когда мисс Найтингейл начала свою работу, ее усилия были сосредоточены на уже описанном госпитале в бараке и на общем госпитале в Скутари, который находился немного дальше. Другие британские госпитали на Востоке также находились под ее руководством, но Скутари поначалу требовал ее безраздельного личного внимания. К ее персоналу прилагались тридцать восемь обученных медсестер, которые сопровождали ее, преподобный Сидней Осборн, капеллан, и ее друзья, мистер и миссис Брейсбридж из Атерстоун-Холла. Миссис Брейсбридж должна была выполнять функции надзирательницы за хозяйством. Самым ценным помощником был также мистер Стаффорд, молодой человек из семьи, который покинул гостиные Мейфэра, чтобы отправиться в Скутари и "пидорить" для главнокомандующей леди. Он писал письма, отправлялся с миссиями по расследованию и делал все, что мог сделать удобный и галантный джентльмен, чтобы быть полезным даме, которой он считал за честь служить.

В совокупности эта небольшая группа может быть названа "партией реформ", которая была установлена в Скутари в начале зимы 1854 года. Леди Стратфорд де Редклифф, жена нашего посла в Константинополе, и ее "очаровательная гостья", леди Джордж Пэдджет, также были очень полезны в отправке небольших удобств для раненых офицеров, но о мисс Найтингейл говорили, что она "думала только о мужчинах". Простой солдат, несомненно, был ее главной заботой.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАЯ В СВОЕЙ КАЮТЕ В БАРАЧНОМ ГОСПИТАЛЕ.

Главкомандующая и ее персонал располагались в башне в одном из углов госпиталя, и напряженная жизнь, которая протекала там изо дня в день, описана преподобным Сиднеем Осборном. "Войдя в дверь, ведущую в башню сестер, - пишет он, - вы сразу же оказываетесь зрителем оживленной и интересной сцены. Это большая комната с двумя или тремя дверями, выходящими из нее с одной стороны; с другой - одна дверь, открывающаяся в квартиру, в которой спали и, как я полагаю, питались многие сестры и санитары. В центре стоял большой кухонный стол: за ним суежилась верховная жрица комнаты, миссис Си. Сколько раз мне доводилось проходить через эту комнату, я не припомню, чтобы она когда-нибудь отсутствовала в ней или была незанята. За этим столом она получала из кухни и магазинов сестричества различные продукты, которые сопровождающие сестры или медсестры всегда были готовы отнести больным во всех уголках этих гигантских больниц. Это была любопытная сцена, внимательное изучение которой давало практический урок работы истинной доброжелательности, основанной на здравом смысле.

"Пол с одной стороны комнаты был завален всевозможными пакетами - запасами вещей для внутреннего и внешнего потребления пациентов; тюки рубашек, носков, тапочек, халатов, фланели, груды всевозможных предметов, которые могли бы пригодиться для обеспечения комфорта и чистоты. Это была одна из черт смелой попытки посторонней благотворительности восполнить недостатки различных отделений, которые, разумеется, должны были обеспечить все эти вещи.

"В соседней комнате были проведены те советы, над которыми мисс Найтингейл так умело председательствовал, на которых обсуждались меры, необходимые для удовлетворения ежедневно меняющихся потребностей больницы. Отсюда отдавались распоряжения, которые регулировали работу женского персонала, работающего под началом этой талантливейшей руководительницы. Отсюда же отправлялись многочисленные письма правительству, друзьям и сторонникам на родину, в которых рассказывалось об ужасных страданиях больных и раненых, об их крайней нужде во многих предметах первой необходимости".

В этом описании мы видим начало организаторской работы Главной леди. В помещениях для сестер она с самого начала была бесспорным главой, и постепенно порядок и методы, которые она там установила, повлияли на все остальные части госпиталя.

Пока она боролась с бюрократией, пытаясь получить доступ к магазинам, которые лежали нераспакованными в непосредственной близости от больницы, заполненной плохо питающимися, плохо одетыми и страдающими людьми, потому что никто не знал, кто имеет право их выдавать, сочувствующие друзья следили за пополнением магазина в башне сестер. Но за нуждами угнаться было невозможно. В опубликованных письмах, отправленных домой медперсоналом в этот период, содержатся просьбы о предоставлении инвалидных вещей и одежды. Раненые умирали десятками из-за отсутствия хоть какого-то стимулятора, способного привести в чувство их измученный организм, когда они только поступали в госпитали, а люди, лежавшие в одежде, окоченевшей от крови, не могли даже получить смену одежды. С наступлением холодов обмороженные пациенты, прибывшие из окопов перед Севастополем, не имели даже теплой рубашки. Одна из медсестер, писавшая домой, сказала: "Всякий раз, когда человек открывает рот со словами "Пожалуйста, мэм, я хочу с вами поговорить", у меня замирает сердце, потому что я уверена, что все закончится фланелевыми рубашками".

Задача Главной леди заключалась в том, чтобы привести в порядок как доброжелательный, так и пренебрежительный хаос. Она должна была выяснить, в каких вещах остро нуждаются, и посоветоваться со своими друзьями в Англии. Все это было неожиданной работой, ведь, как помнится, мистер Сидни Герберт в письме, пригласившем мисс Найтингейл поехать в Скутари, особо отметил тот факт, что, по его мнению, больницы были снабжены всем необходимым. "Медицинские запасы, - говорил он, - были отправлены тоннами".

Увы, из-за неэффективного управления эти запасы гнили на берегу в Варне, вместо того чтобы добраться до Скутари, а многое из того, что прибыло, было упаковано под тяжелой амуницией и труднодоступно для . Потеря "*Принца*", груженного припасами, стала кульминацией катастрофы, которая произошла 14 ноября, примерно через две недели после прибытия мисс Найтингейл.

Сдержанность руководства госпиталя не позволила истинному положению дел дойти до британской общественности. Действительно, вся служба, от коменданта до санитары, сговорились говорить "Все в порядке", когда все было не так. Одна из сестер описала, как эта политика действовала в палатах. Каждый вечер санитары обходили палаты, чтобы убедиться, что все в порядке. Его, конечно, ждали санитары, и как только он поднимал задвижку, ему говорили: "Все в порядке, ваша честь", - и пропускали дальше. Это был осмотр госпиталя!

В оправдание офицеров, которых так легко было вывести из себя, можно сказать, что палаты были наполнены мором, а воздух настолько загрязнен холерой и лихорадкой, что входить туда казалось верхом смерти.

По этой причине санитаров, уже находившихся на больничном листе, назначали сиделками, и они часто пили бренди, которое должны были давать пациентам, чтобы поддержать их дух или "утопить горе", как они предпочитали выражаться. В таком состоянии люди становились очень черствыми. Страдания больных холерой ужасно усиливались страхом быть похороненными заживо, и они умоляли санитаров не отправлять их в мертвецкую, пока не убедятся, что дышат в последний раз. Полный коллапс был последней стадией азиатской холеры, и санитары не слишком заботились о том, чтобы определить, когда наступит точный момент распада, поэтому в мертвецкую спешили еще живые люди. Не стоит обвинять и осуждать кажущуюся бесчеловечность санитаров. Их заставляли выполнять работу, которой они не были обучены и часто физически не были готовы, а также были деморализованы шокирующим состоянием палат. Виновата была система, а не отдельные люди.

В эти антисанитарные, грязные, пораженные мором палаты пришла главнокомандующая, и она не сказала "Все в порядке". Чиновникам бесполезно было говорить "пух-пух": у нее, к счастью, была правительственная власть. То, что увидел ее быстрый глаз, было доведено до сведения главнокомандующего, лорда Раглана, и мистера Сиднея Герберта в Военном министерстве, и со временем были получены необходимые инструкции по реформе.

Не последним качеством леди-главнокомандующей было ее влияние на людей, облеченных властью. Она не была диктаторской, не была агрессивной, но обладала рассудительностью, которая внушала доверие, и знаниями, которые заставляли уважительно относиться к ней. Ее письма военному министру дома и лорду Раглану, генералу в поле, были образцами четких и лаконичных документов, лишенных ворчания, злобы или суетливых жалоб, но в них содержались ужасающие факты. Она безошибочно нащупала все недостатки в работе комиссариата и госпитальной администрации. Благодаря просветительской помощи ее писем из Скутари правительство страны смогло пробить дымку, окутывавшую официальные отчеты с Босфора, и постепенно управление госпиталем было поставлено на основу, которая соответствовала рекомендациям леди-главнокомандующего.

Лорд Уильям Паулет, сменивший майора Силлери на посту военного коменданта в Скутари вскоре после прибытия мисс Найтингейл, вскоре научился полностью доверять ее суждениям. "Вы найдете ее очень ценной, ... ее советы - это восхитительные предложения", - написал военный министр новому коменданту, и лорд Уильям доказал истинность этого утверждения. Лорд Раглан в одной из своих депеш герцогу Ньюкаслу сказал: "Лорд Уильям [Паулет], как и Браун [сэр Джордж Браун], громко восхваляет мисс Найтингейл", добавив, что он уверен, что она "сделала много хорошего". Проходили недели, и лорд Раглан стал считать фрейлину самым эффективным вспомогательным "генералом".

ГЛАВА XIII

ЗА РАБОТОЙ В КАЗАРМЕННОМ ГОСПИТАЛЕ

Ужасающая задача - истории об интересе Флоренс Найтингейл к солдатам - нехватка предметов первой необходимости для раненых - создание кухни для инвалидов и прачечной - забота о женах солдат - религиозные фанатики - письмо от королевы Виктории - Рождество в Скутари.

Пренебрегаемые, умирающие в отчаянии,

Они лежали, пока не пришла женщина,
Чтобы успокоить их своей нежной заботой,
И подпитать мерцающее пламя жизни.
Когда они были изранены, лежали в лихорадке,
Или отброшены как убитые,
Она возвращала их трепещущий дух,
И вновь давала им силы.
Фрэнсис Беннок.

События войны осенью 1854 года дают некоторое представление о количестве раненых, скопившихся в госпиталях на Босфоре, когда Флоренс Найтингейл приступила к своим обязанностям в Скутари. Балаклава была взята 25 октября, через четыре дня после ее отъезда из Лондона; битва при Инкермане последовала 5 ноября, на следующий день после ее высадки. Прежде чем обычная женщина нашла бы время распаковать свои коробки, мисс Найтингейл оказалась лицом к лицу с задачей, не имеющей аналогов по своим масштабам и ужасающей по своей природе.

Раненые прибывали с кораблей, пока все палаты, как в Главном, так и в Барачном госпитале, не были переполнены до отказа, а мужчины лежали двойными рядами по длинным коридорам, образуя несколько миль страдающего человечества. Известно, что в эти страшные дни Флоренс Найтингейл *по двадцать часов* стояла на посту при прибытии новых отрядов больных, распределяя палаты, направляя своих медсестер и присутствуя при самых болезненных операциях, где ее присутствие могло бы успокоить и поддержать. Она могла часами лежать над людьми, умирающими от холеры или лихорадки. "Действительно, - писал один из тех, кто наблюдал за ее работой, - чем ужаснее для всех был тот или иной случай, тем чаще можно было видеть ее легкую фигуру, склонившуюся над ним, облегчающую его состояние всеми доступными ей средствами и редко покидающую его до тех пор, пока смерть не освободит его".

Ее женское сердце побуждало ее к гуманным поступкам, которые сразу же сделали ее признанным другом солдата. Когда после Инкермана раненых сотнями привозили в Скутари, первой обязанностью хирургов было отделить подающих надежды от отчаявшихся. Однажды мисс Найтингейл увидела пятерых солдат в безнадежном состоянии. Она поинтересовалась, нельзя ли что-нибудь сделать для этих бедолаг, и хирурги ответили, что в первую очередь они должны заниматься теми, у кого было больше надежды на спасение.

"Не отдадите ли вы мне этих пятерых человек?" - сказала леди-главнокомандующая.

"Делайте с ними что хотите", - ответили хирурги, - "мы считаем их случай безнадежным".

Если жизнь можно было спасти, Флоренс Найтингейл была полна решимости спасти ее, и всю ночь, помогаемая одной из медсестер, она сидела рядом с мужчинами, кормила их с ложки, пока их чувства не пробудились и силы не начали возвращаться. Она промыла их раны, ободрила их сердца добрыми словами, а утром с удовлетворением констатировала, что они в состоянии, пригодном для операции.

В другой раз солдату Хайленда предстояла ампутация. Мисс Найтингейл попросила отложить операцию, так как считала, что тщательный уход может сделать ее ненужной.

Благодаря ее неустанной заботе рука мужчины была спасена, а когда его спросили, что он чувствует по отношению к своей хранительнице, он ответил, что единственным способом дать волю своим чувствам было поцеловать ее тень, когда она падала на его подушку, проходя через палаты во время ночного обхода.

Когда поступали больные холерой и чумой, с пеной у рта и черным лицом, ни один из них не был слишком плох для ухода за больными Флоренс Найтингейл. Ее влияние на мужчин было установлено с самого начала. Она была их "добрым ангелом", и их доверие к ней было беспредельным.

Тем не менее, в первые дни ее задача была нелегкой. Нужно было преодолеть официальные предрассудки и справиться с огромным количеством пациентов в огромном здании, лишенном самых обычных больничных принадлежностей и приспособлений. Так называемый "госпиталь-барак" был предназначен только для солдатских казарм, поэтому, когда его внезапно превратили в госпиталь, в нем не было почти всего необходимого для больных, а поставки, доставленные из Англии, в результате ряда злоключений задерживались. Письмо, отправленное домой одной из медсестер через шесть дней после прибытия мисс Найтингейл и ее группы, можно процитировать, чтобы дать наглядное представление о положении дел в это время. Она пишет: - "Я приехала сюда как одна из тех, кто работает в больнице.

"Я приехала сюда в качестве одной из правительственных медсестер, и положение, в котором мы оказались, побуждает меня написать и попросить вас немедленно выслать несколько дюжин вина, или, короче говоря, все, что может быть полезным для раненых или умирающих, сотни которых сейчас находятся вокруг нас, под этой крышей, заполняя даже проходы в те самые комнаты, которые мы занимаем. Правительство либерально, и я ни на минуту не пожалуюсь на их желание удовлетворить все наши нужды, но при таком количестве раненых, поступающих из Севастополя, кажется совершенно невозможным удовлетворить нужды тех, кто умирает от дизентерии и истощения; из четырех палат, отданных на мое попечение, одиннадцать человек умерли за ночь, просто от истощения, которое, говоря человеческим языком, можно было бы остановить, если бы я сразу же приложил руку к питанию, которое, как я знал, они должны были иметь.

"Необходимо быть так близко к месту войны, как мы, чтобы знать об ужасах, которые мы видели и о которых слышали. Я не знаю, какое зрелище более душераздирающее - видеть, как прекрасные сильные мужчины и юноши изнемогают от истощения и падают духом, или как другие приходят страшно израненные".

"Весь вчерашний день был потрачен на то, чтобы сначала сшить матрасы для мужчин, а затем постирать их, помочь хирургам, когда это было возможно, перевязать их ужасные раны, и увидеть, как беднягам стало настолько легко, насколько позволяли их обстоятельства, после пяти дней заключения на корабле, в течение которых их раны не были перевязаны.

"Мисс Найтингейл, под началом которой мы работаем, во всех отношениях хорошо приспособлена к своей трудной должности, ведь до сих пор целью ее жизни было руководство больницами за границей. Вино и бутылки куриного бульона, консервированное мясо для супов и т. д. будут очень кстати.

"Мы не видели ни капли молока, а хлеб очень кислый. Масло очень грязное - это ирландское масло в состоянии разложения; а мясо больше похоже на влажную кожу, чем на еду. Картофель мы ждем до тех пор, пока его не привезут из Франции".

МИСС НАЙТИНГЕЙЛ В БОЛЬНИЦЕ В СКУТАРИ.

[Клицус. 144.

Уход за больными в госпитале, куда поступали солдаты прямо с поля боя, чьи раны усугублялись днями отсутствия заботы, был трудной задачей и при самых благоприятных обстоятельствах, но когда он усугублялся отсутствием даже нормального питания, о чем свидетельствует приведенное выше письмо, задача становилась поистине невыполнимой.

Однако в этом ужасном барачном госпитале работал организующий мозг, и *в течение десяти дней* после своего прибытия, несмотря на ужасный наплыв пациентов, который до предела истощил ее силы, мисс Найтингейл оборудовала импровизированную кухню, из которой восемьсот человек ежедневно получали хорошо приготовленную пищу и другие удобства. В основном это были недействительные продукты из личных запасов главнокомандующей, которые она, к счастью, привезла с собой на "Вектисе". Говяжий чай, куриный бульон, желе и маленькие деликатесы, о которых раньше и слухом не слыхивали, теперь подавались больным нежными руками женщин-медсестер. Неудивительно, что бедняги часто могли выразить свою благодарность лишь голосом, полузадушенным рыданиями!

Один крымский ветеран рассказывал писателю, что, получив рано утром по прибытии в госпиталь тазик манной крупы, он сказал себе: "Томми, мальчик мой, это все, что ты получишь в свой желудок в этот благословенный день, и считай, что тебе повезло". Но через два часа, если еще один из этих благословенных ангелов не придет и не попросит меня выпить немного куриного бульона! Ну, я и принял его, подумав, что, возможно, это ранний ужин, и не успел я как следует поразмыслить, что будет дальше, как снова пришла медсестра с небольшим количеством желе, и весь день через определенные промежутки времени они

продолжали приносить мне то, что они называли "небольшим питанием". Вечером пришла мисс Найтингейл, посмотрела на меня и сказала: "Надеюсь, вам стало лучше". Я мог бы сказать: "Мэм, я чувствую себя здоровым, как боевой петух", но мне удалось вымолвить что-то более вежливое".

До сих пор не только не было недостатка в еде, но и приготовление пищи осуществлялось самими солдатами самым свободным и простым способом. Мясо и овощи варили вместе в огромных котлах, которых на кухне при казарме было тринадцать. Отдельные куски заключались в сетки, все вместе погружались в кипящие котлы и доставались, когда того требовал случай. Некоторые блюда подавались в лохмотьях, другие были почти сырыми. Такая готовка была достаточно вредна для людей с нормальным здоровьем, но для больных она означала смерть.

О ежедневных удобствах, которые предоставляла кухня для медсестер, свидетельствовали свидетели, выступавшие перед комиссией мистера Робака по расследованию ведения войны. За один день среди больных распределялось иногда тринадцать галлонов куриного бульона и сорок галлонов манной крупы. Поначалу почти вся пища для больных поступала из частных магазинов, которые развозила главнокомандующая леди, но по мере того, как становилось известно истинное положение дел, благотворители дома пополняли их, поскольку не только в правительственных магазинах ощущался недостаток, но и то, что поставлялось официально, часто не годилось в пищу. По общему свидетельству свидетелей, выступавших перед Комиссией, услуги мисс Найтингейл были неоценимы в госпитале, как за то, что она делала сама, так и за то, как она удерживала поставщиков от выполнения их обязанностей.

Способ распределения правительственных запасов был столь же непостоянным, как и приготовление пищи. Похоже, не существовало никаких правил относительно времени. Вещи, запрошенные утром, вероятно, не были получены до вечера, когда огонь на казарменной кухне уже почти погас. Ничего нельзя было получить, пока не были соблюдены различные "правила службы". Официальная комиссия должна была проверять и утверждать все запасы, прежде чем они могли быть распределены. Можно подумать, что для леди-главнокомандующей, выполняющей свой ответственный долг по отношению к больным, нет ничего более тягостного, чем видеть, как измученные люди умирают из-за отсутствия надлежащего питания, потому что комиссия по проверке не завершила свои мероприятия. В одном из случаев она взяла закон в свои руки и настояла на том, что запасы должны быть выданы, независимо от того, проверены они или нет. Она не могла просить подчиненных нести наказание в виде военного положения, выполняя ее приказы, но она могла сама отваживать власти и делала это. Склад был открыт под ответственность главнокомандующей леди, и товары были закуплены для умирающих солдат.

Пренебрежение мисс Найтингейл к бюрократическим проволочкам нажило ей врагов, и "люди с пазами", как называет их Кинглейк, "высказывали трогательные жалобы, заявляя, что леди-главнокомандующая не хотела давать им время и что, как только объявлялась нужда, она спешила снабдить ее сама".

"Это обвинение, - говорится в примечании к приложению того же авторитета, - было настолько безосновательным, что не соответствовало истине. Главнокомандующая не выдавала своих запасов и не позволяла делать это другим, пока потребность в них не была подтверждена должным образом подписанным заявлением. Доказательств тому множество, и они были предоставлены даже противниками главнокомандующей".

После того как ее импровизированная кухня была приведена в рабочее состояние, мисс Найтингейл приступила к работе, чтобы создать прачечную для больницы и ввести систему дезинфекции одежды больных лихорадкой и холерой. К моменту ее прибытия в больницу практически ничего не стиралось, "властям" удалось добиться стирки только семи рубашек, и не было сделано ни одной попытки отделить постельное белье и одежду инфекционных пациентов от тех, кто страдает только от ран. Существовали контракты на стирку, но они мало что давали. В Главном госпитале за работу отвечал корпус из восьми или десяти армян. В том, как они выполняли работу, не было недостатка, но они так часто воровали, что, отправляя свою рубашку в стирку, человек никогда не был уверен, что получит ее обратно, и, как следствие, больные не желали расставаться со своей одеждой.

В госпитале барака левантинец по имени Уптони заключил контракт на стирку, но нарушал его так часто, что больные практически оставались без чистого белья, за исключением тех случаев, когда им удавалось уговорить солдатских жен немного постирать за них. Такого было положение дел в госпитале, где от двух до трех тысяч человек лежали ранеными и больными.

Мисс Найтингейл сняла дом неподалеку от госпиталя и организовала эффективную прачечную, частично из своих личных средств, а частично из денег, которые перечислила в фонд *The Times*, созданный для помощи солдатам. Она оборудовала прачечную медьями и обеспечила санитарные условия, и каждую неделю в ней стирали пятьсот рубашек и сто пятьдесят других вещей.

Оставалось решить еще одну проблему - обеспечить мужчин сменой белья, пока испачканное отправлялось в стирку. Многие раненые были вынуждены оставить свои ранцы и не имели никакой одежды, кроме той грязной и ветхой, в которой они прибыли. В течение первых трех месяцев мисс Найтингейл предоставила мужчинам десять тысяч рубашек из своих личных источников.

Такая же нехватка была и в хирургических повязках, и медсестрам приходилось использовать каждую минуту, которую можно было отвлечь от постели страдальцев, для изготовления ваты, бинтов, ампутационных культей, а также для шитья матрасов и изготовления подушек.

Большая путаница царил и в выдаче лекарств. Аптекарский склад в Скутари, снабжавший госпитали и вообще всю армию в Крыму, находился в таком же состоянии неразберихи, как и все остальное. Санитары, оставленные для раздачи лекарств, часто не знали, что в нем находится. Однажды миссис Брейсбридж, бесценный друг и помощник мисс Найтингейл, трижды обращалась за хлористой известью, а ей ответили, что ее нет. Мисс Найтингейл настояла на более тщательном поиске, в результате чего было обнаружено 90 фунтов.

Дефектная система санитаров была еще одним злом, с которым пришлось бороться леди-главнокомандующей. Эти люди были взяты из рядов, большинство из них были выздоравливающими, и их не беспокоило понимание обязанностей санитаров, поскольку они могли вернуться и служить в рядах. Появление дам оказало на санитаров прекрасное воздействие, пробудив в них рыцарское чувство, и вскоре они стали считать за честь служить фрейлине. В течение всего этого ужасного периода, когда ей приходилось до предела испытывать терпение и преданность санитаров и других солдат, обслуживающих палаты, ни один из них не подвел ее "в послушании, заботливом внимании и деликатности". Ради нее они трудились и терпели такое напряжение и стресс, которого не смогли бы добиться простые чиновники. Тем не менее "никогда," Мисс Найтингейл говорит, "пришел от любого из них одно слово или один взгляд, который джентльмен не использовал бы; И пока я

отдаю эту скромную дань смиренной вежливости, слезы наворачиваются на глаза, когда я думаю, как среди сцен ужасающих болезней и смерти над всем этим возвышалось врожденное достоинство, мягкость и рыцарство мужчин (ибо никогда, конечно, рыцарство не было столь ярким примером), сияющее среди того, что должно считаться самой низкой раковиной человеческого страдания, и инстинктивно предотвращающее использование одного выражения, которое могло бы огорчить джентльмена".

Если санитары и выздоравливающие солдаты проявляли такую рыцарскую преданность, то можно легко понять, что страдальцы боготворили Главную леди. Ее присутствие в операционной действовало как волшебство. Случай за случаем поддавался хирургу под успокаивающим влиянием ее присутствия. Неудивительно, что мужчины, ослабевшие и мучимые болью, часто восставали против операции. Тогда анестетики не применялись так свободно, как сегодня, и многие храбрецы скорее жаждали смерти, чем встречи с ножом хирурга. Но когда они чувствовали на себе жалостливый взгляд Главной леди, видели ее нежное лицо, слышали ее успокаивающие слова утешения и надежды на будущее и осознавали, что она поставила перед собой задачу вынести боль, чтобы стать свидетелем боли, мужчины подчинялись ее молчаливому приказу, покорялись и терпели, укрепленные ее присутствием.

Те, кто поначалу был склонен осуждать власть, которую правительство передало в руки Главной леди, быстро изменили свое суждение, поскольку день за днем они становились свидетелями силы ее характера и ее удивительной стойкости и самообладания посреди сцен, которые испытывали самых сильных мужчин.

Масштабы работы мисс Найтингейл в больничных палатах заставили историков упустить из виду женскую помощь и сочувствие, которые она оказывала женам солдат, пришедшим со своими мужьями. Даже Кинглейк, непревзойденный в своем восхищении Главной леди, не упоминает об этой стороне ее работы.

Когда мисс Найтингейл прибыла в Скутари, она обнаружила множество бедных женщин, жен или вдов (возможно) солдат, ушедших на фронт, живущих в ужасающем состоянии, буквально в норах и углах барачного госпиталя. Эти женщины, будучи отделены от полков своих мужей, не имели права претендовать на пайки и жилье. Полковник каждого полка имел право разрешить определенному количеству женщин сопровождать своих мужей на иностранную службу. Каждая женщина принадлежала к своему полку, и если она отделялась от него, даже не по своей воле, ей ничего не полагалось. В этот период не существовало никакой организации, которая занималась бы такими женщинами, поскольку в течение сорока лет в английской армии не было общего депо. Постепенно вдов отправляли домой по приказу коменданта, но остальные женщины, многие из которых были женами солдат в госпитале или санитаров, отказывались возвращаться домой без своих мужей.

Мисс Найтингейл обнаружила, что эти бедные создания, в большинстве своем респектабельные женщины, без приличной одежды - их одежда изнашивалась - ходят без чепцов и ботинок и живут как могут. После многочисленных переходов из одной "норы" в другую женщины были размещены властями в трех или четырех темных комнатах в сыром подвале больницы. Единственное уединение можно было получить, развешивая лохмотья одежды на веревках. Там, при свете фонарика, принимали пищу, ухаживали за больными, там же рождались и выкармливались дети. С ноября по декабрь родилось двадцать два ребенка, а за зиму - гораздо больше.

Не нужно слов, чтобы выразить благодарность женщин дорогой леди-главнокомандующей, которая разыскала их в их жалком положении, дала им приличную одежду и еду из своих собственных запасов в Башне медсестер и позаботилась о том, чтобы маленькие жизни, появившиеся на свет среди ужасов и лишений войны, имели хотя бы нежную заботу. В конце января из-за поломки канализации в подвале началась лихорадка, и мисс Найтингейл убедила коменданта перевести женщин в более здоровые помещения. По реквизиции был приобретен турецкий дом, который мисс Найтингейл вычистила и обставила из своих средств. В течение всей зимы женщинам помогали деньгами, едой и одеждой, а для вдов, возвращающихся домой, были приготовлены наряды. Мисс Найтингейл также организовала план по предоставлению работы всем женам солдат, которые были готовы работать в ее прачечной за десять-четырнадцать шиллингов в неделю. Верхняя часть прачечной была разделена на больничную палату и прачечную и служила убежищем для более респектабельных женщин. Других она устраивала в семьи в Константинополе. Для детей была открыта школа. Леди Алисия Блэквуд, жена доктора Блэквуда, армейского капеллана, посещала женщин и помогала ухаживать за ними. Благодаря инициативе мисс Найтингейл около пятисот женщин были подняты из жалкого состояния в Скутари и получили возможность честно зарабатывать на жизнь. "Когда, - писала мисс Найтингейл позже, - будут обсуждаться улучшения в нашей системе, которые должна предложить война, пусть не будут забыты жена и ребенок солдата".

Пока Флоренс Найтингейл героически боролась с болезнями, страданиями и смертью и наводила порядок из хаоса в госпиталях Скутари, на родине фанатики-меломаны нападали на ее религиозные взгляды. Одни заявляли, что она отправилась на Восток с целью распространения пусейизма среди британских солдат, другие - что она стала римской католичкой, третьи были уверены, что она унитариянка, а четвертые шептали страшную ересь "супралапсарианство". Один священнослужитель предостерег свою паству от подписки на деньги для солдат на Востоке, если они попадут в руки к папистам. В *газетах "Таймс" и "Стандарт"* разгорелась ожесточенная полемика, и мистер и миссис Сидни Герберт горячо защищали своего отсутствующего друга.

"Меланхолично думать, - писала миссис Герберт одной из прихожанок нападавшего священника, - что в христианской Англии никто не может ничего предпринять без этих самых немилосердных и сектантских нападков, и, если бы вы не сказали мне об этом, я бы с трудом поверила, что священнослужитель Установленной церкви мог быть глашатаем такой клеветы". Мисс Найтингейл - член Установленной церкви Англии, а также так называемой Низшей церкви, но с тех пор, как она отправилась в Скутари, ее религиозные взгляды и характер подвергаются нападкам по всем пунктам. Это жестокая расправа над той, кому вся Англия так многим обязана".

Ирландский священнослужитель, когда его спросили, к какой секте принадлежит мисс Найтингейл, дал эффективный ответ: "Она принадлежит к секте, которая, к сожалению, очень редка - секте добрых самаритян".

Королева Виктория и принц-консорт с самого начала проявляли сочувственный интерес к работе мисс Найтингейл, и следующее письмо от королевы к мистеру Сиднею Герберту во многом помогло заглушить негативную критику, поскольку оно показывало доверие, которое ее величество испытывала к мисс Найтингейл и ее медсестрам: -...

"Виндзорский замок.

"6 декабря 1854 года.

"Передайте, пожалуйста, миссис Герберт, - писала королева мистеру Сиднею Герберту, - что я прошу ее позволить мне часто видеть отчеты, которые она получает от мисс Найтингейл или миссис Брейсбридж, поскольку *я не слышу никаких подробностей о раненых*, хотя я вижу так много от офицеров и т.д. на поле боя, и, естественно, первые должны интересоваться *меня больше, чем другие*".

"Пусть миссис Герберт также знает, что я хотел бы, чтобы мисс Найтингейл и другие дамы сказали этим бедным, благородным раненым и больным мужчинам, что *никто не* проявляет большего интереса, *не* сочувствует их страданиям и не восхищается их мужеством и героизмом *больше*, чем их королева. Днем и ночью она думает о своих любимых войсках. Так же думает и принц.

Попросите миссис Герберт передать эти мои слова этим дамам, так как я знаю, что *наше* сочувствие очень ценится этими благородными людьми".

"Виктория."

Это доброе письмо, идущее прямо от сердца доброй королевы, без всякого официального словоблудия, чтобы заглушить личные чувства, было передано мисс Найтингейл, и по его получении она передала его в руки одного из капелланов, который ходил из палаты в палату, читая его мужчинам, заканчивая каждый рассказ о письме словами "Боже, храни королеву", к которым бедные страдальцы присоединялись с той энергией, на которую были способны. После этого копии письма были развешаны по стенам госпиталя.

Хотя деятельность и личность Главной леди уже преодолели множество официальных предрассудков, несомненно, письмо королевы Виктории значительно укрепило ее позиции. Теперь было очевидно, что именно к мисс Найтингейл государыня обращается за вестями о раненых и именно на нее она возлагает надежды по облегчению их ужасных страданий.

Когда в ту страшную военную зиму 1854 года в огромном барачном госпитале наступил день Рождества, он, по крайней мере, застал его страдающих узников в чистоте, в удобной обстановке и с подходящей пищей. Во всем огромном здании не было ни одного человека, который не имел бы таких удобств, какие только могли придумать заботливые руки и нежные сердца женщин. Эти перемены произошли менее чем за два месяца благодаря ясной голове и управляющему мозгу, которые правили в Башне медсестер.

Счастлирое Рождество" переходило от человека к человеку, и это не было ошибкой, несмотря на боль и страдания; мужчины были, по крайней мере, "веселы" от того, что пришли "соловьи". Когда пили здоровье королевы, в некоторых случаях из бокалов с лекарствами, каждый мужчина в душе соединял с верным тостом имена фрейлины и ее преданной группы.

ГЛАВА XIV

БОРЬБА С ХОЛЕРОЙ И ЛИХОРАДКОЙ

Флоренс Найтингейл описывает тяготы солдат - прибытие еще пятидесяти медсестер - воспоминания о сестре Марии Алоизии - эпидемия холеры.

И вот в этом доме страданий

Я вижу даму с лампой.

Проходит сквозь мерцающий мрак,

И порхает из комнаты в комнату.

Лонгфелло.

Новый 1855 год не принес облегчения в трудной работе Флоренс Найтингейл. Хотя притока раненых с полей сражений больше не было, болезни продолжали страшно свирепствовать среди солдат, занятых в затянувшейся осаде Севастополя. Мисс Найтингейл так описывает тяготы, выпавшие на долю мужчин, в письме к другу. "Представьте себе, - пишет она, - работать пять ночей из семи в окопах! Представьте себе, что вы провели в них тридцать шесть часов подряд, как это было в декабре, лежа или полулежа, после сорока восьми часов, без еды, кроме сырой соленой свинины, посыпанной сахаром, рома и бисквита ; ничего горячего, потому что измученный солдат не мог сам собрать топливо, как от него ожидали, чтобы приготовить себе паек; и представьте себе, что через все это армия сохранила мужество и терпение, как это сделали они. В этом зрелище есть что-то возвышенное".

Результатом такой жизни в окопах во время суровой крымской зимы стали ужасные страдания солдат от обморожений и дизентерии, а также большой рост заболеваемости холерой и лихорадкой, из-за чего госпитали были переполнены как никогда.

В начале года в Скутари прибыл еще один штат из пятидесяти обученных медсестер под руководством мисс Стэнли, сестры покойного декана, которые были распределены по различным госпиталям на Востоке. Теперь под наблюдением мисс Найтингейл находилось пять тысяч больных и раненых, и еще одиннадцать сотен находились на пути из Крыма. Под ее непосредственным личным присмотром в барачном госпитале находилось более двух тысяч раненых, все в тяжелом состоянии. Она также установила свой *режим* в Главном госпитале в Скутари, и некоторые из новых медсестер были назначены туда под руководством мисс Эмили Андерсон, а другие отправились в госпиталь Куллали на другом берегу Босфора и работали под руководством мисс Стэнли до ее возвращения в Англию.

Среди новых медсестер были и сестры милосердия из некоторых ирландских монастырей . Одна из них, сестра Мэри Алоизиус, и в настоящее время живет в своем монастыре в Горте, Со. Голуэй. Ее "Воспоминания" о Крыме дают наглядное представление о состоянии Главного госпиталя в Скутари и о тяжелом труде медсестер.

Пожилая сестра обладает острым чувством юмора, и, описывая отъезд компании мисс Стэнли с Лондонского моста в Скутари, она, очевидно, получила некоторое удовлетворение от того, что ее монашеское одеяние было менее экстраординарным, чем платья, предоставленные правительством для своих медсестер. "Дамы и платные медсестры, - рассказывает она, - носили одинаковую униформу - серые твидовые поддевки, камвольные жакеты, белые чепчики и короткие шерстяные плащи, а также ужасный шарф из коричневого голланда с красной вышивкой и надписью "Госпиталь Скутари". Одежда была контрактной, и вся она была сшита по одним и тем же размерам. В результате высокие дамы выглядели одетыми в короткие платья, а невысокие - в длинные". Это было такое же свидетельство чиновничьей оплошности, как и то, что груз сапог для солдат в Крыму был отправлен на левую ногу. "То, что дамы смогли найти возможность ходить в таком костюме, несомненно, было триумфом благодати над природой", - добавляет сестра Алоизия. Этот факт интересен тем, что демонстрирует прогресс, достигнутый в современное время в

официальной одежде медсестры, примером чему служат очаровательные, хотя и полезные костюмы, которые носили военные медсестры во время войны в Южной Африке.

Тем не менее, вся честь благородным первопроходцам, которые в стремлении исполнить свою миссию милосердия, пренебрегали личными соображениями и не считались с собой.

Сильный свет на работу Главной леди бросает опыт ее подчиненных. Сестра Мария Алоизия пишет: "С чего мне начать или как описать мой первый день в госпитале в Скутари? Прибывали суда, санитары выносили бедняг, которые со своими ранами и обморожениями металась по Черному морю два-три дня, а иногда и больше. Куда их девать? Свободных коек не было. Их укладывали на пол одного за другим, пока не освободили койки от умирающих от холеры и всех других болезней. Многие умирали сразу после того, как их приносили, их стоны пронзали сердце, и вид агонии на этих несчастных умирающих лицах никогда не покинет мое сердце. Их вполне можно назвать "мучениками Крыма".

"Холера была самого худшего типа, и приступы продолжались всего четыре-пять часов. О, эти ужасные судороги! С таким же успехом можно было пытаться согнуть кусок железа и пошевелить суставами. Медицинский персонал делал все возможное, ежедневно, ежечасно рискуя собственной жизнью, но практически безрезультатно. В конце концов, казалось, что всех парализовало, а санитарам было безразлично, жить или умереть. Обычными средствами, которые назначали врачи, были одурманивание и припарки из горчицы. Они очень хотели попробовать хлороформ, но не доверяли его никому, кроме сестер".

Если поначалу Главную леди и ее сестер довольно холодно принимали в хирургических отделениях, то когда началась эпидемия холеры, их присутствие стало настоящим благословением. Этим обученным и преданным своему делу женщинам можно было доверить применение отчаянных средств, необходимых для лечения болезни, которые медицинский персонал считал бы бесполезным оставлять в руках санитаров. Например, одурманивание требовало самого пристального внимания, чтобы иметь хоть какие-то шансы на успех. Для этого сестры использовали большую ванну с кипятком, одеяла, разорванные на квадраты, и кусок холста с прорезью на каждом конце, чтобы держать палку. Одеяла опускали в кипяток, вытаскивали щипцами и клали в холст. Санитар, стоявший у каждого конца, выжимал фланель насухо, чтобы не осталось ни капли влаги. Затем на горячее одеяло сыпали хлороформ, который прикладывали к животу пациента. Затем следовали растирания горчицей и даже скипидаром, пока железная хватка, овладевшая телом, не разжималась или не наступал конец.

Медсестры боролись с ужасной болезнью самым героическим образом, но доля спасенных среди больных была очень мала. Самое печальное заключалось в том, что нападению подвергались, как правило, сильные и здоровые солдаты.

"Однажды, - рассказывает сестра Алоизия, - ко мне в палату на носилках принесли прекрасного молодого парня, образец здоровья и силы. Я сказала санитарам: "Надеюсь, нам удастся его вылечить". Я принялась за работу с обычными средствами, но доктор покачал головой и сказал: "Боюсь, сестра, это все бесполезно". Когда санитары, бедняги, устали, я принялась за работу сама и продолжала ее почти до самого конца - но с таким же успехом можно было тереть железо: ни тепла, ни движения в суставах. Он прожил примерно обычное время - четыре или пять часов".

Неделя за неделей продолжалось это страшное бедствие, пока проходы к палатам не стали свободными от двух потоков носилок, на одних из которых приносили больных, а на других

выносили мертвых. Распространение инфекции, как полагали, во многом объяснялось тем, что могилы были недостаточно глубокими, а воздух вокруг госпиталей стал гнилостным.

Едва ли менее страшными, чем холерные больные, были страдающие от обморожения люди, которые сотнями прибывали из окопов перед Севастополем. Ничто так не помогает осознать их ужасное состояние, как рассказ человека, оказавшегося на месте событий. Рассказывая о своем опыте пребывания среди обмороженных пациентов, сестра Алоизия говорит: "У мужчин, прибывших с "фронта", как они его называли, были только тонкие льняные костюмы - никакой другой одежды, чтобы уберечься от сильного крымского мороза. Когда их несли на носилках, на которых многие из них добирались до места своего последнего упокоения, одежду приходилось срезать. В большинстве случаев плоть и одежда примерзали друг к другу; что касается ног, то сапоги приходилось отрезать по кусочку - плоть отходила вместе с ними; многие куски плоти, как я видел, оставались в сапогах. На ноги накладывали припарки и смазывали их маслом. Утром, когда их снимали - могу ли я когда-нибудь забыть это? - сухожилия и кости обнажались. У нас были хирургические инструменты, но почти в каждом случае под рукой оказывались доктор или штабные хирурги, которые удаляли больную плоть так нежно, как только могли. Что касается пальцев ног, то их невозможно было узнать".

Можно было бы умножить эти жуткие описания, если бы потребовались дополнительные доказательства ужасных страданий, перенесенных как офицерами, так и солдатами в окопах перед Севастополем. Упомяните о знаменитой осаде любого из старых крымских ветеранов, когда они сидят под деревьями на территории госпиталя Челси, и они расскажут вам истории о перенесенных тяготах, которые заставляют с изумлением смотреть на их еще живые тела. И это не просто солдатские байки: старые герои вряд ли смогли бы придумать ужасы большие, чем зафиксировала история. Томительные недели проходили по большей части сидя или лежа в ямах, вырытых в мерзлой земле достаточно глубоко, чтобы укрыть голову от летящих пуль и разрывающихся бомб. Если бедняга решал размять онемевшие и сведенные судорогой ноги, ему с большой вероятностью отрывало голову. Лорд Вулсли и сегодня носит на себе следы того, что он пережил, будучи авантюрным молодым субалтерном в окопах под Севастополем, когда, изрешеченный пулями и с оторванной частью лица, он был положен хирургами на один бок как "мертвец". К счастью, ему удалось доказать, что он еще жив. *Жизнь капитана Хедли Викарса* также свидетельствует о лишениях того времени. Сам он лежал под открытым небом на подстилке из камней и листьев, уступив свою палатку больным.

Холод был настолько сильным, что во время внезапной стычки солдаты часто не могли достать свои курки. Обмороженный солдат, лежавший больным под Балаклавой, при попытке повернуться ночью обнаружил, что его ноги примерзли к ногам другого солдата, лежавшего напротив.

Сотни этих несчастных, изможденных всеми мыслимыми видами страданий, постоянно поступали в уже переполненные госпитали в Скутари. Известно, что за одну ночь умирало до шестидесяти человек, а в течение двух месяцев смертность составляла 60 процентов.

Флоренс Найтингейл, казалось, была повсюду, и особенно ее глубокие религиозные чувства побуждали ее разговаривать с умирающими и направлять их мысли к небу. Она была ангелом-служителем как для души, так и для тела. К ее уху часто обращались с последней весточкой домой, ей доверяли деньги, часы или заветный сувенир, который нужно было отправить жене или возлюбленной. Насколько добросовестно выполнялись эти

предсмертные поручения, несмотря на непосильные обязанности перед живыми, знают семьи по всей стране, у которых близкие спят под кипарисами на берегах Босфора.

По ночам, после обхода хирургов, фигура Главной леди в простом черном платье, белом фартуке и маленьком плотно прилегающем белом чепчике скользила по палатам и коридорам, держа в руке крошечную лампу. При свете этой лампы она видела, где больнее всего, где вот-вот спустится Ангел Смерти, и останавливалась, чтобы разгладить подушку или сказать слово утешения.

Возвышенное мужество Флоренс Найтингейл поразительно проявилось в этих ночных обходах. Тогда, когда в основном царил тишина, а страдальцы стремились ко сну, ухо, скорее всего, было поражено каким-нибудь душераздирающим звуком. Бредовый зов бедного истощенного парня, который все еще воображал себя в окопах перед Севастополем или на залитых кровью хребтах Инкермана, сражаясь за жизнь, задушенный всхлип при мысли о доме, надрывный кашель, стон агонии, предсмертный вздох - вот звуки, которые обрушивались на тишину, когда "дама с лампой" переходила от кровати к кровати. Один такой опыт запомнился бы на всю жизнь, но ночь за ночью, неделя за неделей, месяц за месяцем наша героиня исполняла это печальное и нежное служение страждущим. Лонгфелло отдал свою прекрасную дань уважения даме с лампой в стихах, которые заставляют цитировать, как знакомые:-

Так в этом доме страданий

Леди с лампой я вижу.

Проходит сквозь мерцающий мрак,

И порхает из комнаты в комнату.

И медленно, как в блаженном сне,

Страдалец безмолвный, чтобы поцеловать

Ее тень, падающую

На темнеющие стены.

В анналах Англии, на протяжении долгих лет

В будущем ее речи и песни,

Лучи ее света будут падать

Из порталов прошлого.

Леди с лампой будет стоять

В великой истории страны,

Благородный тип добра,

героической женственности.

В представлении поэта Флоренс Найтингейл была современной Санта-Филоменой, прекрасной святой, изображенной Сабателли, спускающейся с небес в сопровождении ангелов, чтобы служить больным и искалеченным.

ГЛАВА XV

СВОЕВРЕМЕННАЯ ПОМОЩЬ

Щедрые подарки для солдат - фонд *Times* - комиссар *Times* посещает Скутари - его описание мисс Найтингейл - прибытие М. Сойера, знаменитого *шеф-повара* - его описание мисс Найтингейл.

Это истинная филантропия, которая не закапывает свое золото в показной благотворительности, а строит свою больницу в человеческом сердце" - Г. Д. Харли.

Личные усилия мисс Найтингейл для больных и раненых солдат были благородно и очень щедро поддержаны сочувствующих на родине. Дамы постоянно прибывали в Адмиралтейство в каретах, заваленных огромными коробками и сундуками с надписью "Мисс Найтингейл", и в Скутари прибывали такие большие грузы, что, как говорили в то время, чиновники могли предположить, что индийская почта была высажена по ошибке.

Королева в своем дворце, при поддержке юных принцесс, как и женщины всех степеней по всей стране, делала для бедных солдат катышки и бинты, шила рубашки и вязала носки. Ничто не считалось слишком хорошим для страдающих героев. Сестра Мария Алоизия рассказывает, что когда она впервые начала сортировать вещи в сараях в Скутари, то подумала, что "английская знать, должно быть, опустошила свои гардеробы и льняные склады, чтобы отправить бинты для раненых. Там было самое красивое нижнее белье и тончайшие батистовые простыни, по которым то тут, то там проводили ножницами, чтобы они не использовались ни для каких других целей, некоторые из них были из дворца королевы, с прекрасно выполненным королевским вензелем". Среди этих деликатных вещей крысы прекрасно проводили время, а на шерстяных вещах они устраивали роскошные пиры, пока сестры не успевали рассортировать и раздать их из временного пристанища в сараях возле больниц.

Пока частная благотворительность отправляла свои беспорядочные тюки с товарами, газета "*Таймс*", которой принадлежит честь первой пробудить интерес общественности к страдающим солдатам, организовала фонд помощи раненым, который получил самую щедрую поддержку. Журнал взялся распределить средства фонда, для чего назначил мистера Макдональда, человека с прекрасным характером и наделенного здравым смыслом, отправиться на Восток и на месте выяснить, как лучше всего применить деньги для помощи бедствующей армии.

Прежде чем отправиться в путь, мистер Макдональд обратился к военному министру герцогу Ньюкаслу, а также к генеральному инспектору доктору Эндрю Смиту, и оба заверили его, что правительство приняло такие широкие меры, что фонд "*Таймс*" действительно едва ли нужен для помощи больным и раненым. Тем не менее, мистер Макдональд продолжил свой путь, так как был по крайней мере один человек, связанный с военным министерством - Сидни Герберт, который знал из писем Флоренс Найтингейл, каково истинное положение дел.

Когда комиссар *"Таймс"* достиг Босфора, на его миссию снова вылили ушат холодной воды. Официальные лица дружно смеялись над тем, что он "привез угли в Ньюкасл". Однако мистер Макдональд обнаружил, что бойцы 39-го полка, направлявшиеся к месту военных действий, собирались встретить суровую крымскую зиму в окопах перед Севастополем в легкой и воздушной одежде, которую они носили в Гибралтаре, и он избавился от части своего золота *"Таймс"*, отправившись на константинопольские рынки и закупив для бойцов фланелевые костюмы.

Когда мистер Макдональд добрался до госпиталей в Скуtare - тех самых, от недостатка и антисанитарии которых сердце страны сжалось до глубины души, - он, должно быть, был ошеломлен, когда доктор Мензис, главный врач, в ответ на его предложение о помощи сказал ему, что "ничего не нужно". Казалось, что чиновники объединились, чтобы отрицать существование нужд, которые правительство должно было удовлетворить. В более высоком квартале, рассказывает Кинглейк, комиссару *"Таймс"* было сделано удивительное предложение, что, поскольку фонд совершенно не нужен, он может избавиться от него, построив епископальную церковь в Пера!

Однако был один человек, которому мистер Макдональд еще не предлагал свои денежные мешки, и он немедленно отправился в госпиталь барака, добился беседы с леди-главнокомандующим и рассказал о своих переживаниях.

"Помощь не нужна! Солдаты обеспечены всем необходимым! Предложенные деньги отброшены назад на дарителей!" Флоренс Найтингейл, должно быть, испустила долгий вздох, услышав это. Она увела превосходного мистера Макдональда с его лишними деньгами в свой кабинет в Башне медсестер, где он мог воочию убедиться, какие ежедневные требования предъявляют к ее личным складам больные и раненые солдаты и как невозможно, несмотря на щедрые подарки, уже полученные от благотворителей на родине, удовлетворить все потребности.

Леди-главнокомандующая могла рассказать о том, что люди прибывают сотнями без единого клочка приличной одежды на спине, о нехватке больничной мебели, кроватей, подушек, простыней и санитарных приборов, даже лекарств, не говоря уже о материалах для недействительной пищи. Еще до окончания повествования мистер Макдональд, должно быть, пришел к выводу, что церковь в Пера пока не будет построена.

Теперь все дни алмонера *"Таймс"* были заняты осмотром палат под руководством главной леди, а многие часы каждого дня проводились в ее кабинете в Башне медсестер, где он записывал в блокнот вещи, которые срочно требовались, и отправлял заказы константинопольским кладовщикам. Теперь мисс Найтингейл нашла ту помощь, в которой действительно нуждалась. Здесь было английское золото, чтобы пополнять ее запасы по своему усмотрению, и ей больше не приходилось зависеть от беспорядочной благотворительности, которая посылала вышитые батисты, когда хорошая прочная бязь была бы более полезна, или модные кашне для мужчин, которым нужны были рубашки. Накануне своего возвращения в Англию мистер Макдональд писал о леди-главнокомандующей

"Везде, где есть болезнь в ее самой опасной форме и где рука губителя бедственно близка, непременно можно увидеть эту несравненную женщину. Ее благотворное присутствие оказывает благотворное утешительное влияние даже среди борьбы угасающей природы. Она - без преувеличения "ангел-служитель" в этих больницах, и когда ее стройная фигура бесшумно скользит по каждому коридору, лицо каждого бедняги смягчается от благодарности при виде ее. Когда все медицинские работники уходят на ночь, и тишина и

темнота опускаются на эти милы распростертых больных, ее можно увидеть одну, с маленькой лампой в руках, совершающей свой одиночный обход.

"Народный инстинкт не ошибся, когда, когда она отправилась из Англии с миссией милосердия, ее называли героиней; я верю, что она не заслужит более высокого, хотя и более печального звания. Никто из тех, кто наблюдал за ее хрупкой фигурой и нежным здоровьем, не может избежать опасений, что они не выдержат. С сердцем истинной женщины и манерами леди, утонченными и изысканными, превосходящими большинство представителей ее пола, она сочетает удивительное спокойствие суждений с быстротой и решительностью характера.

МИСС НАЙТИНГЕЙЛ И УМИРАЮЩИЙ СОЛДАТ - СЦЕНА В ГОСПИТАЛЕ СКУТАРИ, СВИДЕТЕЛЕМ КОТОРОЙ БЫЛ М. СОЙЕР.

[К лицу с. 176

"До сих пор я не решался говорить о ней так, как она того заслуживает, потому что прекрасно понимал, что никакие мои похвалы не смогут оценить ее достоинства, и в то же время они могли бы смутить ту откровенность, с которой она всегда принимала помощь, оказываемую ей через фонд. Поскольку этот источник снабжения теперь почти исчерпан, и моя миссия приближается к концу, я могу выразить себя с большей свободой по этому вопросу, и я уверенно утверждаю, что если бы не мисс Найтингейл народ Англии вряд ли, при всей своей заботе, был бы избавлен от дополнительной боли знать, что они должны были сделать рано или поздно, что их солдаты, даже в больнице, нашли скудное убежище и облегчение от непреодолимых бед, с которыми эта война до сих пор были сопровождаемы."

После отъезда мистера Макдональда мисс Найтингейл получила еще одного радужного и интересного посетителя в лице М. Сойера, эксперта по кулинарии и кулинарным вопросам в целом, который предложил свои услуги в госпиталях. Начало "кампании" М. Сойера было положено в феврале 1855 года следующим письмом редактору газеты "Таймс

"Сэр...

"Внимательно ознакомившись с письмом вашего корреспондента, датированным Скутари, в вашем оттиске от прошлой среды, я понял, что, хотя кухня под руководством мисс Найтингейл приносит много облегчения, система управления большой кухней в госпитале Барака далека от совершенства. Я предлагаю безвозмездно предложить свои услуги и отправиться в Скутари за свой личный счет, чтобы регулировать работу этого важного отделения, если правительство окажет мне доверие и предоставит полную возможность действовать в соответствии с моими знаниями и опытом в таких вопросах.

"Имею честь остаться, сэр,

"Вашим покорным слугой,

"А. Сойер".

Услуги М. Сойера были приняты, и он в положенный срок отплыл на Восток и прибыл в Скутари в апреле. Галантный француз стремился засвидетельствовать свое почтение "мадемуазель Найтингейл" и был рад услышать, что она узнала о его прибытии и будет очень рада его видеть. Как только он добрался до больницы барака, он спросил квартиру мисс Найтингейл, и был немедленно показан в то, что он называет "святилище доброжелательности".

Войдя в комнату, М. Сойер был принят Главной леди, которой, после неизбежной хвалебной речи, он вручил посылки и письма от мистера Стаффорда, который был таким неутомимым помощником мисс Найтингейл прошлой зимой, и других друзей, среди которых было письмо от Гарриет, герцогини Сазерлендской, которая горячо рекомендовала М. Сойера мисс Найтингейл как человека, который может быть полезен в кухонном отделении. Главная леди согласилась сопровождать своего гостя в инспекционной поездке, и М. Сойер так описывает свои впечатления

"По прибытии я в сопровождении мисс Найтингейл и одного из медицинских работников посетил все кладовые, поварни, кухни и провизионные отделы, чтобы получить представление о правилах, нормах и льготах, установленных властями. Вместо отсутствия подходящей кухни, как это представляли некоторые правительственные служащие перед моим отплытием на Восток, я обнаружил достаточно места и пространства, приспособленного для кулинарных целей даже в самых сложных и обширных масштабах.

"Я должен выразить особую благодарность мисс Найтингейл, которая благодаря своему необыкновенному уму и хорошей организации своей кухни обеспечила меня всеми необходимыми материалами для начала работы и тем самым избавила меня по меньшей мере от недельной потери времени, поскольку моя модель кухни прибыла только в прошлую субботу".

Леди-главнокомандующий нашла очень ценного союзника в лице М. Сойера, который с готовностью выполнял ее предложения по реализации различных схем улучшения питания больных, ввел новые печи, топливо и многие другие реформы, о которых она едва ли смела мечтать в первые месяцы своей работы. Военный комендант лорд Уильям Паулет и главные врачи доктора Каммингс, Мензис и Макгрегор полностью одобрили эти новые меры, и мисс Найтингейл получила удовлетворение, увидев, что кулинарные блюда в госпиталях Скутари организованы по образцовому плану.

Во время своего пребывания М. Сойер смог увидеть "ангела-служителя" со стороны леди, чьи прекрасные деловые способности привели его в восхищение, когда он осматривал печи

и котлы, обсуждал рационы и диеты во время обхода кухонь. Он проводил веселый вечер в кают-компании врачей и, направляясь в два часа ночи в свои апартаменты, увидел под углом одного из длинных коридоров, заполненных больными и ранеными, силуэт группы, освещенный слабым светом. Умиравший солдат полулежал на своей кровати, у которой сидела Флоренс Найтингейл и записывала его последние пожелания домой. Сестра стояла у нее за спиной, держа в руках зажженную свечу. Очерченная таким образом группа, подобно мрачному этюду Рембрандта, привлекла внимание М. Сойера, и некоторое время он невидяще наблюдал, как умирающий передает свои часы и безделушки в нежные женские руки фрейлины, и слышал, как тот, задыхаясь, произносит последнее послание жене и детям. Затем, подойдя к мисс Найтингейл, М. Сойер поинтересовался жалобами ее пациента, на что она ответила по-французски, что бедняга был сдан врачами и вряд ли протянет много часов, а она записывает его последние пожелания для родственников. Этот случай позволяет понять, насколько разнообразны были обязанности мисс Найтингейл и как после трудоемких дней она отказывалась от часов необходимого отдыха, чтобы утешить умирающего.

Вскоре после открытия образцовой кухни М. Сойера посетил генерал Вивиан, и пока генерал был там, мисс Найтингейл вошла на кухню, и завязался оживленный разговор о лечении в больнице. В конце беседы, по словам М. Сойера, генерал сказал: "М. Сойер, имя мисс Найтингейл и ваше собственное навсегда останутся в архивах этой памятной войны".

Можно понять восторг переменчивого француза, оказавшегося в столь знатной компании, и простить его небольшое самомнение, ведь он был восторженным поклонником нашей героини и оставил один из лучших ее портретов, сохранившихся до наших дней. "Она довольно высокого роста, - пишет он, - светлого цвета лица и стройная; волосы у нее каштановые и носят очень просто; ее физиономия очень приятна; ее глаза голубоватого оттенка говорят о многом и всегда искрятся умом; рот у нее маленький и хорошо сформированный, а губы действуют в унисон и выдают впечатление ее сердца - одно кажется рефлексом другого. Ее лицо, что касается выражения, очень примечательно, и можно почти предугадать по ее лику, что она собирается сказать: попеременно, при вопросах самого серьезного значения, нежная улыбка проходит лучезарно по ее лику, доказывая тем самым ее ровный нрав; в другое время, когда остроумие или приятность преобладают, героиня теряется в счастливой, добродушной улыбке, которая пронизывает ее лицо, и вы узнаете только очаровательную женщину.

"Ее платье обычно сероватого или черного оттенка; она носит простой белый чепец, а часто и грубый фартук. Одним словом, весь ее облик религиозно прост и безыскусен. В разговоре ни одна представительница прекрасного пола не может быть более приветливой и мягкой, чем мисс Найтингейл. Если отвлечься от ее тяжелых и кавалерийских обязанностей, требующих нервов Геркулеса, а она ими обладает, когда это необходимо, она - Рейчел на сцене как в трагедии, так и в комедии".

ГЛАВА XVI

АНГЕЛ СМЕРТИ

Смерть семи хирургов в Скутари - первый из "группы ангелов", сраженный - смерть мисс Смайт, сестры Уинифред и сестры Мэри Элизабет - трогательные стихи санитары.

Спите, чтобы боль не разбудила,

Ночь, которую не нарушит утро,

Пока радость не овладеет

Ее совершенный покой.

Кристина Россетти.

Мучеником становится не смерть, а причина, - Наполеон.

Всю весну 1855 года болезни продолжали свирепствовать среди солдат в Крыму, не ослабевая, и участились случаи сыпного тифа в его худшей форме. Крепость солдат была настолько подорвана лишениями, через которые они прошли, что они были не в состоянии бороться с болезнью.

Люди с лопатами" не прекращали свой тоскливый труд в Скутари. В госпиталях ежедневно умирали больные, которые занимали места умерших, но сами умирали, не дождавшись рассвета.

Лихорадка поразила и персонал госпиталя. Восемь хирургов лежали в обмороке, и семь из них умерли. Мисс Найтингейл сама ухаживала за доктором Ньютоном и доктором Стратерсом в их последние минуты, что было невыразимым утешением для их друзей. Некоторое время в казарменном госпитале был только один санитар в нормальном состоянии здоровья, чтобы ухаживать за больными, а его услуги требовались в двадцати четырех палатах. Три медсестры также были поражены лихорадкой. В условиях, когда медицинский персонал был ослаблен, а лихорадка угрожала ее собственной группе, обязанности и ответственность фрейлины-главнокомандующего становились все более грозными. Она переносила все нагрузки удивительным образом, и нет ни одного случая, чтобы в течение этой ужасной зимы в Скутари она хоть раз не смогла выполнить свои обязанности. Несгибаемая воля и железные нервы помогли ей преодолеть все трудности, и казалось, что Флоренс Найтингейл прожила очарованную жизнь.

До сих пор она была избавлена от печали видеть кого-то из своей группы, пораженных смертью, но именно тогда, когда сладкое весеннее время поднимает мрак этой зимы ужасных переживаний, вызов пришел к одной из самых любимых ее медсестер, мисс Элизабет Энн Смайт. Она сопровождала мисс Найтингейл в Скутари, была ее личным другом и проходила у нее обучение. Прекрасный характер мисс Смайт и ее способности как медсестры сделали ее очень ценной для ее шефа, который с большим сожалением согласился, чтобы она отправилась из Скутари в больницу в Куллали, где помощь казалась более срочной. Мисс Найтингейл надеялась, что они могли бы продолжать работать бок о бок до конца кампании, но молодая сестра почувствовала призыв отправиться в Куллали, где помощь была необходима.

Вскоре после прибытия она написала своим друзьям письмо в прекрасном настроении и со всеми признаками крепкого здоровья и сказала, как рада, что у нее хватило смелости приехать. Присутствие такой яркой, хорошо подготовленной медсестры стало большим приобретением для персонала больницы, и вскоре она стала любимицей пациентов. Однако через несколько дней она заболела злокачественной лихорадкой. Мы не надеялись, что ее молодость и крепкое телосложение позволят ей противостоять приступу, и в течение восьми дней она находилась между жизнью и смертью, за ней с тревогой наблюдали врачи и медсестры. Затем она мирно уснула и приняла мученический венец.

Она была первой из "группы ангелов", кого постигла смерть, и ее потеря омрачила тех, кто остался, но, как сказала сама мисс Найтингейл, "мученики должны быть в каждом деле".

Похороны любимой молодой сестры состоялись на Пасху под ярким лазурным небом, когда природа украшала эту восточную землю свежим нарядом красоты. Простой гроб, покрытый белым покрывалом, символизирующим юную чистоту той, кто спал под ним, был пронесен по улицам Смирны к английскому месту погребения, путь в две мили, через толпы сочувствующих зрителей. Перед гробом шел отряд из пятидесяти солдат, скорбно маршировавших с перевернутым оружием. Непосредственно перед гробом шли два капеллана, а по обе стороны - сестры и медсестры. Военные и медики следовали за *кортежем*, который проходил по безмолвным улицам, представляя собой трогательное и жалкое зрелище. И христиане, и мусульмане объединились, чтобы отдать дань уважения той, чьи дела милосердия вознесли ее над враждой вероисповеданий.

Первую юную христианскую мученицу

несут к могиле,

И оживленные марты и многолюдные улицы

окутаны мраком.

И люди, ненавидящие крест и имя.

Которыми она гордилась,

все же отдают дань уважения, заслуженную и должную,

Только за ее добрые дела.

Не прошло и нескольких недель, как мисс Найтингейл снова пришлось оплакивать потерю еще одной из своих помощниц. Следующей, кого настигла смерть, стала сестра Уинифред, сестра милосердия, которая вместе с другими монахинями из Ирландии ухаживала за ирландскими солдатами в госпитале в Балаклаве, куда они недавно прибыли из Скутари и Куллали. Всего через несколько дней после прибытия сестра Уинифред заболела холерой, которая вновь вспыхнула в Балаклаве.

Очень трогателен рассказ сестры Марии Алоизии о смерти ее товарища: "Наш третий день в Балаклаве был очень печальным для нас. Одна из наших дорогих сотрудниц, сестра Уинифред, ночью сильно заболела холерой. Она была самой ангельской сестрой, и мы все были глубоко опечалены. Около трех часов утра на нее напали симптомы, которые теперь так хорошо нам известны; применялись все средства; наша любимая преподобная матушка никогда не покидала ее. За ней ухаживал отец Унсворт, от которого она приняла последние

обряды нашей святой религии; и она спокойно скончалась вечером того же дня. Для размещения останков была построена хижина; крысы - а это были такие огромные животные - вызывали такую тревогу, что нам пришлось дежурить всю ночь, чтобы они не тронули ее. Она, первая из нашей маленькой группы (то есть сестер-католичек), была полна жизни и энергии накануне. Нам всем было очень грустно, и мы гадали, кто будет следующим".

Для сестры Уинифред было найдено место для погребения на участке земли между двумя скалами, на холмах Балаклавы, где ее останки могли покоиться без опасений, что их осквернят. Похороны отличались от похорон протестантской сестры в Смирне, но были столь же впечатляющими. Мы можем представить себе печальную кавалькаду, украшенную символами римско-католической веры, поднимающуюся по склону холма к одинокому месту в скалах над Черным морем. Перед гробом шли два священника, распевая молитвы, за ними - монахини в черных одеяниях, а за ними - солдаты, военные и медицинские работники.

Среди траурной группы шла одна высокая, маленькая фигура, одетая просто в черное, и ее присутствие приковывало внимание. Это была Флоренс Найтингейл, пришедшая отдать дань любви и чести сестре, которая, если и разделяла их по вере, была едина с ней в святом труде и делах милосердия.

Память сестры Уинифред была почтена в стихотворении одного из друзей, из которого мы приводим следующие строфы: -

Они положили ее в одинокую могилу на чужом берегу,
Вдали от родного острова, вдали от родной земли.
Они несли ее к ее последнему дому среди грохота оружия,
И гимн, который они пели, казался печально сладостным среди яростных тревог войны.
Они не обращали внимания на грохот пушек и смертоносные выстрелы винтовок,
Но все так же печально шли они вперед, чтобы занять это скромное место;
И там, со многими горячими молитвами и словами любви,
Они оставили ее в ее скромной могиле с простым крестом над ней.

* * * * *

Но далеко от серого монастыря, далеко от ее скромной кельи,
И далеко от мягкого и серебристого звона монастырского колокола,
И далеко от дома, который она так любила, и далеко от родного неба,
Среди грохота пушек на враждебном берегу она легла умирать.

* * * * *

Она шла не за аплодисментами, не за пустой славой;
Пусть те, кому она помогала, не знают ни ее истории, ни ее имени;
Ни почести не ждали ее на пути, ни льстивый голос не приближался;

Ибо она стремилась лишь трудиться и любить, А посреди трудов - умереть.

Не воздвигли трофея в честь ее имени, Не поставили величественного бюста,

Чтобы рассказать незнакомцу, где она покоится, смешавшись с пылью;

Они оставляют ее в скромной могиле под чужим небом,

Где она учила их жить и учила их умирать.

Могиле сестры Уинифред, к несчастью, не суждено было остаться одинокой. Ранней весной 1856 года, чтобы немного опередить последовательность нашего повествования, на холмах Балаклавы под песнопения священников были замечены еще одни похороны. Это было тело сестры Марии Элизабет, которая умерла от лихорадки, подхваченной среди пациентов ее прихода. Наша информантка, сестра Мария Алоизия, так описывает сцену смерти, произошедшую во время шторма, который грозил сорвать крышу с деревянной хижины, где лежала умирающая сестра: "Это была дикая, дикая ночь. Буря и ветер проникали в щели так, что гасили свет, и вызывали множество молитв о том, чтобы смертное ложе не осталось без крыши. Ужасно было стоять рядом с ней на коленях в эти часы ее жизни и слышать торжественные молитвы о мертвых и умирающих, смешивающиеся с воем ветра и скрипом хлипкой деревянной хижины. О, никогда, никогда никто из нас не сможет забыть ту ночь: буря потревожила всех, кроме нее, этого счастливого существа, для которого земные радости и печали закончились, и чей призыв домой не стоил ей ни одной боли, ни одного сожаления".

Сестру Мэри Элизабет похоронили рядом с сестрой Уинифред, и 89-й полк попросил чести нести гроб. Сотни солдат выстроились в три шеренги от госпиталя до хижины, где лежало тело, и процессия разных национальностей и вероисповеданий последовала за телом к его одинокому месту упокоения на скалистом выступе Балаклавских высот.

Позже, когда могилы обеих сестер посетили, оказалось, что на этом одиноком месте растут цветы и вечнозеленые растения, посаженные руками солдат, за которыми они ухаживали. На белом кресте могилы сестры Уинифред была найдена бумажка, на которой были написаны следующие строки: -

Еще зеленеет ива, что растет на горе,

И плачет над могилой ушедшей сестры;

* * * * *

И славен ее жребий указать незнакомцу,

На священные останки святых и блаженных;

Для тех ангелов милосердия, что отважились на любую опасность.

Чтоб принести солдату сладостный уют и покой.

Как выяснилось, эти строки сочинил и поместил здесь один из санитаров сестры Уинифред.

ГЛАВА XVII

ОТПЛЫТИЕ В КРЫМ И ОБСТРЕЛ

На борту *"Роберта Лоу"* - рассказ больного солдата - посещение лагерных госпиталей - вид на Севастополь из окопов - признание и поддержка солдат - авантюрная поездка обратно.

Стены слабели; и быстро и горячо

По ним непрестанно стреляли,

с неослабевающей яростью,

От батареи к батарее;

И громopodobный грохот

Раздавался из каждой раскаленной кильватерной трубы:

И то тут, то там трещащий купол

Был выпущен перед взрывом бомбы.

Байрон.

2 мая 1855 года Флоренс Найтингейл, завершив шестимесячную работу по созданию системы эффективного управления в госпиталях Скутари, отправилась в Балаклаву. Ей очень хотелось посмотреть, как обстоят дела с больными и ранеными на самом очаге войны, и, кроме того, в ее обязанности как суперинтенданта сестринского персонала на Востоке входила инспекция госпиталей в Крыму.

ЛЕДИ ГЕРБЕРТ ЛЕА.

Прежде чем она покинула место своей работы в Скутари, ей пришлось с грустью попрощаться, ведь смерть забрала бы многих храбрецов, прежде чем она вернулась бы на свой прежний пост. Горестные глаза следили за отблеском знакомой лампы, когда она совершала свой последний обход в ночь перед отъездом, а головы патетически поворачивались, чтобы в последний раз взглянуть на ее тень, проходившую по выбеленной стене.

Редко у кого из людей была такая ретроспектива тяжелого опыта и преодоленных трудностей, как у Флоренс Найтингейл, когда она анализировала прошедшие шесть месяцев. Барачный госпиталь, каким она его нашла, переполненный страдающим человечеством в самом ужасающем состоянии отвратительной запущенности, казался отвратительным кошмаром, который едва ли можно было представить в сравнении с порядком, комфортом и чистотой, которые царили теперь.

Флоренс Найтингейл ярким майским утром поднялась на борт доброго судна "*Роберт Лоу*" и отправилась в Крым с благодарностью к Дарителю всех благ за то, что ей было позволено совершить эту великую работу. Ее сопровождал штат медсестер и ее друг мистер Брейсбридж, а также М. Сойер, знаменитый *повар*, который собирался реформировать кулинарное дело на "фронте", и ее мальчик Томас, молодой барабанщик, который оставил свои "инструменты и палочки", как он их называл, чтобы посвятить себя леди-главнокомандующей. Ни у одного генерала на поле не было более преданного адъютанта, чем у Флоренс Найтингейл в лице Томаса. Он был двенадцатилетним мальчишкой, полным жизни, веселья и активности, с забавной важностью, но его преданность была такова, что он был бы изрублен на куски, прежде чем приблизился бы к своей любимой госпоже.

Короткое путешествие проходило в прекрасную погоду, когда весенний воздух благоухал свежестью и ароматом, а голубые воды Босфора почти не шевелились. Мисс Найтингейл очень понравилось находиться на палубе, когда судно проплывало мимо одних из самых красивых мест в этой восточной стране. Вот показались мечети и минареты Константинополя, окутанные, как казалось, золотистой дымкой, затем был пройден Золотой Рог, и европейские и азиатские берега открылись взору в виде восточной красоты. Живописные каики проплывали по водам, словно волшебные корабли, и мисс Найтингейл посчастливилось увидеть, как великолепная флотилия султана, состоящая из больших каиков, блестяще украшенных позолотой и богатыми шелковыми подвесками, и управляемая нарядно одетыми гребцами, отчалила от мраморной лестницы дворца Долмабатчке, чтобы доставить султана и его свиту в мечеть султана Магомета, поскольку это была пятница, турецкое воскресенье. Пятьдесят пушек возвестили об отплытии морской процессии. Затем миновали Куллали, и путешественники с грустью подумали о молодой сестре, которая недавно умерла там на своем посту в больнице. Судно шло дальше, мимо Сладких вод Азии, где турки устраивают высокие праздники, и курортов Ферапии и Бююкдере, пока наконец ослепительное восточное побережье почти не скрылось из виду, когда корабль вошел в Черное море.

Однако восхищение мисс Найтингейл видами и сценами, через которые она проходила, не лишило ее внимания к своим товарищам по путешествию. На борту было шестьсот солдат, множество офицеров и правительственных чиновников. На второй день плавания, в воскресенье, мисс Найтингейл в сопровождении капитана посетила нижнюю палубу, пообщалась с солдатами и, узнав, что на борту есть инвалиды, попросила их осмотреть.

Переходя от страдальца к страдальцу, она в конце концов подошла к больному лихорадкой, который отказывался принимать лекарство.

"Почему вы не принимаете лекарство?" - спросила мисс Найтингейл.

"Потому что однажды я принял немного, - ответил мужчина, - и мне стало плохо, и с тех пор я не люблю медицину".

"Но если я дам его вам сама, - с приятной улыбкой сказала Королева медсестер, - вы ведь примете его, не так ли?"

Бедняга пристально посмотрел на нее и ответил: "Ну конечно, мэм, от этого меня точно так же стошнит". Тем не менее, он выпил стаканчик и забыл о предполагаемых последствиях, пока мисс Найтингейл болтала с ним о последнем сражении, в котором он участвовал.

Далекий гул севастопольских пушек возвестил путешественникам, что они приближаются к цели, а на одной из высоких гор виднелся русский пикет, выставивший караул. Через час судно достигло гавани Балаклавы, которая представляла собой удивительное зрелище с многочисленными большими кораблями, стоящими на якоре. Уже распространилась новость о том, что в этот день ожидается прибытие мисс Найтингейл, и палубы судов в гавани были переполнены людьми, жаждущими увидеть ее. Сразу же после того, как *"Роберт Лоу"* встал на якорь, главный врач Балаклавского госпиталя и другие врачи и чиновники поднялись на борт, чтобы приветствовать мисс Найтингейл, и в течение часа она устраивала то, что ее товарищ по путешествию, М. Сойер, нелепо назвал "плавающим гостиним залом". Позже лорд Раглан, главнокомандующий британскими войсками, пришел поприветствовать прославленную героиню, но обнаружил, что она уже высадилась и приступила к осмотру госпиталя.

На следующий день мисс Найтингейл в сопровождении мистера Брейсбриджа, М. Сойера и эскорта других друзей отправилась в лагерь, чтобы ответить на визит лорда Раглана. Она "была одета просто в благородный *amazone*, или верховой одежды," рассказывает М. Сойер, "и был довольно боевой воздух. Она была посажена на очень красивую кобылу золотистого цвета, которая своими повадками и караколовыми движениями, казалось, гордо несла своего благородного подопечного. Погода стояла прекрасная. Наша кавалькада произвела необычайный эффект на пеструю толпу всех народов, собравшихся в Балаклаве, которые были поражены, увидев даму в столь хорошем сопровождении".

Люди, однако, не знали, насколько знаменитой была эта дама, потому что мисс Найтингейл сохраняла инкогнито по пути в лагерь. В то время в Крыму было всего четыре дамы, не считая сестер милосердия, которые никогда не выходили на улицу, поэтому, когда кавалькада подъехала к штабу, было очень любопытно узнать, кто эта дама, и мистеру Брейсбриджу пришлось давать уклончивые ответы на вопросы офицеров.

Поездка Флоренс Найтингейл в лагерь оказалась полным приключений. Дорога была плохой и недостаточно широкой для всего транспорта. Толпы людей разных национальностей вместе с непрерывным потоком мулов, лошадей, волов, артиллерийских повозок, пушек, пехоты и кавалерии пробирались по неровной грязной дороге, водители и офицеры кричали, лошади лягались, иногда повозки переворачивались, и все находилось в состоянии суматохи. Лошадь мисс Найтингейл лягалась и шарахалась в компании с лошадьми ее эскорта, и если бы не хладнокровие и твердая рука, она непременно попала бы в беду. Но навыки верховой езды, приобретенные ею в детстве среди холмов и далей Дербишира, теперь сослужили ей хорошую службу, и поездка прошла благополучно.

Первый привал был сделан в больнице при небольшой греческой церкви в деревне Кадикой. После небольшого осмотра мисс Найтингейл и ее спутники галопом взлетели на вершину высокого холма, с которого открывалась панорама лагеря с мириадами белых палаток, разбросанных по ландшафту. Теперь, действительно, она соприкоснулась с тем великим военным бивуаком, о котором бредили раненые в барачном госпитале в Скутари во время своих лихорадочных скитаний. В воздухе стоял грохот севастопольских пушек, звуки труб, удары барабанов и общий шум военных маневров. Вокруг боевой равнины возвышались суровые высоты Балаклавы с долиной смерти, священной для "благородных шестисот".

Штурмовали их с выстрелами и снарядами,

Смело они скакали и хорошо,

В пасть Смерти,

В пасть ада

Rode the six hundred.

Флоренс Найтингейл долго сидела на своей лошади, глядя вдаль на волнующую сцену, а затем с грустью отвернулась. Она знала, что сотни бедолаг в окопах обречены пополнить ряды убитых и раненых еще до окончания осады Севастополя.

Направляясь в штаб, мисс Найтингейл заглянула в несколько небольших полковых госпиталей. Когда, наконец, были достигнуты окрестности дома лорда Раглана, мистер Брейсбридж, выступая в качестве передового караула, поскакал вперед, чтобы объявить о приближении леди-главнокомандующего, но обнаружил, что главнокомандующий, который не получил уведомления о ее приезде, находится в отъезде. Мисс Найтингейл, оставив благодарственное послание лорду Раглану за его визит накануне, отправилась в Главный госпиталь перед Севастополем.

В этом госпитале находилось несколько сотен больных и раненых, и бедняги были очень рады визиту "доброй леди из Скутари", как они называли мисс Найтингейл. Когда она вышла из хижины к лагерю, где готовили еду, некоторые из мужчин, бывших пациентами госпиталя в бараче, узнали мисс Найтингейл и трижды от души поприветствовали ее, а затем еще трижды по три. Она была очень тронута такой неожиданной демонстрацией, и, будучи верхом на лошади, могла только поклониться мужчинам в знак благодарности. Крики стали настолько громкими, что лошадь мисс Найтингейл заволновалась, и одному из ее друзей пришлось сесть и вести ее за уздечку, пока энтузиазм мужчин не утих.

Теперь партия проследовала через французский и английский лагерь, окружавшие Севастополь. Мисс Найтингейл выразила желание заглянуть в осажденную крепость, и была сформирована колонна, чтобы сопроводить ее в удобное место. Велась ожесточенная стрельба, и когда гости приблизились, часовой с тревогой попросил их сойти, указывая на валяющиеся вокруг снаряды и гильзы и замечая, что группа людей может привлечь противника, который будет стрелять в их сторону. Мисс Найтингейл со смехом согласилась укрыться в каменном редуте, откуда она могла наблюдать за Севастополем в телескоп. С этой площадки она получила отличный обзор обреченного города, смогла разглядеть основные здания и увидеть стрелковую дуэль между союзными армиями и противником.

Мисс Найтингейл была настроена на авантюрный лад и предложила пройти еще дальше в траншеи, вплоть до Трехминометной батареи. Ее друзья - мистер Брейсбридж, доктор

Андерсон и мсье Сойер - благосклонно отнеслись к ее желанию, но часовой был в большом замешательстве.

"Мадам, - сказал он, - если что-нибудь случится, я призываю этих джентльменов в свидетели того, что я не преминул предупредить вас об опасности".

"Мой добрый молодой человек, - ответила мисс Найтингейл, - через мои руки прошло больше мертвых и раненых, чем, я надеюсь, вы увидите на поле боя за всю вашу военную карьеру; поверьте, я не боюсь смерти".

Партия продолжила путь и, прибыв на батарею, получила близкий вид на Севастополь. М. Сойер был в самом переменчивом настроении и рассказывает, что произошел следующий инцидент: "Перед тем как покинуть батарею, я попросил мисс Найтингейл в качестве одолжения подать мне руку, что она и сделала. Затем я попросил ее подняться на каменный вал рядом с деревянным лафетом и, наконец, сесть на центральную мортиру, на что она очень грациозно и любезно согласилась". Нежданно-негаданно заманив мисс Найтингейл в это положение, неумный француз смело воскликнул:

"Господа, посмотрите на эту очаровательную леди, бесстрашно сидящую на этом ужасном орудии войны! Вот героическая дочь Англии - друг солдата!" Все присутствующие закричали: "Браво! Ура! Ура! Да здравствует дочь Англии".

Когда позже лорду Раглану рассказали об этом инциденте, он заметил, что мортиру на батарее следовало бы назвать "соловьиной мортирой".

Находясь на этой возвышенности, героиня была узнана 39-м полком, и бойцы подняли такие звонкие крики, которые разбудили эхо в пещерах Инкермана и испугали русских в Севастополе.

Солнце уже начало опускаться за горизонт, и тени сгущались над окопами и укреплениями осажденного города, когда мисс Найтингейл отправилась в обратный путь. Она и ее отряд, проносясь резвым галопом через лагерь, были застигнуты темнотой на полпути к Балаклаве и, сбившись с дороги, оказались в лагере зуавов, где мужчины пили кофе и пели свою любимую африканскую песню. Они сообщили путникам, что поблизости бродят разбойники и что с наступлением темноты выходить на дорогу опасно. Однако разбойники или нет, но им ничего не оставалось, как спуститься в глубокий овраг, который теперь стоял перед ними. Дорога была настолько крутой и скользкой, что один из джентльменов сел, чтобы повести лошадь мисс Найтингейл за уздечку. Когда они остановились, чтобы напоить лошадей, этот джентльмен получил сильный удар по лицу, резко столкнувшись в темноте с головой лошади мисс Найтингейл. Он скрывал травму, хотя его лицо было залито кровью, а глаза потемнели, пока они не добрались до больницы в Балаклаве, и тогда королева медсестер вернула его доброе внимание, помогая перевязать его раны. Продвигаясь к гавани, она удалилась в свою каюту на судне *Robert Lowe*, и так закончился авантюрный визит Флоренс Найтингейл в лагерные госпитали перед Севастополем.

ГЛАВА XVIII

ПОРАЖЕННАЯ ЛИХОРАДКОЙ

Продолжение посещения госпиталей - внезапная болезнь - помещение в санаторий - визит лорда Раглана - выздоровление - принятие предложения о покупке яхты лорда Уорда - возвращение в Скутари - память о павших героях.

Знайте, как это возвышенно.

Страдать и быть сильным.

Лонгфелло.

Ничуть не обескураженная утомительным путешествием по лагерным госпиталям штаба, о котором говорилось в предыдущей главе, мисс Найтингейл, несмотря на недомогание, на следующее утро отправилась посетить Главный госпиталь в Балаклаве и санаторий. Ее сопровождал вездесущий М. Соьер, который проводил свою кулинарную кампанию в крымских госпиталях, и ее верный мальчик Томас.

Проведя несколько часов за осмотром палат Главного госпиталя, мисс Найтингейл отправилась в санаторий, представляющий собой набор хижин, расположенных на Генуэзских высотах почти в восьмистах футах над морем. Ее сопровождали мистер Брейсбридж, доктор Сазерленд и сержантский караул. Погода была очень жаркой, как обычно бывает в Крыму в мае, и путешествие, последовавшее за усталостью предыдущего дня, оказалось нелегким. На полпути к высотам мисс Найтингейл остановилась, чтобы навестить больного офицера в одном из домиков для врачей, а затем отправилась осматривать санаторий.

Она вернулась в Балаклаву и на следующий день отправилась навестить трех медсестер в санатории, а по пути вверх снова посетила больного офицера в его одинокой хижине. В последующие дни она продолжила осмотр госпиталей в Балаклаве, а также перебралась в свою каюту на *"Лондон"*, поскольку судно *"Роберт Лоу"*, на котором она плыла, было отправлено домой.

Именно на борту *"Лондона"*, когда она занималась делами с одной из своих медсестер, мисс Найтингейл внезапно охватила тревожная болезнь. Врачи объявили, что это самая тяжелая форма крымской лихорадки, и приказали немедленно доставить ее в санаторий. Ее уложили на носилки и под всеобщее оцепенение бережно понесли через Балаклаву и вверх по склону горы солдаты с грустными глазами. Ее личная медсестра, миссис Робертс, посетил ее, друг держал большой белый зонтик, чтобы защитить ее лицо от ослепительного солнца, и бедный Томас, мальчик страницы, который гордо называл себя "человек мисс Соловей", последовал за своей хозяйкой, плача жалобно. Плачущая толпа была так велика, что потребовался целый час, чтобы поднять драгоценную ношу на высоту. Хижина была выбрана возле небольшого ручья, берега которого пестрели весенними цветами, и там в течение следующих нескольких дней Флоренс Найтингейл лежала в самом критическом состоянии, усердно выхаживаемая миссис Робертс и сопровождаемая докторами Хендерсоном и Хэдли.

Всем казалось странным, что мисс Найтингейл, пройдя невредимой через тяжелые труды в Скутари, где она ежедневно сталкивалась с холерой и лихорадкой, должна была поддаться болезни в Балаклаве, но усталость последних дней, проведенных на сильной жаре, во многом объясняла приступ, а некоторые из ее друзей думали, что она подхватила инфекцию во время посещения больного офицера по пути в санаторий.

Тревожные сообщения быстро распространились, и в Балаклаве уже сообщали, что Флоренс Найтингейл умирает. Печальную весть сообщили в казарменном госпитале в Скутари на фоне самых жалких сцен. Больные повернулись лицом к стене и плакали, как дети. В свое время новость достигла Лондона, и передовые статьи в газетах того времени показывают, что общественность восприняла возможную смерть нашей героини как великое национальное бедствие. К счастью, ожидание было недолгим, и вслед за скорбными вестями пришло радостное известие о том, что худшие симптомы прошли, и что, по всей вероятности, драгоценная жизнь будет спасена.

Мисс Найтингейл, в трогательной автобиографии, приписывает свой первый шаг к выздоровлению радости, вызванной получением букета полевых цветов.

В то время, когда мисс Найтингейл лежала в своей хижине на Генуэзских высотах, между союзными войсками и противником происходило несколько очень острых стычек, и поступило сообщение, что русские, вероятно, собираются атаковать Балаклаву со стороны Камары. Хижина мисс Найтингейл, ближайшая к этой точке, в случае осуществления такого плана должна была быть атакована первой. Томас, мальчик-паж, стал на страже своей любимой хозяйки и был готов доблестно умереть, защищая ее. Однако было бы несправедливо по отношению к русским войскам утверждать, что они сознательно причинили бы вред хоть одному волоску на голове Флоренс Найтингейл. Ее личность была священна как для друзей, так и для врагов.

Лорд Раглан был глубоко обеспокоен болезнью мисс Найтингейл, и как только он узнал от лечащих врачей, что он может посетить ее, он поехал из штаб-квартиры с этой целью. Миссис Робертс, медсестра, так рассказала М. Соьеру о неожиданном звонке главнокомандующего: - "Это было около пяти часов.

"Было около пяти часов дня, когда он пришел. Мисс Найтингейл дремала после очень беспокойной ночи. В тот день у нас была гроза, и было очень мокро. Я была в своей комнате и шила, когда в дверь постучали двое мужчин верхом на лошадях, закутанные в большие гуттаперчевые плащи и мокрые от дождя. Я вышла, и один из них поинтересовался, в какой хижине живет мисс Найтингейл.

Он говорил так громко, что я сказал: "Гист! Hist! Не делай такого ужасного шума, мой человек", одновременно делая знак обеими руками, чтобы он замолчал. Затем он повторил свой вопрос, но уже не таким громким тоном. Я сказал ему, что это и есть та самая хижина.

"Хорошо", - сказал он, спрыгивая с лошади, и уже вошел внутрь, когда я оттолкнул его, спросив, что он имеет в виду и кто ему нужен.

"Мисс Найтингейл", - ответил он.

"А кто вы, скажите на милость?"

"О, всего лишь солдат", - ответил он, - "но я должен увидеть ее, я проделал долгий путь, меня зовут Раглан, она меня хорошо знает".

ФЛОРЕНС СОЛОВЬЕВА В ДЕТСТВЕ.

(По рисунку ее сестры, леди Верни.)

[Клицус. 208.

Мисс Найтингейл, подслушав его, позвала меня , сказав: "О! Миссис Робертс, это лорд Раглан. Передайте ему, что у меня очень сильная лихорадка, и ему опасно приближаться ко мне".

"Я не боюсь ни лихорадки, ни чего-либо другого", - ответил лорд Раглан.

"И не успел я обернуться, как вошел его светлость. Он взял табурет, сел у изножья кровати и любезно спросил мисс Найтингейл, как она себя чувствует, выражая свою печаль по поводу ее болезни, а также поблагодарив и похвалив ее за то добро, которое она сделала для войск. Он пожелал ей скорейшего выздоровления и выразил надежду, что она сможет продолжать свои благотворительные и неоценимые усилия, столь высоко ценимые всеми, а также им самим.

"Затем он попрощался с мисс Найтингейл и ушел. Когда он уходил, я сказал, что хотел бы "извиниться".

"Нет, нет, вовсе нет, моя дорогая леди, - сказал лорд Раглан, - вы поступили очень правильно, потому что, как я понимаю, мисс Найтингейл еще не получила мое письмо, в котором я сообщал о своем намерении навестить ее сегодня, предварительно поинтересовавшись у доктора, можно ли ее принять".

Мисс Найтингейл пошла на поправку примерно через двенадцать дней после приступа, и врачи настоятельно требовали, чтобы она немедленно отплыла в Англию. Наша героиня упорно отказывалась это сделать, чувствуя , что ее миссия не выполнена, и что она не может покинуть свой пост. Хотя она находилась в состоянии крайней слабости и истощения, ей казалось, что время поможет ей выздороветь, и она решила тем временем вернуться в Скутари с намерением вернуться в Крым, чтобы завершить свою работу.

Для нее был организован причал на "Юре", и мисс Найтингейл была доставлена из санатория на носилках, которые несли восемь солдат в сопровождении доктора Хэдли, миссис Робертс (медсестры), нескольких сестер милосердия и других друзей. Когда процессия достигла "Юры", к четырем углам носилок были прикреплены снасти, и инвалида с помощью шкивов переправили на палубу. Ее бережно отнесли в главную каюту, и можно было надеяться, что теперь она перенесет путешествие в комфорте. К сожалению, на "Юре" стоял неприятный запах, вызванный недавно сошедшими с него лошадьми, и вскоре после поднятия на борт мисс Найтингейл упала в обморок. Паж Томас был отправлен за доктором Хэдли, который, прибыв на место, приказал немедленно перевезти прославленную пациентку на другое судно.

Мисс Найтингейл временно перевезли на корабль *Baraguay a'Hilliers*, пока адмирал не получил распоряжение о другом судне.

Тем временем лорд Уорд, впоследствии граф Дадли и отец нынешнего лорда-лейтенанта Ирландии, который активно участвовал в оказании помощи больным и раненым, с большой тревогой узнал о неудобствах и даже опасности для жизни, которые испытывала мисс Найтингейл, и сразу же предложил ей воспользоваться своей яхтой *New London*, чтобы

доставить ее в Скутари. Лорд Уорд также договорился, что яхта будет в ее полном распоряжении, и на борту не должно быть никого, кроме его врача и тех, кого она решит взять с собой. Мисс Найтингейл с радостью приняла предложение лорда Уорда, и, соответственно, ее доставили на яхту, где она расположилась с большим комфортом и легкостью. Кроме личных сопровождающих мисс Найтингейл сопровождали мистер Брейсбридж и М. Соьер.

Перед отъездом лорд Раглан навестил мисс Найтингейл на борту *"Нового Лондона"*, но она и подумать не могла, что через несколько недель отважный полководец перейдет к подавляющему большинству. Он с большим сочувствием отнесся к ее миссии на Востоке, с вниманием отнесся к ее письмам о реформах в госпиталях, а в своих депешах правительству высоко оценил значение ее работы среди больных солдат. В период выздоровления мисс Найтингейл он посылал частые запросы о ее здоровье.

Тем временем трудности лорда Раглана как главнокомандующего британскими войсками возрастали с каждым днем. 18 июня 1855 года союзные армии должны были предпринять генеральный штурм Севастополя. Лорд Раглан предложил предварить штурм двухчасовой канонадой, чтобы заставить замолчать орудия, установленные противником в течение ночи, но французский командующий Пелисье настаивал на немедленной атаке на рассвете, и лорд Раглан уступил, чтобы не ставить под угрозу союзнические отношения. Результат оказался катастрофическим, закончившись страшным штурмом и отбитием британских войск у Редана. Главнокомандующий глубоко переживал неудачу, и именно для того, чтобы сообщить об этом поражении, он написал свою последнюю депешу правительству 26 июня. 28-го числа он испустил последний вздох, измученный и удрученный гигантской задачей, с которой ему пришлось бороться.

Мисс Найтингейл, в ее собственном ослабленном состоянии, была глубоко затронута смертью лорда Раглана. Он был человеком обаятельным и доброжелательным, и во всех своих делах был честен. Веллингтон отзывался о нем как о "человеке, который не скажет ни слова лжи, чтобы спасти свою жизнь". Он служил под началом этого великого полководца на протяжении половины своей карьеры и до последнего, когда ему пришлось столкнуться с негативной критикой, гордился тем, что пользовался доверием Веллингтона.

Лорда Раглана обвиняли в том, что он не посещал лагеря на ранних этапах Крымской войны и не выяснял состояние своих солдат, благодаря чему можно было бы избежать многих болезней и страданий, но его биографы говорят, что это обвинение, хотя и не было беспочвенным, было преувеличено. Лорд Раглан был грубым и готовым солдатом, не любившим показухи, и поэтому многие его визиты в лагерь проходили почти незамеченными. Импровизированный визит, который он сделал в хижину мисс Найтингейл, о котором уже рассказывалось, был полностью характерен для методов лорда Раглана.

Мисс Найтингейл вернулась в Скутари чуть больше чем через месяц после отъезда в Крым и была принята по приземлении лордом Уильямом Паулетом, комендантом, доктором Каммингом, генеральным инспектором, и доктором Макгрегором, заместителем инспектора. Лорд Стратфорд де Редклифф, посол, предложил ей воспользоваться британским дворцом в Пера, но мисс Найтингейл предпочла воспользоваться домом капеллана, преподобного мистера Сабина, и там она хорошо поправилась под присмотром заботливых друзей.

В эти дни, когда к ней возвращались силы, она часто прогуливалась под деревьями кладбища Скутари, где покоится так много наших храбрецов. Оно расположено на мысе, высоко над морем, и с него открывается прекрасный вид на Босфор. Цветы, посаженные любящими руками, украшали могилы многих ее друзей, ушедших из жизни зимой, а над глубокими ямами, где в безымянной могиле лежали солдаты, зашелестели травы. Во время этих прогулок мисс Найтингейл собирала несколько цветов здесь, пучок трав там, сжимала и сушила их, чтобы сохранить в памяти храбрых мертвецов. В конце концов они стали частью коллекции крымских сувениров, которую она собрала после возвращения домой в Лиа Херст.

Это место захоронения на самом деле было частью древнего кладбища Скутари, самого священного и знаменитого в Османской империи. Путешественники описывали странный эффект от густых массивов кипарисов, которые изгибаются и волнами расходятся на три мили бесчисленных могил, с каждым годом увеличивающихся в размерах. Турки никогда не беспокоят своих мертвых и относятся к месту захоронения с большим почтением, отсюда древний и одновременно современный характер кладбища в Скутари и большая протяженность могил на широком уединенном пространстве. Кипарисы растут так густо, что даже восточное солнце не проникает в их тень. Байрон описал эту сцену следующим образом.

Место тысячи гробниц

Которые сияют внизу, а сверху темно.

Печальный, но живой кипарис мрачен

И не увядает, хотя ветви и листья

Запечатлены вечной печалью".

Согласно поэтической легенде, над гробницами парят мириады странных птиц или бесшумно перелетают из Черного моря в более светлое Мармурское, когда те поворачивают и повторяют свой полет. Известно, что эти птицы никогда не останавливались и не кормились, и никогда не было слышно, чтобы они пели. У них темное оперение, гармонирующее с мрачными кипарисами, над которыми они беспрестанно порхают. Когда на Босфоре начинается шторм, они издают резкие крики агонии. Турки верят, что странные птицы - это осужденные души, которые прожили злую жизнь в этом мире, и им не позволено покоиться в могиле, поэтому в порыве беспокойства они бродят по чужим могилам. Один из самых красивых памятников на огромном кладбище - тот, что обозначает могилу любимого коня султана Махмуда.

Турецкое правительство выделило участок земли, прилегающий к священному кладбищу, для захоронения британских солдат, павших в Крыму. И именно по инициативе мисс Найтингейл там был воздвигнут мемориал павшим героям. Она начала эту затею во время своего пребывания в Скутари, а завершилась она уже после окончания войны. На кладбище покоятся около четырех тысяч британских солдат, а посреди безымянных могил возвышается сверкающая мраморная колонна. Вал поддерживают четыре ангела с поникшими крыльями. На каждой стороне основания выбита надпись на четырех разных языках:.

"ЭТОТ ПАМЯТНИК БЫЛ ВОЗДВИГНУТ
КОРОЛЕВОЙ ВИКТОРИЕЙ
И ЕЕ НАРОДОМ".

ГЛАВА XIX ЗАВЕРШЕНИЕ ВОЙНЫ

Падение Севастополя - Фонд соловьиного госпиталя - Несчастный случай в вагоне -
Последние месяцы в Крыму - "соловьиный крест" - Подарки от королевы Виктории и султана -
Отплытие на родину.

Сколько сейчас осталось тех, чьи стройные ряды
первыми высадились на враждебный берег Евпатории;

Кто победоносно взошел на берега Альмы,
И завоевали первые почести в той могучей войне?

Их лавры были немеркнущими, но не только их,
Кто вынес суровые лишения восточного лагеря.

Корона славы Скутари принадлежит тебе,
О Флоренс Найтингейл, дорогая

Леди с лампой.

Майор А. Сент-Джон Силли.

Осенью 1855 года наступил заключительный акт в великой драме Крымской войны. Утром 8 сентября союзные армии перед Севастополем были готовы к последнему штурму. День рассветал великолепно, и к пяти часам гвардия уже шла к осажденному городу, а войска со всех сторон молча двигались в одном направлении. Наступил решающий момент ; долгое напряжение осады было снято, и каждый человек готовился к бою и смотрел на смерть или славу.

Стихия, казалось, озвучивала ситуацию. Блестящее небо обещало победу, затем внезапно сменилось грозowymi тучами, которые разразились неистовым ураганом, когда батареи открыли огонь по обреченному городу. Земля застонала и задрожала от грохота пушек, а воздух наполнился грохотом мушкетов. Прошел час, а затем раздались первые крики победы. Французские союзники захватили Малахофф, а англичане - Редан, форт, который три месяца назад со страшной резней отразил нападение и привел лорда Раглана к отчаянной смерти. Ожесточенный бой продолжался до ночи, а на рассвете русские отступили, оставив Севастополь в огне.

Утром 9 сентября разнеслась весть о том, что могучая крепость пала и сила врага сломлена. В Лондоне эта новость была встречена всеобщим ликованием. Пушки Тауэра возвестили о победе, каждый арсенал дал салют, а колокола радости звонили от кафедрального собора

до самой скромной деревенской церкви, когда весть об этом разнеслась по всей стране. Долгая ночь войны закончилась, и на пороге стоял мир в белых одеждах.

Вместе с восторженными возгласами, которые раздавались по всей стране в честь победоносных армий, имя Флоренс Найтингейл звучало на каждом шагу. Нация жаждала оказать нашей героине поистине королевский прием, но она не искала ни оаций, ни публичных демонстраций, и ее возвращение домой было недолгим. Война закончилась, но жертвы все еще оставались в больничных палатах и одиноких хижинах, и до тех пор, пока раненые нуждались в ее заботе, Флоренс Найтингейл не покидала свой пост.

Тем временем королева и все слои ее общества стремились доказать благодарность нации благородной женщине, пришедшей на помощь солдатам в их тяжелой нужде. Mr. and Mrs. Sidney Herbert were approached on the matter by Mrs. S. C. Hall as to what form of testimonial would, be most acceptable to Miss Nightingale, and Mrs. Herbert replied:—

"49, Белгрейв-сквер,
Июль, 1855.

"Мадам...

"Есть только одно свидетельство, которое было бы принято мисс Найтингейл.

"Единственным желанием ее сердца давно было основать больницу в Лондоне и работать в ней по собственной системе неоплачиваемого ухода, и я предложил всем, кто просил моего совета в этом вопросе, внести любые суммы, которые они могут счесть нужным дать, или которые они могут быть в состоянии собрать, в банк Messrs. Coutts' Bank, где скоро будет открыт подписной лист для этой цели, который будет называться "Фонд больницы Найтингейл", и сумма подписки будет вручена ей по возвращении домой, что позволит ей осуществить ее цель в отношении реформы системы сестринского дела в Англии".

Был создан комитет, который должен был приступить к осуществлению этого проекта. Его возглавил Его Королевское Высочество покойный герцог Кембриджский, и в него вошли представители всех сословий. Почетными секретарями выступили distinguished мистер Сидни Герберт и мистер С. К. Холл, последний из которых подытожил разнообразие представленных интересов, описав Комитет как "три герцога, девять других дворян, лорд-мэр, два судьи, пять почетных граждан, лучшие морские и военные офицеры, врачи, юристы, лондонские олдермены, сановники церкви, сановники nonconformistских церквей, двадцать членов парламента и несколько выдающихся литераторов". Хотя ни одна из партий штата не была пропущена, ни одна из них не была чрезмерно заметной. Комитет постановил направить деньги, поступившие в Фонд Найтингейл, на основание института для обучения, питания, и защиты медсестер и больничного персонала, как оплачиваемого, так и неоплачиваемого, для которых должен быть предусмотрен дом и пристанище на старости лет. Копия резолюции была направлена мисс Найтингейл в Скутари, и она ответила миссис Герберт в следующем письме:-.

"Поскольку я подвергаюсь риску быть неправильно истолкованным и непонятым, находясь в сфере деятельности, в которой работа является новой, сложной и далекой от многих, кто судит о ней, для меня действительно является неизменной поддержкой такое сочувствие и такая признательность, донесенные до меня в разгар трудов и трудностей, которые практически непреодолимы. Однако я должен добавить, что моя нынешняя работа такова, что я никогда не брошу ее ради любой другой, пока я вижу возможность верить, что то, что я

могу сделать здесь, не завершено. Могу ли я в таком случае просить вас передать Комитету, что я принимаю их предложения, если только я могу сделать это с учетом их понимания этой большой неопределенности относительно того, когда я смогу их осуществить?"

Подарок, действительно, дал Флоренс Найтингейл еще одну задачу, которую она должна была выполнить по возвращении домой, но, как сказал мистер Сидни Герберт: "Мисс Найтингейл рассчитывает на вознаграждение от этой страны, получив новое поле для своих трудов и средства для расширения того добра, которое она уже начала. Невозможно сделать комплимент более дорогой для ее сердца, чем дать ей больше работы".

29 ноября 1855 года в Уиллис-Румс состоялось публичное собрание, посвященное открытию этого плана. На нем председательствовал герцог Кембриджский, а выступали почтенный лорд Лэнсдаун, сэр Джон Пэкингтон (лорд Хэмптон), Монктон-Милнес (лорд Хоутон), лорд Стэнли (граф Дерби), лорд-мэр, маркиз Рипон, преподобный доктор Камминг и доктор Глейг, генерал-капеллан. Все они красноречиво отозвались о работе, проделанной мисс Найтингейл, но самым трогательным моментом встречи стало то, что мистер Сидни Герберт зачитал письмо от друга, который сказал: "Я только что услышал прекрасный рассказ от солдата, описывающего, как приятно было видеть Флоренс. Она говорила с одним и другим, - сказал он, - кивала и улыбалась многим другим, но она не могла сделать это со всеми, вы знаете, потому что мы лежали там сотнями; но мы могли поцеловать ее тень, когда она падала, и снова положить голову на подушку". Эта история принесла фонду Найтингейл 10 000 фунтов стерлингов, и солдат, рассказавший ее от чистого сердца, должен был чувствовать себя гордым человеком.

В течение последующих месяцев во всех главных городах и поселках королевства, а также во всех частях империи, включая Индию и колонию в Китае, проводились публичные собрания в поддержку этой схемы. Никогда, я думаю, работа любого британского подданного не была так почитаема и признана во всех частях наших обширных владений, как работа Флоренс Найтингейл.

В церквях и часовнях разных вероисповеданий во всех частях страны проводились сборы в "фонд", а энтузиастки устраивали концерты и распродажи работ, чтобы помочь подписчикам. Как в мрачную зиму 1854-5 годов все вносили свой вклад в укрепление рук мисс Найтингейл, снабжая ее удобствами и предметами первой необходимости для солдат, так и в радостную зиму 1855-6 годов люди отдавали свое время и деньги, чтобы подарить героине средства для запуска схемы, которая должна была революционизировать методы ухода в гражданских и военных госпиталях, и сделать невозможными страдания и несчастья среди больных солдат, которые были характерны для последней войны.

Не было более восторженных и благодарных сторонников Фонда Найтингейл, чем храбрые "мальчики" из Службы. Офицеры и солдаты почти всех полков и многих судов внесли дневное жалованье.

Книги были открыты главными банкирами по всему королевству, и очень большой подарок в фонд поступил от М. и мадам Голдшмидт (Дженни Линд), которые дали концерт в Эксетер-Холле 11 марта 1856 года, на котором было собрано почти 2 000 фунтов стерлингов. М. и мадам Гольдшмидт оплатили все расходы на концерт, составившие более 500 фунтов стерлингов, а валовую выручку передали в комитет. В знак признания их щедрости М. и мадам Гольдшмидт подарили мраморный бюст королевы Виктории, полученный в результате частной подписки.

Со временем фонд Nightingale достиг 44 000 фунтов стерлингов, и в подтверждение широкого интереса, который он вызвал, можно привести подробный отчет почетных секретарей

Общий отчет о подписке на Фонд Найтингейл

	£	s.	d.
От войск и всех видов вооружений в различных частях света, включая ополчение	8,952	1	7
От офицеров и людей шестидесяти одного корабля флота Ее Величества	758	19	8
От офицеров и служащих службы береговой охраны, тридцать девять станций	155	9	0
Офицерам и служащим верфей Ее Величества в Вулвиче и Пемброке	29	6	4
Из Ост- и Вест-Индии, Австралии, Северной Америки и других британских владений	4,495	15	6
От британских резидентов в зарубежных странах, переданные через соответствующих послов, консулов и т.д.	1,647	16	10
От провинциальных городов и поселков, собранные и переданные местными комитетами	5,683	15	4
Из церковных или приходских сборов в других городах и селах, переданных духовенством и священнослужителями различных конфессий	1,162	4	9
От купцов, банкиров и т.д., связанных с лондонским Сити	3,511	13	6
Перенесено	26,397	2	6
Перенесено	26,397	2	6
Из других общих подписок, не включенных в вышеуказанные главы, состоящих из отдельных сумм от одного пенни до пятисот фунтов	15,697	14	10
Взнос М. и мадам Гольдшмидт, представляющий собой валовую выручку от концерта, данного ими в Эксетер-холле	1,872	6	0
Выручка от продажи "Соловьиного обращения" (литографический оттиск и поэма, изданные по одному шиллингу), полученная от миссис Ф. П. Б. Мартин	53	0	0
Поступления от серии "Двенадцать фотографических видов в интерьере Севастополя", автор Г. Шоу-Лефевр, эск.	18	18	0
Всего	£44,039	1	4

Можно не сомневаться, что фонд достиг бы отметки в 50 000 фунтов стерлингов, которую поставил перед собой Комитет, если бы мисс Найтингейл после возвращения домой сама не закрыла список подписчиков, чтобы привлечь общественное внимание к фонду, собранному для помощи жертвам разрушительного наводнения во Франции в 1857 году. Мисс Найтингейл с большим восхищением наблюдала самоотверженную работу французских дам и сестер среди солдат в Крыму, и была поддержана в своих собственных усилиях сочувствием командиров французских войск, так что ей доставляло особое удовольствие содействовать фонду для помощи нашим бывшим союзникам, когда беда обрушилась на их страну.

Между тем, героиня, чья работа вызвала великий всплеск национальной благодарности, выражением которой стал Фонд Найтингейл, все еще оставалась на Востоке, чтобы завершить свою работу, поскольку, хотя падение Севастополя привело к окончанию войны,

больные и раненые солдаты все еще лежали в госпиталях, а в Крыму находилась оккупационная армия в ожидании завершения мирных переговоров. Никто лучше мисс Найтингейл не знал, какие беды подстерегают солдат в лагере, когда необходимость активных боевых действий перестает их занимать, и теперь она делила свое внимание между уходом за больными и организацией отдыха и обучения для выздоравливающих и солдат в лагере.

Как только ее здоровье достаточно укрепилось после приступа лихорадки, она снова отправилась из Скутари в Крым. Два новых лагерных госпиталя, известные как "Левое крыло" и "Правое крыло", состоящие из бараков, были размещены на высотах над Балаклавой, недалеко от санатория, и мисс Найтингейл создала там штат медсестер и взяла на себя руководство отделением медсестер. Она жила в хижине из трех комнат с медицинским складом, расположенной рядом с санаторием и в удобной близости от новых лагерных госпиталей.

Три римско-католические сестры, работавшие в Скутари, сопровождали мисс Найтингейл в Крым, и в письме из барачного лагеря некоторым сестрам, оставшимся в Скутари, она пишет: "Я очень хочу, чтобы мой "кардинал" (имя, которым называют ценную сестру) был здесь. Все сестры вполне здоровы и веселы, слава Богу! Они привели свою хижину в порядок и с величайшим самоотречением переносят холод и неудобства. В нашей хижине каждую ночь замерзает все, даже чернила".

Сестрам и их начальнику пришлось нелегко на этих балаклавских высотах. Один из них рассказывает, что их хижина была далеко не защищена от непогоды, и, проснувшись однажды утром, они обнаружили, что их засыпало снегом, который обильно падал всю ночь. Утешением для них послужило появление джентльмена на лошади, "который привез княжеский подарок - несколько яиц, завязанных в носовой платок". Благодетелем оказался протестантский капеллан, и сестры отплатили ему за доброту, постирав его галстуки. Но, увы, в доме не оказалось утюга, и сестры, не желая быть побежденными, разгладили газон священника с помощью чайника, наполненного кипятком!

Одна из сестер заболела лихорадкой, и мисс Найтингейл настояла на том, чтобы самой ухаживать за ней. Однажды ночью, присматривая за больной, она увидела крысу на стропилах над головой сестры и, взяв зонтик, сбила ее и убила, не потревожив свою пациентку.

Будучи строгой протестанткой, мисс Найтингейл поддерживала самые теплые отношения с медсестрами-католичками и была глубоко признательна за то, как лояльно они работали под ее началом. Когда преподобная мать, отправившаяся с сестрами в Скутари, вернулась в Англию в плохом состоянии здоровья, мисс Найтингейл послала ей прощальное письмо, в котором сказала: "Вы знаете, что я сделаю все возможное для сестер, которых вы мне оставили. Я буду заботиться о них так, как если бы они были моими собственными детьми. Но это не будет похоже на вас. Я не смею выражать вам, преподобная матушка, хвалу или благодарность, потому что это выглядело бы так, будто я считаю, что вы сделали эту работу не для Бога, а для меня. Вы были гораздо выше меня в соответствии с генеральным начальством по мирским талантам управления и гораздо больше по духовным качествам, которые Бог ценит в начальнике; то, что меня поставили выше вас, было несчастьем, а не моей виной. Что вы сделали для работы, никто никогда не сможет сказать. Я не смею выразить вам никакой другой признательности, кроме своих слез. Но я буду рад, если

епископ Саутварка и доктор Мэннинг [впоследствии кардинал] узнают, что вас здесь ценят так, как вы того заслуживаете, и что благодарность армии - ваша".

Дороги в горном районе Крыма, где находилась мисс Найтингейл, были очень неровными и опасными, и однажды во время поездки в госпитали она попала в аварию. Ее карета была запряжена мулом, и, когда сопровождающий неосторожно наехал на большой камень, она была расстроена. Мисс Найтингейл получила несколько травм, а одна из сопровождавших ее сестер была тяжело ранена.

Чтобы предотвратить повторение подобного несчастного случая, полковник Макмердо подарил мисс Найтингейл специально сконструированную карету для ее использования. По описанию, она "состоит из деревянных брусьев, оббитых снаружи, и корзин. Внутри она обшита чем-то вроде водонепроницаемого холста. На задней части у нее закреплена голова, а по всей длине проходит навес, по бокам которого имеются занавески, закрывающие салон. Переднее водительское сиденье снимается, и получается что-то вроде небольшой опрокинутой повозки со сварной рамой, подвешенной на задней части, на которой можно откинуться, и с хорошей обивкой по бокам. На задних колесах установлены патентованные тормоза, позволяющие мягко спускаться с крутых холмов турецких дорог". Именно эта карета после многих превратностей сохранилась в Леа Херст.

Карета была одним из самых интересных экспонатов в секции медсестер на выставке Викторианской эпохи в Эрлс-Корте. Своим сохранением и доставкой в эту страну она обязана прекрасному М. Сойеру, который накануне своего отъезда из Крыма спас ее из рук татарских евреев. Мисс Найтингейл оставила его, несомненно, считая, что он отслужил свое, и будучи слишком скромной, чтобы представить, что он будет представлять особый интерес для ее соотечественников. М. Сойер, однако, увидел в этом старом потрепанном автомобиле драгоценную реликвию для будущих поколений и, узнав, что на следующий день некоторые евреи собираются приобрести его вместе с множеством обычных телег и упряжи, получил разрешение полковника легкой пехоты Эванса на покупку повозки. После этого он отправил ее в Англию на корабле "Арго". Воспроизведенный набросок был сделан мистером Ланделсом, художником, представлявшим *"Иллюстрированные лондонские новости"* в Крыму. Когда карета прибыла в Саутгемптон на корабле "Арго", она вызвала большой общественный интерес. Мэр взял ее под свою опеку до прибытия М. Сойера, который с огромным удовольствием вернул ее знаменитому владельцу.

После того как мисс Найтингейл получила в подарок это удобное транспортное средство, она удвоила свои усилия по оказанию помощи солдатам, все еще остающимся в Крыму. Зима была суровой, снег лежал толстым слоем, но это не мешало ей постоянно посещать лагерные госпитали. Известно, что она часами стояла на вершине мрачной скалистой горы рядом с госпиталими, давая свои указания, пока шел сильный снегопад. Затем мрачной темной ночью она возвращалась по опасной горной дороге без сопровождения водителя. Друзья умоляли ее избежать такого риска и опасности, но она отвечала улыбкой, которая, казалось, говорила: "Может быть, вы и правы, но я верю". М. Сойер был настолько впечатлен опасностью, которой подвергалась мисс Найтингейл, что обратился, как он рассказывает, "с письмом к одной благородной герцогине, которая, как я знал, имела на нее большое влияние". Боюсь, однако, что ни заботливый М. Сойер, ни "благородная герцогиня" не удержали мисс Найтингейл от следования тому, что она считала путем долга.

В этот период она много занималась продвижением планов по образованию и отдыху выздоравливающих солдат и тех, кто формирует оккупационную армию. Она организовала классы, создала маленькие библиотеки или "хижины для чтения", которые снабжались

книгами и периодическими изданиями, присланными друзьями из дома. Королева Виктория предоставила литературу, а герцогиня Кентская прислала мисс Найтингейл полезный ассортимент книг для мужчин. Все читальни были многочисленными и постоянно посещаемыми, и мисс Найтингейл отметила в своем последующем отчете, что поведение мужчин было "одинаково спокойным и воспитанным".

Лекции и школьные классы были созданы для мужчин, как в Скутари и в Крыму, различных офицеров и капелланов, и в этих мисс Найтингейл принял глубокий интерес и сам был полезен в создании кафе в Инкермане, чтобы служить в качестве контр-привлечения к столовой, где так много пьянства преобладали. Как раньше она заботилась о телесных нуждах мужчин во время болезни, так теперь она старалась содействовать их душевному и нравственному благу, предоставляя им рациональные средства для занятий и развлечений.

С заботливой женской мыслью о женах и матерях дома мисс Найтингейл с самого начала поощряла мужчин поддерживать связь со своими семьями, снабжая госпиталистов канцелярскими принадлежностями, а марки и письменные принадлежности теперь по ее распоряжению поставлялись в дома для выздоравливающих и другие читальные дома. В первые месяцы войны мужчинам разрешалось отправлять любые письма к мисс Найтингейл в казарменный госпиталь, чтобы она поставила на них печать, и многие безрассудные парни, сбежавшие и записавшиеся в армию, под ее мягкими уговорами были вынуждены написать домой и сообщить о себе.

Часто ей самой приходилось писать женам и матерям о смерти их близких, и некоторые из этих писем были опубликованы адресатами в журналах того времени и полны той заботливой практической помощи, которая отличала все усилия леди-главнокомандующей. Она присылала домой маленькие сувениры, возможно, последнюю книгу, которую читал умирающий, рассказывала понесшим утрату женщинам, как подать заявление на получение пособия для вдов, присылала им бумаги для заполнения, а в сомнительных случаях просеивала все до дна, чтобы выяснить, был ли среди убитых такой-то или такой-то человек.

Еще одним предметом заботы мисс Найтингейл было побудить мужчин отправлять свое жалованье домой своим семьям. С этой целью она организовала в Скутари временный пункт выдачи денежных переводов, где четыре раза в месяц после обеда принимала деньги любого солдата, который хотел отправить их домой своей семье. Каждый месяц около 1000 фунтов стерлингов отправлялось домой небольшими суммами по двадцать-тридцать шиллингов, которые по почтовым ордерам, полученным в Англии, отправлялись соответствующим адресатам. "Эти деньги", как говорит мисс Найтингейл, "были буквально спасены от столовой и пьянства".

Следуя ее инициативе, правительство в последние месяцы пребывания армии на Востоке открыло отделения денежных переводов в Константинополе, Скутари, Балаклаве и штаб-квартире в Крыму, и за шесть месяцев, с 30 января по 26 июля 1856 года, солдаты отправили домой не менее 71 000 фунтов стерлингов. "Кто после этого скажет, - пишет мисс Найтингейл, - что солдат должен быть безрассудным, пьяным или беспорядочным?" Но можно добавить, что присутствие мисс Найтингейл в Крыму в течение месяцев, последовавших за победой, когда "Томми" находился в ликующем состоянии духа и был готов безрассудно пить здравицы и каждый день праздновать годовщину падения Севастополя, оказало большое моральное воздействие на солдат.

Мирный договор был подписан в Париже 30 марта 1856 года, а окончательная эвакуация Крыма состоялась 12 июля следующего года, в этот день генерал Кодрингтон официально сдал русским Севастополь и Балаклаву. Только когда все госпитали были закрыты, а

последние остатки британской армии отплывали домой, Флоренс Найтингейл покинула место своих трудов. Перед самым отъездом из Крыма она с удивлением обнаружила, что около пятидесяти или шестидесяти женщин, которые последовали за своими мужьями в Крым без разрешения, но которым было разрешено остаться, потому что они были полезны, фактически остались в Севастополе, когда полки их мужей отплыли. Бедные женщины собрались вокруг хижины мисс Найтингейл в великом бедствии, и ей удалось убедить власти отправить их домой на британском корабле.

Последним действием мисс Найтингейл перед отъездом из Крыма было распоряжение за свой счет установить на сайте памятник погибшим. Он имел форму огромного белого мраморного креста высотой двадцать футов и был установлен на вершине горы возле санатория над Балаклавой и посвящен памяти павших храбрецов и тем сестрам из ее "Ангельской группы", которые спали своим последним сном в той далекой восточной стране. Она распорядилась начертать на нем такие слова,

Господи, помилуй нас.
Gospodi pomilori nass.

Соловьиный крест", как стали называть этот памятник, бросается в глаза мореплавателю, когда он пересекает Черное море, а для британского моряка он должен навсегда остаться объектом, вызывающим рыцарские чувства к благородной женщине, которая таким образом почтила память храбрых мертвецов.

По пути домой из Крыма мисс Найтингейл заехала в Скутари, это место ужасающих воспоминаний, и увидела окончательное закрытие госпиталей. Барачный госпиталь был возвращен турецким властям, но комнаты, которые мисс Найтингейл занимала в южной башне, сохранились в том виде, в каком она их оставила, и оставались такими в течение нескольких лет.

Султан был восхищен трудами мисс Найтингейл и подарил ей великолепный бриллиантовый браслет как прощальный подарок и знак того, что он ценит ее преданность.

Перед отъездом из Крыма мисс Найтингейл получила от королевы Виктории прекрасное украшение, дизайн которого выполнил принц-консорт. Оно представляет собой Георгиевский крест из красной эмали на белом поле, символизирующий Англию. На кресте - буквы V.R., над которыми возвышается корона из бриллиантов. Крест окружает полоса черной эмали, на которой золотыми буквами выбиты слова "Блаженны милостивые". Пальмовые листья, выполненные зеленой эмалью, образуют каркас щита, а на голубой эмалевой ленте, ограничивающей пальмы, золотыми буквами написано "Крым". На обратной стороне драгоценности имеется надпись, сделанная королевой Викторией, в которой говорится, что подарок сделан в память о заслугах Флоренс Найтингейл перед ее "храброй армией". К подарку прилагалось следующее письмо.

"Виндзорский замок,
"Январь 1856 года.

ДРАГОЦЕННОСТЬ СОЛОВЬЯ

"Дорогая мисс Найтингейл, - Вы, я знаю, хорошо осведомлены о том высоком чувстве, которое я питаю к христианской преданности, проявленной Вами во время этой великой и кровопролитной войны, и мне нет нужды повторять Вам, насколько горячо мое восхищение Вашими услугами, которые полностью равны услугам моих дорогих и храбрых солдат, чьи страдания Вы имели *честь* облегчить столь милосердным образом. Однако мне не терпится выразить свои чувства таким образом, который, как я полагаю, будет вам приятен, и поэтому я посылаю вам вместе с этим письмом брошь, форма и эмблемы которой означают вашу великую и благословенную работу, и которую, я надеюсь, вы будете носить как знак высокого одобрения вашего государя!

"Мне будет очень приятно, когда вы вернетесь, наконец, к этим берегам, познакомиться с тем, кто подал столь яркий пример нашему полу. И со всеми молитвами о сохранении Вашего дорогого здоровья, поверьте, я всегда искренне Ваша,

"Виктория Р."

Правительство не забыло официально отметить работу Главной леди, и когда весной 1856 года рассматривался мирный договор, лорд Элсмир отдал следующую красноречивую дань ее заслугам

"Милорды, агония того времени стала достоянием истории. Растительность двух последующих весен заслонила следы Балаклавы и Инкермана. Сильные голоса теперь отвечают на переключку, и крепкие фигуры теперь группируются вокруг цветов. Ряды полны, госпитали пусты. Ангел милосердия до последнего остается на месте своих трудов; но ее миссия практически выполнена. Длинные аркады Скутари, в которых умирающие замирали, чтобы уловить звук ее шагов или трепет ее платья, и откидывались на подушки, довольные тем, что видели ее тень, когда она проходила мимо, теперь сравнительно пустынные. Возможно, она думает о том, как избежать, насколько это возможно, по возвращении демонстрации всенародной оценки поступков и мотивов Флоренс Найтингейл".

Лорд Элсмир правильно угадал желание мисс Найтингейл избежать публичной демонстрации. Она отказалась от предложения правительства доставить ее домой на британском военном корабле и, сев в Скутари на французское судно, отплыла в Марсель. Ночью она проехала через Францию, остановилась в Париже, чтобы навестить своих старых друзей, сестер Святого Винсента де Поля, а затем в сопровождении своей тети, миссис Смит, путешествующей инкогнито под именем "мисс Смит", отправилась в Булонь и отплыла в старую добрую Англию. Сколько воспоминаний на всю жизнь вместили в себя эти двадцать один месяц, прошедшие с тех пор, как она отправилась выполнять свою великую миссию!

ГЛАВА XX

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕРОИНИ

Тайно прибывает в Леа-Херст - объект многочисленных поздравлений и презентаций - принимается королевой Викторией в Балморале - готовит заявление о "добровольных пожертвованиях" - дань лорду Раглану.

Тогда оставьте ее в тишине, которую она выбрала; она требует

Никаких приветствий от наших наглых глоток и вульгарных хлопающих рук.

Оставьте ее в тишине, которую знают святые, которые боролись.

Что нам земные почести? Ее почести - на небесах.

Панч.

Флоренс Найтингейл, под тщательно сохраняемым инкогнито, спокойно прибыла в Уотстэндуэлл, ближайшую станцию к ее дому в Дербишире, 8 августа 1856 года, и сумела проехать неузнанной в Леа Херст. Согласно местной традиции, она вошла в дом через заднюю дверь, а личность тщательно завуалированной дамы в черном была впервые

обнаружена старым семейным дворецким. По Леа и соседним деревням быстро разнеслась весть о том, что "мисс Флоренс вернулась с войны", и добрые люди не преминули бы разжечь костер на Крич Стэнде или на какой-нибудь другой высоте, чтобы засвидетельствовать свою радость, но все демонстрации были пресечены знанием того, что мисс Флоренс хочет хранить молчание.

В течение последующих недель сотни людей из близлежащих городов Дерби, Ноттингема и Манчестера, а также из более отдаленных мест, заполнили дороги, ведущие к Леа-Херст, и стояли группами в парке, надеясь мельком увидеть героиню. "Я помню эти толпы, как будто это было вчера, - говорит пожилая дама, живущая у ворот парка, - у меня уходило все мое время на то, чтобы отвечать им. Люди приезжали в каретах и пешком, среди них были титулованные люди, много солдат, некоторые из них были без рук и ног, которых мисс Флоренс выхаживала в госпитале, и я помню, как один человек, которому прострелили оба глаза, подошел и попросил показать ему мисс Флоренс. Но из сотен пришедших не нашлось и десяти. Если им нужна была помощь по поводу их пенсий, им говорили, чтобы они изложили это в письменном виде, и горничная мисс Флоренс приходила с ответом. Конечно, она была готова помочь всем, но, разумеется, не могла принять всех: парк не вместил бы всех пришедших, и, кроме того, старый сквайр не хотел, чтобы его дочь выставили на всеобщее обозрение".

КАРЕТА, КОТОРОЙ ПОЛЬЗОВАЛАСЬ МИСС НАЙТИНГЕЙЛ В КРЫМУ.

[To face p. 240.

Лондон разделил разочарование Дербишира тем, что ему не разрешили устроить Флоренс Найтингейл публичный прием, но ситуация была осознана гениальным мистером *Панчем* в сочувственных строках, процитированных в заголовке этой главы.

У *Панча* была своя шутка, когда "дорогие соловьи" впервые отправились на помощь солдатам, но день для насмешек прошел; была проделана большая гуманитарная работа, которую гениальный юморист поспешил признать по возвращении героини в карикатуре, изображающей "проект мистера *Панча* для статуи мисс Найтингейл". Она была изображена

в одежде медсестры, со значком "Скутари" на груди и держащей за руку раненого солдата. Ниже была изображена сцена, изображающая доброго самаритянина.

Общественный интерес к мисс Найтингейл проявлялся по-разному. Не только платформы по всей стране звучали ее похвалами, но и ее портрет стал популярной рекламой для торговцев. Я видел сохранившиеся в городской библиотеке Дерби бумажные пакеты, использовавшиеся в магазинах Генри Калверта, бакалейщика, Халма, табачника, и Брайера, торговца провизией в Дерби, украшенные портретами Флоренс Найтингейл. Афиши показывали имя героини, рядом с "Ромео и Джульеттой", песни и музыкальные композиции посвящались "доброму ангелу из Дербишира". Здесь были опубликованы "Соловьиная варшавянка" и "Песня соловья" с полностраничным изображением героини на обложке. Альманахи пестрели ее портретами, а баллады бесчисленными рассказами о ее нежных поступках. Уличные менестрели нашли песню соловушки самым прибыльным произведением в своем репертуаре, и люди, которые до сих пор не были виноваты в стихосложении, были вынуждены удовлетворить жаждущую музу, написав стихи о Флоренс Найтингейл. На улицах распевали и продавали баллады, и вот следующая выдержка из одной, вышедшей из Семи циферблатов: -

Когда сочувствие впервые вошло в твою прекрасную грудь,

Мир должен признать, что это была благородная идея,

Когда через великую опасность вы смело решились,

Утешить страждущих в грозном Крыму.

Ни одна женщина на земле не могла быть более смелой;

Когда смерть и болезни окружали вас,

Вы утешали британских солдат.

Вы успокаивали его горести и залечивали раны.

Перед возвращением на родину заслуги мисс Найтингейл были признаны влиятельным собранием в больнице Святого Георгия под председательством покойного герцога Кембриджского. Виконт Челси постановил, что "мисс Найтингейл должна быть избрана почетным губернатором больницы Святого Георгия в знак уважения, которое испытывают сторонники этой благотворительной организации к ее самоотречению и бескорыстию, а также к ее самоотверженному героизму". Герцог Кембриджский рассказал о том, что он сам видел работу мисс Найтингейл среди больных и раненых солдат во время своего пребывания в Скутари, и сказал, что ее имя одинаково почитают и англичане, и французы, и турки, и русские.

Письма с поздравлениями и выражением почтения от всех видов и слоев населения посыпались на мисс Найтингейл после того, как стало известно, что она поселилась в своем доме в Дербишире, а общественные ассоциации и общества прислали свои депутации. Если бы Флоренс Найтингейл можно было убедить устроить прием, на нем присутствовали бы делегаты от всех представительных органов королевства; но хотя такая национальная оценка ее трудов была очень приятна для нашей героини, ее главным желанием сейчас было избежать публичности, а ее ослабленное здоровье делало спокойствие необходимостью.

Ее особенно порадовало обращение, присланное рабочими из Ньюкасла-на-Тайне, и она ответила на него следующим прекрасным письмом: - "23 августа 1856 года.

"23 августа 1856 года.

"Мои дорогие друзья!

"Хотела бы я иметь возможность рассказать вам о том, что было в моем сердце, когда я получила ваше письмо.

"Ваше приветствие дома, ваше сочувствие тому, что происходило, пока я отсутствовал, тронули меня больше, чем я могу выразить словами. Мои дорогие друзья, то, что глубоко лежит в наших сердцах, возможно, труднее всего выразить словами.

"Она сделала все, что могла". Эти слова я начертал на могиле одного из моих лучших помощников, когда покидал Скутари. В глазах Господа я старался поступать так же, как она.

"Я не буду говорить о награде, когда нам разрешают выполнять работу нашей страны - это то, ради чего мы живем; но я могу сказать, что получать сочувствие от таких любящих сердец, как ваше, - это самая большая поддержка, самое большое удовлетворение, которое я могу получить от человека".

"Я благодарю вас всех, восемнадцать сотен человек, с признательностью и нежностью. И я должен был бы написать вам раньше, если бы дела, которые не закончились после моего возвращения домой, не оказались почти более сложными, чем я могу справиться. Поверьте мне, мои дорогие друзья, ваш верный и благодарный.

"Флоренс Найтингейл".

Рабочие Шеффилда подписались на благодарность мисс Найтингейл и подарили ей футляр со столовыми приборами. На каждом клинке, вместо привычного имени изготовителя, было выбито с надписью "Подарено Флоренс Найтингейл, 1857". Дубовый футляр, в котором хранились столовые приборы, был оправлен в серебро, а его верхняя часть инкрустирована изображением доброго самаритянина и надписью: "Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне".

Другим очень интересным и нежно ценимым подарком стал письменный стол, инкрустированный жемчугом, подаренный мисс Найтингейл ее друзьями из окрестностей ее дома в Дербишире. На передней панели стола была серебряная пластина с надписью: "Подарено Флоренс Найтингейл по ее благополучном прибытии в Леа Херст из Крыма, 8 августа 1856 года, в знак уважения от жителей Леа, Холлоуэя и Крича". Мисс Найтингейл, узнав, что ее друзья и соседи хотят отметить ее возвращение домой подарком, попросила, чтобы это было сделано как можно более конфиденциально; соответственно, небольшая депутация ждала ее в Lea Hurst через несколько недель после ее приезда и подарила стол.

Среди других старых друзей, которых мисс Найтингейл принимала по возвращении домой, был покойный герцог Devonshire, который приехал из Чатсуорта в Леа-Херст и подарил своей уважаемой соседке серебряную сову и другие знаки своего уважения. Герцог сделал подборку объявлений в прессе - в те времена не было агентств по вырезке прессы - о мисс Найтингейл и ее работе и сделал из нее альбом, который Его Светлость в конце концов подарил городской библиотеке Дерби.

В течение этих недель, когда мисс Найтингейл поправляла свое здоровье в Lea Hurst, она время от времени устраивала небольшие приемы своих скромных друзей и соседей, которые наслаждались привилегией увидеть сувениры, которые она привезла из Крыма.

В окрестностях Леа-Херста еще живы несколько стариков, которые вспоминают, с каким благоговением и удивлением они рассматривали пушечные ядра из Севастополя, пули, извлеченные из балаклавских героев, и другие военные предметы из коллекции мисс Флоренс, а также то умиление, которое они испытывали при виде цветов и трав, собранных ею с солдатских могил на кладбищах Скутари и Балаклавы. Затем была "крымская собака мисс Флоренс", большая русская гончая, которая была чудом сельской местности, уступая в интересе только мальчику-барабанщику Томасу, который сопровождал свою леди домой с войны и был очень большой личностью, как "собственный человек мисс Найтингейл". В графическом и захватывающем повествовании о падении Севастополя Томас мог превзойти специального корреспондента *"Таймс"*, и если он неизбежно отсутствовал на при наступлении на Балаклаву, то все подробности этого сражения знал наизусть.

Королева Виктория с самого начала проявляла глубокий интерес к работе мисс Найтингейл и желала лично принять и поблагодарить ее, а юные принцессы с естественным девичьим энтузиазмом стремились увидеть героиню войны. Соответственно, было решено, что мисс Найтингейл должна отправиться в Балморал, где королева и принц-консорт проводили осень. Она прибыла в середине сентября, через месяц после возвращения из Крыма, и была принята королевой с глазу на глаз. Благоприятное впечатление, произведенное мисс Найтингейл на королевский круг, описано в *"Жизни принца-консорта"*. Можно представить себе и эмоции кронпринцессы и принцессы Алисы, чье желание помочь страдающим солдатам разгорелось под влиянием благородной деятельности посетительницы. Общим молодым принцессам суждено было испытать тревогу солдатской жены, чей муж находится на фронте, и обе они пошли по стопам Флоренс Найтингейл, организовав госпитальную работу в Прусской войне 1866 года и во Франко-Германской войне 1870 года, а крошечной принцессе Елене предстояло стать в последующие годы опытной медсестрой и активным лидером сестринского движения в этой стране; и, увы, потерять своего сына-солдата на роковом поле в Южной Африке.

Мисс Найтингейл провела несколько недель в Горных горах в качестве госты в Биркхолле, недалеко от Балморала. Она присутствовала на танцах в замке, сидела вместе с королевской семьей в одном конце зала и, по описанию, выглядела очень изящно и приятно. На ней был красивый кружевной чепец, скрывавший ее короткую прическу: обильные локоны были отрезаны во время приступа крымской лихорадки. По воскресеньям мисс Найтингейл причащалась в старой церкви Крати, и ее милое, бледное лицо было с нежностью встречено деревенскими прихожанами, ведь среди них было много храбрых сыновей Шотландии, чьи боли она успокаивала и чьи умирающие уста благословляли ее.

После отъезда из Хайлендса мисс Найтингейл присоединилась к своей семье для обычного пребывания в Эмбли Парк, ее Хэмпшир дом, где она была принята людьми с многочисленными выражениями поздравления. В Эмбли она находилась в непосредственной близости от Уилтон-Хауса, дома своих друзей, distinguished мистера и миссис Сидни Герберт, с которыми ей предстояло многое обсудить по поводу основания учебного дома для медсестер, которому должен был быть посвящен Фонд Найтингейл. Фонд был народным даром Флоренс Найтингейл, и продолжал с энтузиазмом поддерживаться частными пожертвованиями, от пенни бедных до чеков богатых, и средствами общественных развлечений в течение всей зимы, которая последовала за возвращением героини из Крыма.

В течение нескольких месяцев после своего возвращения мисс Найтингейл, с характерной деловой оперативностью, подготовила четкий и исчерпывающий отчет о "бесплатных подарках", которые были присланы ей для больных и раненых, а в последние месяцы войны - для выздоравливающих солдат. Между строк этого отчета можно прочесть общую неразбериху, характерную для транзита товаров из Лондона к месту военных действий, в результате которой тюки с вещами, присланные доброжелателями, совершали блуждающие экскурсии куда угодно, только не в госпитали Скутари, где они были так срочно нужны, а в некоторых случаях и вовсе возвращались к своим дарителям нераспечатанными. Это объяснялось тем, что с мая 1854 года, когда наша армия впервые расположилась лагерем в Скутари, до марта 1855 года ни в Скутари, ни в Константинополе не было создано ни одного пункта для приема и выдачи товаров. Вследствие этого грузы, прибывавшие на торговых судах, не зафрахтованных правительством, попадали в турецкую таможню, откуда их никогда не извлекали без задержки и путаницы, а многие были уничтожены или потеряны. В случаях с кораблями, зафрахтованными правительством, массы товаров задерживались, как остроумно замечает мисс Найтингейл, "ненужным путешествием в Балаклаву и обратно", прежде чем они достигали ее в Скутари.

В условиях такой неразберихи задача дать подробный отчет о "бесплатных подарках" безнадежно озадачила бы менее ясную голову, чем голова мисс Найтингейл. "Отчет о добровольных пожертвованиях", которые она получила для госпиталей на Востоке, был опубликован в 1857 году, и в нем мисс Найтингейл воспользовалась случаем, чтобы отдать должное преданности и рвению медицинских работников в госпиталях, которые были так затруднены из-за отсутствия надлежащих медицинских принадлежностей и удобств в начале кампании. Она также упоминает о либеральности британского правительства и поддержке, которую она получила от Военного министерства, и признает сочувствие и помощь, полученные от различных генералов и командующих офицеров, как британских, так и французских, и отдает следующую дань уважения своему старому другу лорду Раглану, главнокомандующему: "Мисс Найтингейл не может не вспомнить, с глубокой благодарностью и уважением, письма поддержки и поощрения, которые она получила от покойного лорда Раглана, который неизменно признавал все, что было сделано для блага его людей с глубоким чувством, а также с высокой вежливостью и истинной мужественности его характера. Ни один оттенок мелкой ревности к тем, кому поручалось какое-либо поручение, государственное или частное, связанное с армией под его командованием, никогда не мешал его великодушной доброжелательности".

В этот период, хотя в ослабленном здоровье, мисс Найтингейл была под впечатлением, что она все еще "хорошо для активной службы". Когда вспыхнул индийский мятеж, она написала своей подруге леди Каннинг, жене генерал-губернатора, с предложением отправиться организовывать медперсонал для войск в Индии. Леди Каннинг пишет 14 ноября 1857 года: "Мисс Найтингейл написала мне. Она нездорова и находится в Малверне, но говорит, что приедет за двадцать четыре часа, если я сочту, что ей есть чем заняться по ее "роду деятельности"". Леди Каннинг, однако, не поощряла мисс Найтингейл браться за дело, на которое у нее не было сил, и в то время она не видела целесообразности в создании учреждений по уходу за больными в сельских районах Индии. То, что мисс Найтингейл сделала это предложение, характеризует ее негибкий дух.

ГЛАВА XXI

ДРУГ СОЛДАТА ДОМА

Болезнь - Неустанный труд - Основание школы подготовки соловей в больнице Святого Томаса - Реформа армии - Смерть лорда Герберта из Леа - Палмерстон и Гладстон отдадут дань уважения мисс Найтингейл - Интересные письма - Советы в американской войне и франко-германской войне.

Ее сердце значит добро, ибо никаких щедрот она не примет,

Она готова отдать свою жизнь за бедного солдата,

Она молится за умирающих, она дает мир храбрым,

Она чувствует, что у солдата есть душа, которую нужно спасти.

Раненые любят ее, как видно,

Она - хранительница солдат, они называют ее своей королевой.

Пусть Бог даст ей силы, а ее сердце никогда не подведет!

Один из лучших подарков Небес - мисс Найтингейл.

Баллада о времени.

После возвращения мисс Найтингейл из Крыма ожидалось, что она станет активным лидером движения медсестер, начало которому положил ее блестящий пример. "Мы намерены быть безжалостными к мисс Найтингейл в будущем, - сказал мистер Сидни Герберт, - и следить за тем, чтобы ее способности не дремали. Алмаз проявил себя, и нельзя допустить, чтобы он вернулся в шахту. Мисс Найтингейл должна быть прикована к веслу до конца своих дней. Именно ей предстоит поднять систему ухода за больными на небывалую высоту".

С радостью, действительно, мисс Найтингейл начал бы на великую работу реформы сестринского дела, если бы ее здоровье позволило. Дух был более чем готов, он жаждал начать, но плоть была слаба. Была надежда, что несколько месяцев отдыха восстановят ее здоровье, и она сама сможет организовать институт для подготовки больничных медсестер, для чего она предложила выделить средства из Фонда Найтингейл. К сожалению, со временем стало очевидно, что болезнь, от которой она страдала, усиливается и что она уже никогда не сможет вести прежнюю активную жизнь.

Это был действительно тяжелый крест для сравнительно молодой женщины с умом, полным гуманитарных проектов, и по мере того, как проходили первые годы ожидания, Флоренс Найтингейл глубоко испила чашу жизненных разочарований. Но она встретила ситуацию с благородным смирением. По всей стране находились храбрые парни, которые возвращались с войны искалеченными или с подорванным здоровьем, и солдатская медсестра проявляла героизм солдата на службе своей стране.

Но, несмотря на вынужденное затворничество, ни один день мисс Найтингейл не проходил незанятым. Работа, работа, вечная работа была ее великой панацеей. Большую часть времени она проводила в Лондоне, поскольку ей нравилось быть в гуще событий и легко общаться с родственными духами в большом городе.

Ее больничная палата могла бы сойти за пристройку к военному министерству, настолько она была заполнена схемами реформы армейских госпиталей и сообщениями от всех видов и состояний солдат. Всякий раз, когда у Томми возникали претензии, он писал мисс Найтингейл. Она все еще оставалась его фрейлиной, наделенной в его сознании неограниченной властью и влиянием, и в какой-то степени он не ошибался. Руководство военного министерства настолько глубоко верило в рассудительность и дискриминацию мисс Найтингейл, что любая ее рекомендация пользовалась вниманием. Она могла оказать помощь достойным мужчинам в получении пенсии, а также в обеспечении гражданских профессий для увечных и инвалидов, в то время как она была всегда полезным другом вдов и сирот, и благодаря ее влиянию были получены субсидии из Патриотического фонда для многих нуждающихся солдатских семей. Объем работы такого рода, которую мисс Найтингейл проделала в год, следующий за войной, не поддается исчислению.

Когда в 1854 году ее имя впервые стало достоянием общественности, о мисс Найтингейл ничего не знали, но теперь, когда стало ясно, что она дочь богатого и влиятельного джентльмена, ее завалили письмами с просьбами. Их количество возросло до такой степени, что она была вынуждена публично заявить о своей неспособности отвечать на письма, которые сыпались на нее в газете *The Times*. Однако к чести армии следует сказать, что ни одно письмо с просьбой о деньгах не было отправлено мисс Найтингейл британским солдатом.

В течение первых лет своей болезни мисс Найтингейл все еще надеялась против надежды, что она может быть достаточно восстановить здоровье, чтобы быть в состоянии принять активные шаги для формирования института для медсестер, и в 1859 году это все еще думал Комитет, что она в конечном итоге будет в состоянии управлять Фондом Nightingale, и он согласился держать план в задержке. На тот момент сумма подписки и накопленных процентов составляла 48 000 фунтов стерлингов. После того как прошел еще один год, а ее здоровье не подавало признаков улучшения, мисс Найтингейл заключила соглашение, согласно которому она передала деньги в руки попечителей для подготовки больничных медсестер. Чистый доход фонда составил 1 426 фунтов стерлингов, и для его управления был назначен Совет. Мисс Найтингейл, для которой этот фонд был личным подарком от народа, оставила за собой лишь право давать советы. Руководителем Совета стал почтенный Сидней Герберт, ставший в скором времени лордом Гербертом из Леа.

С одобрения мисс Найтингейл было решено направить две трети дохода на содержание и обучение медсестер в больнице Святого Томаса, а испытуемые должны были пройти службу в государственных больницах и лазаретах. Оставшаяся треть должна была быть потрачена в больнице Королевского колледжа на содержание и обучение акушерских сестер, потребность в которых в то время сильно ощущалась в деревнях Англии.

Движение, начатое Флоренс Найтингейл для систематической подготовки медсестер в больницах, было впервые основано в старой больнице Святого Томаса, расположенной недалеко от Лондонского моста, в 1860 году. Эта больница была одной из старейших в стране, впервые основанная в 1213 году как "альмери" или больница в связи с Приоратом Бермондси. Позже она была передана в пользование беднякам. Во время роспуска монастырей Сент-Томас был передан Генриху VIII. Тогда в ней было сорок коек для бедняков, хозяин, шесть братьев и три сестры-мирянки. Позже он был расширен и открыт как больница для больных бедняков под патронажем молодого короля Эдуарда VI. В период Реставрации она использовалась в качестве военного госпиталя, о чем упоминает Пепис в своем Дневнике. В 1732 году был перестроен, а парадный вход был сделан с Веллингтон-стрит,

Саутварк. Интересно, что в этот период каждая палата госпиталя находилась под присмотром сестры и двух-трех медсестер.

Выбрав больницу Святого Томаса в качестве дома и школы подготовки своих первых медсестер, мисс Найтингейл продолжала традиции больницы, поскольку сестры милосердия были связаны с ней с ранних времен. Кроме того, больница вызывала у нее особые симпатии, поскольку была одним из старейших учреждений в королевстве, где больные бедняки могли получить помощь. Позже больница была перестроена в дворцовом стиле на своем нынешнем месте на набережной Темзы, а Учебный дом Найтингейл стал частью новой больницы.

Тем временем верхний этаж в новом крыле старой больницы Святого Томаса был отведен под жилье для медсестер Найтингейл. Там была отдельная спальня для каждой испытуемой, общая гостиная и две комнаты для сестры-руководителя.

В мае 1860 года было объявлено о наборе кандидатов, и 15 июня были приняты первые пятнадцать испытуемых. Они находились в подчинении у матроны и подчинялись правилам больницы. Им предоставлялся пансион и жилье, они получали жалованье в размере 10 фунтов стерлингов в течение первого года испытательного срока, а также должны были служить помощниками медсестер в палатах и получать наставления от сестер и медицинских работников. По истечении года те, кто сдал экзамен, получали сертификат медсестры и приступали к работе в больнице. Первым суперинтендантом Школы подготовки медсестер была миссис Уордропер.

В течение первого года эксперимента четверо испытуемых были отчислены, а на их место приняты другие. Из тех, кто был внесен в реестр дипломированных медсестер, шестеро получили назначения в больницу Святого Томаса, а двое поступили в лазареты при рабочих домах.

Это был тревожный год для мисс Найтингейл, и многие сердечные молитвы возносились из ее больничной палаты, чтобы работа была успешной, в то время как она ободряла молодых испытуемых дружескими беседами и советами. Совет признал результаты первого года удовлетворительными, и программа продолжала стабильно работать.

Однако очевидно, что в то время девушки Англии не были "помешаны на медсестрах". Эта профессия еще не стала модной. Миссис Гранди все еще качала головой по поводу "молодых женщин", ухаживающих за больными, и опасалась массовых побегов со студентами-медиками. Родители боялись инфекций; привередливые считали, что посещение больных бедняков несовместимо с чувствами леди, и существовала общепринятая идея, что унижительно для положения джентльменки вступать в профессию, приносящую доход.

Мисс Найтингейл стойко и терпеливо боролась с критикой и предрассудками, и то и дело из ее больничной палаты доносились волнующие призывы к молодым женщинам Англии, чтобы они рассматривали уход за больными как самую благородную работу, которой они могли бы посвятить себя. "Мы так часто слышим о праздных руках и неудовлетворенных сердцах, - писала она, - и нигде больше, чем в Англии. По всей Англии раздаются крики о "женской работе" и "женской миссии". Почему же так мало желающих выполнять эту работу?... Доходная работа есть, и в большом количестве. Нужны женщины, способные взяться за нее".

Далее мисс Найтингейл рассказывает о том, как она готовит своих медсестер в больнице Святого Томаса, и хотя это было написано на первом этапе работы, когда она просила рекрутов, это остается основой, на которой работает Школа подготовки медсестер в нынешней роскошной больнице Святого Томаса.

"Мы требуем, - пишет она, - чтобы женщина была трезвой, честной, правдивой, без чего нет фундамента, на котором можно строить".

"Мы прививаем ей привычки пунктуальности, тишины, надежности, личной аккуратности. Мы учим ее управлять делами большой палаты или учреждения. Мы учим ее перевязывать раны и другие повреждения, а также выполнять все те мелкие операции, за которые медсестры берутся днем и ночью.

"Мы учим ее, как управлять беспомощными пациентами в отношении перемещения, переодевания, кормления, температуры и профилактики пролежней.

"Она должна делать и накладывать повязки, шины и тому подобное. Она должна знать, как заправлять кровати, как можно меньше беспокоя их обитателей. Ее учат, как ждать на операциях, и какой помощи требует хирург от ее рук. Ее учат готовить для больных; принципу, по которому больничные палаты должны очищаться, проветриваться и обогреваться; ведению выздоравливающих; наблюдению за больными и искалеченными пациентами, чтобы в перерывах между посещениями давать врачу или хирургу разумный и правдивый отчет о ходе болезни, что гораздо сложнее, чем принято считать.

Мы не стремимся сделать из них "медицинских работников", а просто медсестер, знакомых с *принципами*, которые они должны постоянно применять у постели больного".

"Для будущих заведующих добавляется курс обучения управлению больницей, включая, разумеется, организацию постельного белья и все остальное, что необходимо знать заведующей.

"Есть те, кто считает, что все это у женщин интуитивно, что они рождаются такими, или, по крайней мере, что это приходит к ним без обучения. Таким мы говорим: "Во что бы то ни стало присылайте нам как можно больше таких гениев, потому что мы очень нуждаемся в них".

Пока мисс Найтингейл проводила реформу сестринского дела в стране и пыталась привлечь новобранцев, она также активно помогала достойному Сиднею Герберту в реализации его важных планов по улучшению состояния солдата, работе, которой мистер Герберт посвятил себя самым упорным образом в последние годы своей жизни.

Вплоть до Крымской войны санитарному состоянию солдата совершенно не уделялось внимания. Как правило, он был предоставлен самому себе. Дома, в казармах, его плохо кормили, а во время службы за ним практически не ухаживали. Он постоянно становился жертвой болезней, которые можно было предотвратить, из-за антисанитарии в лагерях, плохого управления и неисправных госпиталей. Лихорадка и дизентерия уносили десятки тысяч жизней. Данные о смертности свидетельствуют о плачевном уровне смертности. Семнадцать из каждой тысячи солдат ежегодно умирали дома по сравнению с восемью из каждой тысячи гражданских лиц. В этот период было подсчитано, что из каждых двух умерших солдат один умирал от причин, которые при должном внимании к своему окружению были бы устранены.

Мисс Найтингейл, вероятно, лучше всех в стране знала из первых рук о тех бедах, которым подвергались солдаты в лагере и госпитале во время активных военных действий, и все

богатство ее опыта и знаний было передано мистеру Сиднею Герберту, когда он начал свою кампанию по реформированию.

Мы уже видели чудесные изменения, которые мисс Найтингейл была способствовать достижению в военных госпиталях на Востоке, и полезную работу, которую она выполнила в последние месяцы в Крыму, обеспечивая полезные занятия и отдых для выздоравливающих солдат и мужчин в лагере, и путем дальнейшего реформы в приготовлении пищи и диеты солдат. Война закончилась, армия вернулась домой, и теперь оставалось позаботиться о том, чтобы жизнь мужчин, взявших в руки оружие ради своей страны, была защищена обычными правилами здравоохранения и санитарии, чтобы они получили образование, чтобы их поощряли жить как уважающих себя граждан империи, за которую они сражались, и чтобы об их женах и детях заботились. Нашей героиней двигали не просто мимолетные эмоции, которые легко разбудить и так же легко успокоить. Флоренс Найтингейл пожертвовала собственным здоровьем, чтобы вылечить болезни, вызванные запущенным состоянием солдат, и теперь обратила внимание на профилактику.

Ужасы Крымской войны заставили Сиднея Герберта сосредоточить свое внимание на реформе армии - вопросе, которым он занимался еще до начала военных действий. Теперь он вернулся к нему с удвоенной энергией. Казармы и госпитали должны быть реорганизованы, солдат должен быть сохранен в здравии, а также поддерживаться в бодрости. Должны быть хорошие санитарные нормы, улучшенная военная кулинария, и солдат должен получать удовольствие от жизни.

Мистеру Сиднею Герберту вместе с другими членами правительства лорда Абердина пришлось вынести свою долю вины за ужасные страдания войск во время Крымской войны, но в свете истории никто не казался менее виноватым, чем он, если вина была, и он искупал ее теперь долгим покаянием в работе на благо солдата. За каждого человека, погибшего в горьких окопах перед Севастополем, умершего в плохо питавшихся лагерях от голода или болезней или прозябавшего в переполненных и пораженных мором госпиталях, Сидни Герберт своими трудами спас жизнь по крайней мере одному британскому солдату.

Он был главной движущей силой Королевской комиссии, которая после возвращения войск из Крыма была назначена для изучения санитарного состояния армии; по его предложению и при его содействии были созданы четыре дополнительные комиссии по вопросам госпиталей и казарм, медицинского департамента армии, медицинской статистики армии и медицинской школы в Чатеме; он же составил свод правил для медицинского департамента армии, который появился в октябре 1859 года.

После возвращения лорда Пальмерстона к власти летом того же года Сидни Герберт вновь занял пост военного секретаря. Теперь он усерднее, чем когда-либо, занимался реформированием армии и продолжением тех планов, от которых был вынужден отказаться с началом военных действий. Благодаря его усилиям было создано ополчение, реконструирована артиллерийская система, объединены индийские и общие войска, а также консолидированы "новые" волонтеры. В Олдершоте он организовал обучение казарменной и госпитальной кулинарии, а вместо своеобразного метода, который требовал, чтобы солдат подгонял ногу к сапогу, построил сапожную фабрику, чтобы обеспечить разнообразие размеров для разных ног, тем самым повышая комфорт и маршевую мощь войск.

Сидней Герберт приступил к непосильной задаче реорганизации Военного министерства, но напряженная работа, к сожалению, вынудила его уйти с активной официальной позиции, и в 1859 году он принял пэрство и вошел в Палату лордов как барон Герберт из Леа.

Лорд Герберт продолжал прилагать усилия для улучшения морального и физического состояния солдата, но его благотворная карьера вскоре оборвалась. К глубокому сожалению всех слоев населения страны, лорд Герберт из Леа умер 2 августа 1861 года в Уилтон-Хаусе, Солсбери. Незадолго до смерти он реформировал Госпитальный корпус, и в тот самый день, когда он умер, состоялось открытие Главного госпиталя в Вулвиче, который был задуман под его покровительством как образец того, каким должен быть военный госпиталь. В итоге он был преобразован в нынешнее великолепное здание, которому королева Виктория по праву присвоила имя "Госпиталь Герберта".

Рядом с его преданной вдовой и детьми не было никого, кто бы так остро ощутил потерю лорда Герберта из Леа, как Флоренс Найтингейл. Его вдохновению и поддержке она во многом обязана успехом своей миссии в восточных госпиталях, а после возвращения она вместе с ним трудилась над улучшением положения солдат. Сколько нация действительно обязана мисс Найтингейл за ее труды в санитарной и образовательной реформы армии в течение лет 1857-60, в котором, хотя заключенный в ее больничной комнате, она работала с лордом Гербертом, не будет известно, пока частные записи того периода будут опубликованы. По просьбе военного министерства она составила исчерпывающий и конфиденциальный отчет о работе медицинского департамента армии в Крыму, который оказал существенную помощь в реорганизации медицинской службы, происходившей в то время.

В статье "Санитарное состояние армии" в *Вестминстерском обозрении* за январь 1859 года лорд Герберт часто цитирует мнения мисс Найтингейл, основанные на ее опыте о недостатках системы ухода за больными в военных госпиталях, и упоминает ее рекомендации по реформе.

Ее услуги и советы были высоко оценены не только лордом Гербертом, но и признаны первыми государственными деятелями того времени. В благодарностях, отданных памяти лорда Герберта после его смерти, имя Флоренс Найтингейл было объединено с его именем в работе по реформированию армии.

На встрече, состоявшейся 28 ноября 1861 года в Willis's Rooms, чтобы рассмотреть вопрос о возведении в Лондоне памятника лорду Герберту из Леа, лорд Пальмерстон, тогдашний премьер-министр, говоря о работе по реформированию армии, проделанной лордом Гербертом при содействии герцога Кембриджского, главнокомандующего, сказал: "В этих почетных мероприятиях участвовали не только двое, но и третий, а мисс Найтингейл, хотя и была добровольцем на службе, действовала со всем рвением добровольца и была большим помощником".

Мистер Гладстон, бывший в то время канцлером казначейства, последовал за ним с аналогичной оценкой. Ссылаясь на вышеприведенные высказывания лорда Пальмерстона, он сказал: "Мой благородный друг, который выдвинул первую резолюцию, обратил внимание на одно имя, которое никогда не должно упоминаться с какой-либо тщательной попыткой восхваления; ибо имя мисс Найтингейл по своей собственной неослабевающей силе становится талисманом для всех ее соотечественников".

Затем мистер Гладстон перешел к подведению итогов работы лорда Герберта, в которой наша героиня оказала столь значительную помощь. "Ему мы обязаны Комиссией по расследованию казарм и госпиталей, ему мы обязаны реорганизацией медицинского департамента армии. Ему мы обязаны Комиссией по расследованию и реорганизации медицинского образования в армии. И, наконец, мы обязаны ему комиссией по

представлению общественности жизненно важных статистических данных армии в такой форме, чтобы время от времени доносить до нее великие и живые факты".

Таким был идеальный рыцарь, галантный джентльмен и реформатор с высокой душой, о потере которого теперь сожалела Флоренс Найтингейл. Из своей больничной палаты она с интересом следила за планами почтить его память. Было предложено установить его статую у здания военного министерства в Пэлл-Мэлл и организовать выставку золотых медалей в связи с армейской медицинской школой в Чатеме, которая была основана под его покровительством. В Солсбери, городе, где имена лорда и леди Герберт были известны как благотворители для больных и страждущих, было проведено общественное собрание, чтобы способствовать фонду для возведения бронзовой статуи лорда Герберта и для поддержки больницы для выздоравливающих в Чармуте в качестве филиала больницы Солсбери, которой он был таким либеральным благотворителем.

Мисс Найтингейл также было приятно осознавать, что реформы, над которыми она трудилась вместе с ним, уже приносят плоды. В это время в Китае (1860-64 гг.) генерал Гордон вел войну против восстания тайпинов. Если в первые семь месяцев Крымской войны смертность среди солдат составляла шестьдесят один человек на сто человек в год, не считая убитых в бою, то в китайской кампании, когда армия была отправлена через половину земного шара в нездоровую страну, смертность, включая раненых, составляла чуть больше трех человек на сто человек в год, а потери убитых в бою - менее шести человек на сто человек в год.

Но теперь ее шеф ушел, оборванный в расцвете сил, на вершине общественной оценки и полезности, и обычно полный надежд дух мисс Найтингейл впал в уныние. Следующее письмо, написанное через четырнадцать месяцев после смерти лорда Герберта, показывает, как сильно она страдала телом и духом. Она пишет: "22 октября 1861 года.

"22 октября 1861 года.

"Дорогой сэ.

"... Отвечая на ваш любезный запрос, скажу, что последние четыре года я провела между четырьмя стенами, выходя в другие четыре стены только раз в год; и я полагаю, что нет никакой перспективы, кроме того, что мое здоровье будет становиться все хуже и хуже до самого часа моего освобождения. Но со времени моего возвращения в Англию пять лет назад я ни на один час не переставал трудиться на благо армии дома, как и за границей, и ни одного часа за это время я не отдал ни дружбе, ни развлечениям, а только работе. Для этой работы смерть моего дорогого начальника, Сиднея Герберта, стала смертельным ударом. Уверяю вас, для меня всегда было поддержкой, когда я находил национальную симпатию к армии и нашим усилиям ради нее - такую симпатию, как вы выражаете".

"Поверьте мне, дорогой сэ,

"Искренне ваша,

"Флоренс Найтингейл".

К счастью, последующие годы принесли некоторое улучшение здоровья, и мрачные предчувствия этого письма не оправдались. Оправившись от потрясения, вызванного смертью лорда Герберта, мисс Найтингейл продолжала делиться своим опытом и советами

по вопросам реформы армии и госпиталей как дома, так и за рубежом. У нее были корреспонденты во всех уголках земного шара, и строители госпиталей и пионеры в области сестринского дела и санитарных реформ черпали из источника ее практических знаний.

Она проявляла глубокий и сочувственный интерес к войне Италии за свободу, поскольку сама родилась на итальянской земле, и чувствовала в себе дух патриота, следя за успехами итальянского оружия в борьбе за независимость и в австро-прусской войне 1866 года.

В ответ на просьбу в 1866 году от кавалера Себастьяно Fenzi, один из комитета по организации системы добровольной помощи в госпиталь департамента итальянской армии, что она приедет во Флоренцию, чтобы дать совет и личное руководство, мисс Найтингейл ответила, давая длинный ряд рекомендаций. Мы цитируем заключение письма из-за его личного интереса:-.

"До сих пор, - пишет мисс Найтингейл, - я давала сухие советы так резко, как только могла. Но вы должны позволить мне сказать, что если есть что-нибудь я мог бы сделать для вас в любое время, и вы будете командовать меня, я буду считать это величайшей честью и удовольствием. Я безнадежный инвалид, полностью заключенный в своей комнате и перегруженный делами. Иначе как бы я с радостью откликнулся на ваш призыв, приехал бы и сделал для вас все, что в моих силах, в дорогом городе, где я родился. Если бы отдача моей жалкой жизни могла ускорить ваш успех хоть на полчаса, с какой радостью я бы отдал ее. Но вы не будете нуждаться ни в успехе, ни в мучениках, ни в добровольцах, ни в солдатах.

"Наш старый генерал, лорд Клайд (он уже умер), стоял в порту Балаклавы, когда одиннадцать лет назад высадились итальянские берсальеры; он обернулся и сказал своему спутнику (человеку, занимавшему высокий пост): "Я хотел бы скрыть свое лицо - я краснею за себя, когда вижу, как прекрасно эти славные войска приведены в порядок". И чего только не сделали итальянцы за эти одиннадцать лет - труд почти одиннадцати веков!

"Я тоже помню итальянские (сардинские) госпитали на высотах Балаклавы и их восхитительное управление; и что же с тех пор, как не прогресс? Я от всего сердца желаю вам божьей удачи, и в этом вы будете верить мне, сэр, вашему вечно верному слуге,

"Флоренция Найтингейл".

"Кавалер Себастьяно Фенци, Флоренция".

Мисс Найтингейл, несомненно, была бы ободрена в своей больничной палате, если бы она могла видеть энтузиазм и эмоции, вызванные в ее родном городе, когда ее письмо было прочитано народу.

Соединенные Штаты, которые сегодня имеют такую эффективную организацию для помощи больным и раненым солдатам, обязаны началом этого движения Флоренс Найтингейл. Когда в 1860 году в Америке началась Гражданская война, ее имя стало талисманом не только для ее соотечественников, но и для англоговорящих людей во всем мире, и к ее примеру обратились женщины Соединенных Штатов, когда их страна была опустошена войной. Вскоре после начала военных действий женщины в ведущих городах Штатов объединились в рабочие отряды, чтобы обеспечить страдающих солдат льном, бинтами и подходящей одеждой. Но когда колоссальные потребности формируемых по всем штатам полков стали очевидны, по просьбе различных медицинских ассоциаций и ассоциаций помощи военным министром была создана специальная санитарная комиссия для работы с больными и

ранеными в госпиталях и лагерях. Сотни женщин добровольно стали медсестрами, и со временем была создана эффективная организация.

МИСС НАЙТИНГЕЙЛ ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ ИЗ КРЫМА.

(Фотография Кина, Дерби.)

[К началу страницы стр. 272.

Наблюдения и советы мисс Найтингейл постоянно выносились на рассмотрение этой комиссии, и ее имя стало почти таким же привычным словом в Штатах, как и на родине. Ее считали большим другом американских солдат и благотельным гением их госпиталей. Если бы мисс Найтингейл была в более крепком состоянии здоровья, есть мало сомнений, что она бы посетила Америку во время этого великого кризиса, чтобы дать личную помощь в начальной работе по созданию армии медсестер.

Примерно в этот же период ее пример принес плоды в виде создания Общества Красного Креста, отделения которого сегодня охватывают весь цивилизованный мир. Честь его создания принадлежит гражданину Женевы Анри Дюнана, который, потрясенный страшной резней и болезнями среди солдат во время итальянской кампании, сумел собрать 26 октября 1863 года в Женеве Международный конгресс, чтобы рассмотреть вопрос о создании нейтрального органа для оказания помощи раненым в бою. Результатом грандиозного плана Анри Дюнана стало распространение работы, начатой Флоренс Найтингейл в Крыму, на весь европейский континент с помощью обществ Красного Креста, которые действуют в тесной связи с правительствами своих стран и совместно с армией.

Начатая таким образом работа быстро распространилась, когда в 1870 году разразилась самая кровопролитная борьба современности, франко-германская война. В этот период к мисс Найтингейл неоднократно обращались за советом, а немецкие власти особо обращались к ней при организации своих медицинских и сестринских корпусов.

ГЛАВА XXII

МУДРОСТЬ ОТ КОРОЛЕВЫ МЕДСЕСТЕР

Литературная деятельность - Заметки о больницах - Заметки о сестринском деле - Советы медсестрам-любителям - Интерес к армии в Индии - Письма об индийских реформах.

Этот благородный пример он подал своим овцам,

Что сначала он делал, а потом учил.

Чосер.

В годы после возвращения из Крыма мисс Найтингейл, в дополнение к важным трудам, описанным в предыдущей главе, была активно занята своим пером. В ее работах затрагивались такие близкие ее сердцу темы, как реформа больниц, уход за больными и санитария в быту. Если солдаты нуждались в гигиенических реформах в казармах и лагерях, то огромная масса людей нуждалась в них и в своих собственных домах. Интерес мисс Найтингейл к реформе армии не поглотил ее внимание, пренебрегая гражданскими вопросами.

Ее труды отличаются не только экспертными и техническими знаниями, но и большой домашней практической мудростью. Во Флоренс Найтингейл нет ничего от "синих чулок". Она отбрасывает формулы, и с нежным человеческим чувством, оживленным остроумными эпиграммами и пикантным юмором, идет прямо к сердцу своей темы, особенно в отношении потребностей и управления больными.

Ее первой опубликованной работой после возвращения на родину стал статистический отчет о распределении "Добровольных пожертвований", предоставленных в ее распоряжение для больных солдат, который уже рассматривался. В следующем году (1858) она опубликовала свои *"Заметки по вопросам, влияющим на здоровье, эффективность и управление госпиталями британской армии"*, которые были очень ценны для заседавшей в то время Комиссии по войне и привели к проведению многих реформ.

В 1859 году мисс Найтингейл опубликовала свои *"Заметки о больницах"*, основой для которых послужил документ, подготовленный ею для Ассоциации социальных наук. "Может показаться странным принципом, - пишет она с мрачным юмором, - провозглашать в качестве самого первого требования к больнице, что она не должна причинять больным никакого вреда. Тем не менее, такой принцип совершенно необходим, поскольку фактическая смертность в больницах, особенно в крупных многолюдных городах, намного выше, чем можно было бы ожидать, исходя из расчета смертности от того же класса заболеваний среди пациентов, получающих лечение *вне* больницы".

Именно знание этого неудовлетворительного факта побудило мисс Найтингейл тщательно исследовать влияние, которое строительство больниц оказывает на уровень смертности пациентов, поступающих в палаты. Результатом стали ее *"Заметки о больницах"*, которые в расширенном издании, опубликованном в 1863 году, стали стандартной работой на эту тему. Она носит технический характер и, помимо рекомендаций по ведению и устройству больниц, содержит планы их строительства. Она охватывает всю область от полов и стен до больничной мебели.

В следующем 1860 году вышла популярная книга *"Заметки о сестринском деле: What it Is, and What it Is Not"*, которая была продана тиражом более ста тысяч экземпляров. В ней мисс Найтингейл дает такие домашние советы, которые могут быть применены на практике каждой девушкой и женщиной в стране. Тема всегда актуальна, и я не могу сделать ничего лучше, чем взять несколько мудрых слов королевы медсестер.

Она объясняет, что *"Заметки"* не являются руководством для медсестер, а просто дают подсказки для размышления женщинам, которые лично отвечают за здоровье других людей, а почти каждая женщина в Англии в то или иное время отвечает за здоровье другого человека. "Каждая женщина - медсестра". Затем она с помощью пикантных высказываний и домашних иллюстраций дает простые правила для медсестры-любительницы. "Нет необходимости обсуждать, - говорит она, - будет ли когда-нибудь заселена вершина Монблана - пройдут тысячи лет, прежде чем мы достигнем подножия Монблана в деле оздоровления Земли". Сестринское дело сводится к приему лекарств и припаркам. Он должен означать правильное использование свежего воздуха, света, тепла, тишины, а также правильный выбор и назначение диеты".

Далее она ссылается на "кошкобратию" образования, когда элементы астрономии преподаются каждой школьнице, в то время как будущие жены и матери не обучаются тем законам, которые Бог определил для отношений наших тел с миром, в который Он их поместил. Бесплезно обвинять в болезнях климат, который мы не можем контролировать. "Что мы можем сделать с восточным ветром?" - спрашивают люди.

"Кто знает, когда дует восточный ветер?" - отвечает мисс Найтингейл. "Не горный скотовод, который, конечно, подвержен восточному ветру, а молодая леди, которая изнемогает от недостатка свежего воздуха, солнечного света. Положите последний в таком же хорошем санитарном состоянии, как и первый, и она тоже не будет знать, когда ветер на востоке."

Мисс Найтингейл группы молодых леди и солдат вместе, как наиболее частые жертвы чахотки, из-за плохой воздух и воздействие холода. "Молодые леди, как и солдаты, выходят на улицу в любую погоду, один на вечеринках, другой на часовом посту; оба входят в дурной воздух, один в бальных залах, другой в караульных помещениях; оба возвращаются домой в сыром ночном воздухе после того, как кожа и легкие угнетены в своих функциях из-за скученности." Она призывает юных леди открывать на ночь окна и занавески и не бояться испортить свой цвет лица. Это было написано, надо помнить, более сорока лет назад, когда девушки боялись свежего воздуха больше, чем сегодня, когда велоспорт, хоккей и гольф приучили их даже к восточным ветрам.

После рассмотрения вопросов гигиены домашнего хозяйства в главах "Вентиляция и отопление" и "Здоровье дома" она переходит к рассмотрению плохих результатов "Мелкого управления", под которым рассматривается отсутствие эстафет медсестер как в учреждениях, так и в частных домах. Усталая, изможденная сиделка - это почти хуже, чем отсутствие сиделки вообще. Медсестре должен быть необходим отдых; тем не менее, пациента нельзя оставлять одного. "Однажды я слышала, как нерадивого чиновника упрекнули, - говорит мисс Найтингейл, - словами: "Пациенты, сэр, не перестанут умирать, пока мы в церкви"".

Тема "Шума" дает мисс Найтингейл повод откровенно высказаться по поводу одежды медсестры-любительницы. Она писала во времена кринолинов, но ее строгие замечания в равной степени относятся и к женщине, которая в наше время запутывает свои длинные юбки в мебели и создает столько же шума и беспорядка в больничной палате, как и медсестра былых времен со своим кринолином. Мисс Найтингейл поддерживает чувства лорда Мельбурна, когда он сказал: "Я бы предпочел, чтобы рядом со мной были мужчины, когда я болен. Я думаю, что нужно обладать очень крепким здоровьем, чтобы терпеть женщин". Именно "суетливость шелка и кринолина, треск накрахмаленных подъюбников, скрип штиблет и туфель" заставили лорда Мельбурна сделать это нелицеприятное замечание.

Мисс Найтингейл советует частной женщине, призванной ухаживать за больными в своей собственной семье, копировать аккуратный, опрятный стиль одежды, принятый у профессиональной медсестры. Ее манера поведения должна быть как можно более неподвижной. "Никогда не жестикулируйте, разговаривая с больными", культивируйте лаконичность и спокойствие, избегайте неуверенных манер.

В главе "Разнообразие" в прекрасном и сочувственном духе рассматривается влияние цвета и разнообразия предметов на больного человека. "В болезни, - пишет она, - влияние красивых предметов, разнообразия предметов, и особенно яркости цвета, почти не оценивается. Такие желания не являются капризами..... Разнообразие форм и яркость цвета в предметах, преподносимых пациентам, являются реальными средствами выздоровления", и она вспоминает свой собственный случай, уже цитировавшийся, когда носовой букет полевых цветов, принесенный в ее хижину на высотах Балаклавы, где она лежала с лихорадкой, казалось, вдохнул в нее новую жизнь. "Форма и цвет", - говорит она, - "освободят вашего пациента от болезненных мыслей лучше, чем любые аргументы". Люди говорят, что дело в воздействии на разум пациента. Это не так; воздействие оказывается и на тело. Хотя разнообразие предметов необходимо, "это должно быть медленное разнообразие; не показывайте пациенту десять или двенадцать гравюр подряд". Одна свежая картина в день, повешенная на стену или принесенная к его постели, будет оценена по достоинству.

Королева медсестер борется с распространенным мнением о том, что срезанные цветы и растущие растения вредны для здоровья в больничной палате, даже ночью. "Углекислый газ, который они выделяют по ночам, - пишет она, - не отравит и мухи. Более того, в переполненных комнатах они действительно поглощают углекислый газ и выделяют кислород. Срезанные цветы также разлагают воду и выделяют газ кислород". Медсестра должна наблюдать, какие цвета наиболее приятны ее пациенту. "Некоторые больные чувствуют возбуждение, глядя на алые цветы, другие - истощение, глядя на темно-синие".

Это напомнило мне об одном случае, который произошел во время поездки настоящего писателя в госпиталь Нетли, когда он был заполнен ранеными с полей сражений в Южной Африке. Выздоровливающие солдаты занимались модным шерстяным рукоделием, и в одну из палат вошла сестра с посылкой шерсти, присланной одной благосклонной дамой. Когда ее открыли, оказалось, что вся шерсть цвета хаки. Мужчины с отвращением отвернулись. "Разве мы не видели достаточно хаки в Южной Африке, сестра?" - воскликнули они. "Почему бы этим добрым дамам не прислать нам яркие цвета, которые вытеснят из нашей головы мысли о хаки". Минутное размышление о том, какие цвета больше всего понравятся бравым парням из Нетли, позволило бы избежать такой глупой ошибки. Мудрые слова мисс Найтингейл, написанные сорок лет назад, еще не устарели.

Далее рассматривается тема "Принятие пищи", и мисс Найтингейл решительно нападает на общепринятые традиции. Распространенной ошибкой является то, что "чай с говядиной - самый питательный из всех продуктов". А теперь попробуйте отварить фунт говядины в говяжьем чае, выпарить говяжий чай и посмотреть, что останется от вашей говядины - едва ли столовая ложка твердого питательного вещества на полпинты воды в говяжьем чае". Тем не менее, мисс Найтингейл признает, что есть определенное репаративное качество в говяжьей чай, как и в обычном чае. Она осуждает этот любимый продукт друзей больных, желе, которое обычно не содержит никаких питательных веществ вообще.

Мисс Найтингейл постоянно называют "другом солдата", и можно добавить, что она прежде всего является другом пациента. "Обращайте внимание, - пишет она, - на разумные желания больных. Пациенты жаждут того, что не заложено в больничном рационе. Часто бывает так, что желудок пациента прав, а книга - нет. Нельзя накормить пациента по книге".

Сколько изможденных инвалидов будут благодарить королеву медсестер за то, что она дала им чашку чая, которую слишком часто осуждают. "Мудрые люди слишком много говорят против чая", - пишет она. Когда видишь естественную и почти всеобщую тягу английских больных к "чаю", невольно возникает ощущение, что природа знает, что делает. Я буду очень рада, если кто-нибудь из злоупотребляющих чаем укажет, что можно дать английскому пациенту после бессонной ночи вместо чая. Почти все английские мужчины и женщины, подвергшиеся сильному переутомлению, например, во время длительных поездок без остановок или сидя в течение нескольких ночей подряд, свидетельствуют, что они лучше всего переносят чашку чая - и ничего больше. Пусть это решает опыт, а не теория, как и все остальное". Какао увеличивает жир, но не имеет восстанавливающей силы, и это "чистая насмешка, чтобы предложить его в качестве замены чая - вы могли бы," добавляет мисс Найтингейл, "с таким же успехом предложить пациентам каштаны вместо чая." Однако она предупреждает, что глупые люди дают больным слишком много чая, и что, как правило, ни чай, ни кофе не следует давать больным после пяти часов.

Замечания по поводу "Кроватей и постельных принадлежностей" сейчас не так актуальны, как в те времена, когда они были написаны во времена зашторенных кроватей на четырех

столбиках и роскошных пуховых перин. Сейчас большинство людей признают превосходство железной кровати с пружинным матрасом. Постельное белье должно быть легким и теплым, и "настоящая медсестра, - говорит мисс Найтингейл, - всегда заправляет кровать своего пациента и не оставляет это на усмотрение горничной". Она рекомендует, чтобы кровать всегда находилась в самом светлом месте комнаты, а пациент мог видеть в окно. "Один модный врач, - пишет она, - говорил, что он отворачивает лица своих пациентов от света. Да, но природа сильнее модных врачей, и, повернитесь, она поворачивает лица назад и к тому свету, который может получить". Наблюдение за больными показывает, что пациенты не поворачиваются лицом к стене.

Мисс Найтингейл, иллюстрируя стремление больных видеть в окно, рассказывает прекрасную историю самопожертвования медсестры. Бедный человек в одной из больниц страдал от несчастного случая с позвоночником и выражал сильное желание хоть раз выглянуть в окно. Медсестра, проникнувшись состраданием к бедняге, подняла его на спину, чтобы он мог еще раз взглянуть на окружающий мир. Его радость была велика, но это усилие стоило медсестре долгой и тяжелой болезни.

Под заголовком "Болтливые надежды и советы" мисс Найтингейл, очевидно, говорит от полноты своего собственного опыта. "Болтливые надежды", - говорит она, - может показаться странным заголовком. Но я действительно считаю, что едва ли найдется большее беспокойство, которое приходится терпеть инвалидам, чем неизлечимые надежды их друзей. Нет такой практики, против которой я могла бы высказаться более решительно, основываясь на реальном опыте, обширном и длительном, о ее последствиях во время болезни, наблюдаемых как на других, так и на себе. Я бы самым серьезным образом призвал всех друзей, посетителей и обслуживающий персонал больных отказаться от этой практики попыток "подбодрить" больных, облегчая их опасность и преувеличивая вероятность их выздоровления..... Дело в том, что больного вовсе не "подбадривают" эти благонамеренные, но очень утомительные друзья". Совет или мнение опытных, конечно, не попадает под голову "болтовня надежды", но это совет "неопытность горький опыт", который мисс Найтингейл осуждает, и которые сводятся к не более чем это, "что вы думаете я буду выздоравливать от чахотки, потому что кто-то знает кого-то, где-то, кто выздоровел от лихорадки." Медсестры должны защищать своих пациентов от посетителей указанного класса.

Наблюдение за больными" - качество, которое необходимо культивировать. "Самый важный практический урок, который можно дать медсестрам, - пишет мисс Найтингейл, - это научить их тому, что наблюдать, а также "как наблюдать" и точно излагать результаты наблюдения. Говорить правду гораздо сложнее, чем принято считать. "Судебные инстанции, похоже, считают, что любой человек может говорить "всю правду и ничего, кроме правды", если он только намеревается это сделать". Для этого нужно обладать многими способностями, в том числе наблюдательностью и памятью. В качестве иллюстрации она приводит небольшой случай. "Я знаю, что ужасно лгу; но поверьте, мисс, я никогда не узнаю, что лгала, пока мне об этом не скажут", - так ей однажды сказали, и это замечание, по ее словам, "имеет более широкое применение, чем большинство людей имеет хотя бы малейшее представление".

Нет необходимости говорить о том, что непреднамеренное "вранье", или, другими словами, отсутствие наблюдательности, из-за которого медсестра неверно информирует врача о пациенте, часто приводит к плачевным результатам. "Я знала, - говорит мисс Найтингейл, - очень умного врача с большой диспансерной и больничной практикой, который неизменно начинал осмотр пациента со слов "Положите свой палец туда, где вам плохо". Этот человек никогда не стал бы тратить свое время на сбор неточной информации от медсестры или пациента". Ничто так не приводит к неточной информации, как задавание "наводящих

вопросов" больным людям. "Как вы спите?" "Как ваш аппетит?" Тактичная и наблюдательная медсестра сможет ответить на такие вопросы лучше, чем сам пациент.

Мисс Найтингейл считает, что англичанки от природы не являются хорошими наблюдательницами, хотя и способны достичь этого путем тренировки. Француженки или ирландки гораздо быстрее соображают. Она приводит маленький домашний пример отсутствия наблюдательности. "Помню, когда я была ребенком, - пишет она, - я услышала историю о несчастном случае, рассказанную некой женщиной, которая послала двух племянниц за "бутылочкой солевого раствора из ее комнаты". Мэри не могла встать, - сказала она, - Фанни побежала и принесла бутылку, которая не была соевым раствором, и ее не было в моей комнате". Если бы Фанни каждый день наблюдала за бутылочкой с соевым раствором в комнате тети, она бы нашла ее, когда она вдруг понадобилась. Эта привычка к невнимательности обычно преследует человека всю жизнь: женщину просят принести большую красную книгу в новом переплете, лежащую на столе у окна, а она приносит пять маленьких старых дощатых коричневых книг, лежащих на полке у камина".

В противоположность этому типу беспечных людей, мисс Найтингейл демонстрирует опытную наблюдательность известной актрисы. "Однажды я была приглашена, - пишет она, - чтобы увидеть великую актрису в роли леди Макбет. Мне это показалось простым переносом на сцену смертного ложа, чему я часто была свидетелем. Так, незадолго до смерти, я видела, как пациент встает с постели и слабо воспроизводит какую-то давнюю сцену, как будто ходит во сне". Актриса сыграла свою роль так хорошо, потому что она действительно наблюдала жизнь.

ПАРФЕНОПА, ЛЕДИ ВЕРНИ.

(С картины, написанной в Клейдоне сэром Уильямом Ричмондом, Р.А.)

"Азбука медсестры, - говорит мисс Найтингейл, - заключается в том, чтобы наблюдать так хорошо, чтобы она могла истолковать каждое изменение, происходящее на лице пациента, не заставляя его говорить то, что он чувствует. Пациент - это не просто предмет мебели, который нужно содержать в чистоте, ставить у стены и беречь от травм и поломок, хотя, судя по тому, что многие медсестры делают и не делают, можно сказать, что так оно и есть". Затем следует предупреждение о том, что все больные не любят, когда за ними наблюдают, и сиделка должна наблюдать, не подавая виду, что делает это. Мисс Найтингейл рассказывает, что лучшим наблюдателем, которого она когда-либо знала, был выдающийся врач по лунатизму. "Он откинулся в кресле, с полужакрытыми глазами, - рассказывает она, - а между тем он все видит, все замечает, и вы чувствуете, что он знает вас лучше, чем многие, кто прожил с вами двадцать лет". Я считаю, что именно эта необычная способность наблюдать и понимать, что подразумевает наблюдаемая внешность, и дает ему его необыкновенное влияние на сумасшедших".

В заключительной главе мисс Найтингейл упоминает об опасности "безрассудного физикализации любительниц" и рассказывает о даме, которая, получив рецепт на синюю таблетку, которая подошла ей во время одного недомогания, продолжила дозировать не только себя, но и свою семью, "для всех жалоб на все случаи жизни". А еще есть женщины, у которых нет никаких идей, кроме каломели и аперитивов, и леди Баунтифулс, которые пичкают своих бедных соседей любимыми рецептами, в то время как они могли бы принести больше пользы, если бы убедили людей "убрать навозную горку перед дверью, поставить открывающееся окно или вентилятор Арнотта, или очистить и вымыть известью свои коттеджи".

Она хочет сказать несколько последних слов о профессии медсестры и с юмором осуждает "общепринятую среди мужчин и даже среди самих женщин идею о том, что для превращения женщины в хорошую медсестру не требуется ничего, кроме разочарования в любви, отсутствия объекта, общего отвращения или неспособности к другим вещам". "Это напоминает приход, где глупого старика назначили школьным учителем, потому что он "не умел держать свиней"".

Мисс Найтингейл подводит итог, излагая конденсированную мудрость по вопросу о том, подходят ли женщины для медицинских и других профессий. Она призывает их держаться подальше от "жаргона", который побуждает женщину, с одной стороны, делать вещи, чтобы просто подражать мужчинам, а с другой - воздерживаться от того, что она может сделать только потому, что до сих пор это считалось мужской работой. "Конечно, женщина, - пишет она, - должна привнести в дело Божьего мира все лучшее, что у нее есть, *что бы это ни было*, не обращая внимания ни на один из этих криков. Ведь что это такое, как не прислушивание к мнению "что скажут люди", к голосам извне? Никто еще не сделал ничего великого или полезного, прислушиваясь к чужим голосам. Вы хотите делать то, что хорошо, независимо от того, называют ли люди это "подходящим для женщины" или нет. Оставьте эти жаргонные словечки и идите к Божьей работе в простоте и чистоте сердца".

Через год после публикации "*Записок по уходу*" мисс Найтингейл выпустила (1861) модифицированное издание этой работы под названием "*Записки по уходу за роженицами*", добавив главу "Уход за ребенком", которая специально адресована молодым девушкам в рабочих семьях, которым приходится много заниматься уходом за ребенком матери. Она

восхитительно написана и показывает, насколько хорошо автор был знаком с домами бедняков. Она принесет больше пользы, чем многие трактаты, если будет распространяться районными посетителями, и станет полезным дополнением к учебникам в наших начальных школах. Королева медсестер со свойственной ей проницательностью признает важность медсестры-работницы. "Половина всех работающих медсестер, - пишет она, - это девочки в возрасте от пяти до двадцати лет. Вы видите, что вы очень важные маленькие люди. А еще есть девочки, которые ухаживают за ребенком дома; и во всех этих случаях, кажется, почти все сводится к тому, что здоровье ребенка на всю его жизнь зависит от вас, девочки, больше, чем от чего-либо другого". Простые правила, понятные шестилетней девочке, даны для кормления, мытья, одевания, ухода и даже развлечений этого важного человека - "ребенка".

"Самый здоровый, счастливый, живой и красивый ребенок, которого я когда-либо видела, был единственным ребенком занятой прачки, - пишет мисс Найтингейл, - она стирала весь день в комнате, дверь которой выходила в большую комнату, куда она клала ребенка. Он сидел или ползал по полу весь день, не имея другого товарища для игр, кроме котенка, которого он обнимал. Мать содержала его в идеальной чистоте и кормила с идеальной регулярностью. Ребенок никогда и ничего не боялся. Комната, где он сидел, была домом; и он всегда давал знать матери, когда кто-нибудь входил, не криком, а вороньим криком. Я прожил много месяцев в пределах слышимости от этого ребенка и ни разу не слышал, чтобы он плакал днем или ночью. Я думаю, что сейчас слишком много развлекают детей, и недостаточно того, чтобы они развлекали себя сами".

О разносторонности пера мисс Найтингейл свидетельствует ее следующая публикация - *"Санитарное состояние армии в Индии"*, вышедшая в 1863 году. Рука, которая могла писать с такой нежной женской заботой о ребенке, могла наносить энергичные удары по антисанитарному состоянию солдат в Индии. Она живо интересовалась схемой лорда Герберта по объединению Индийской и Внутренней армии, а затем провела тщательное расследование причин, влияющих на здоровье армии в Индии. Сложная серия письменных свидетельств, полученных со всех главных станций Индии Королевской комиссией, назначенной для этой цели, была представлена мисс Найтингейл в 1861 году, и по просьбе комиссии она написала ценный документ с комментариями к отчетам. Лорд Стэнли сменил лорда Герберта на посту председателя комиссии, и ему мисс Найтингейл адресовала свои замечания, которые составили книгу объемом около ста страниц. В своем обычном лаконичном стиле она указывает на зло, возникающее из-за плохой санитарии в лагерях, плохой воды, отсутствия дренажа, и несовершенства госпиталей, а также рассматривает предотвратимые причины, которые приводят к пьянству и низкому уровню морали среди индийских войск.

Состояние армии в Индии по-прежнему вызывало большую озабоченность у мисс Найтингейл, и по просьбе Национального конгресса социальных наук она подготовила доклад на эту тему, которому она дала захватывающее название "Как люди могут жить и не умирать в Индии". Она была прочитана на Эдинбургском собрании в 1863 году и опубликована в виде памфлета в следующем году. В предисловии мисс Найтингейл с удовольствием упоминает об улучшении состояния солдат, которое произошло во многих отношениях. Введение солдатских садов, ремесел и мастерских позволило мужчинам понять, что лучше работать, чем спать и пить, даже в жаркую погоду.

Она приводит интересный пример того, как сработали эти реформы. "Один полк, шедший на станцию, - пишет она, - где два года свирепствовала холера, был "измучен" полками, шедшими оттуда, и им сказали, что они никогда не выйдут оттуда живыми".

Люди из прибывшего батальона ответили: "Вот увидят, у нас *не* будет холеры". И они развели огороды с таким успехом, что им было приятно не только есть свои собственные овощи, но и получать за них плату от комиссариата. И это на почве, которую ни один полк до этого не мог возделывать. И ни один человек не заболел холерой. Эти хорошие солдаты боролись с болезнями также с помощью мастерских и гимназий, а на нескольких горных станциях мужчины покрыли целые склоны холмов своими садами".

Далее она рассказывает о хороших результатах, достигнутых благодаря введению гимнастики для мужчин, крикета и других видов спорта на открытом воздухе. "Короче говоря, - добавляет она, - работа и всевозможные упражнения приводят к тому, что больные люди становятся здоровыми". Правительство создает солдатские библиотеки, строит лучшие поварни и учит солдат готовить. И пока она с радостью отмечает, что привычки солдат улучшились. "Но главные причины болезней в Индии - отсутствие дренажа, водоснабжения станций и городов - остаются прежними, - иронично замечает она, - во всем своем первобытном совершенстве". Уровень смертности среди военнослужащих, проходящих службу в Индии, был тревожным - шестьдесят девять человек на тысячу в год. "Чтобы объяснить это, требуется нечто большее, чем климат", - пишет она. "Все, чего требует климат, - это чтобы люди приспособили к нему свои социальные привычки и обычаи, как, впрочем, они должны делать это в соответствии с требованиями любого другого климата под небесами. Нет ни тени доказательства, что Индия была создана, чтобы быть могилой британской расы".

Затем мисс Найтингейл перечисляет простые правила для одежды, диеты и физических упражнений, которые должны соблюдать солдаты, служащие в Индии. Но хотя человек может регулировать свои личные привычки, "он не может, - добавляет она, - ни осушить и канализировать свой собственный город, ни провести водопровод на свою станцию, ни построить свои собственные казармы", и далее она настаивает на том, что санитарная реформа в Индии по-прежнему является одним из самых острых вопросов для правительства. С помощью разумных мер огромная смертность, составляющая шестьдесят девять человек на тысячу, может быть снижена до десяти человек на тысячу. "Какая работа, какая благородная задача для правительства - не "бесславный период нашего владычества", - пишет она, - а самый славный!"

Десять лет спустя мисс Найтингейл снова вернулась к "обвинению" и подготовила доклад "Жизнь или смерть в Индии", который был прочитан на собрании Национальной ассоциации содействия развитию социальных наук в Норвиче в 1873 году, а затем опубликован в виде брошюры с приложением "Жизнь или смерть от ирригации".

В этой статье мисс Найтингейл указала на радостный факт, что за последние десять лет, в которых санитарные реформы были прогрессировать смертность в армии в Индии была снижена с шестьдесят девять на тысячу до восемнадцати на тысячу, что является, восемнадцать человек умерли, где шестьдесят девять умерли раньше. Тем не менее, она считает, что этого достаточно, чтобы показать работу, которую еще предстоит проделать, особенно в отношении дренажа, водоснабжения и орошения страны в коммерческих целях, не только для солдат, но и для укрепления здоровья миллионов наших соотечественников в Индии и их общего процветания.

Мисс Найтингейл решает проблему "касты" с помощью забавного инцидента. Когда новый правительственный водопровод "был впервые введен в Калькутте, высококастовые индусы все еще хотели, чтобы их водоносы приносили им *священную* воду из *реки*; но эти

чиновники, обнаружив, что гораздо проще брать воду из новых кранов, просто втирали в нее немного (вульгарной, а не священной) грязи и выдавали ее за воду Ганга.

"Когда, наконец, грязный обман был раскрыт, общественное мнение, основанное на опыте, уже зашло слишком далеко, чтобы возвращаться к грязной воде. И новый источник воды на общественных собраниях был признан как *теологически*, так и физически безопасным".

Мисс Найтингейл настаивает на том, чтобы правительство приступило к реализации ирригационных схем в качестве профилактики постоянно повторяющихся голодов, от которых так страдают наши соотечественники в Индии. "Разве правительство Индии, - спрашивает она, - не слишком похоже на диспансер, который делает все, что человек может сделать для лечения, когда уже слишком поздно делать что-либо для предотвращения?"

В то время как перо мисс Найтингейл так красноречиво и практически ратовало в этот период за благо великой империи на Востоке, она не забывала о людях у себя дома. Ее труды и работа, связанная с больными бедняками, должны стать темой отдельной главы.

ГЛАВА XXIII

УХОД ЗА БОЛЬНЫМИ БЕДНЯКАМИ

Происхождение Ливерпульского дома и школы - интерес к больным беднякам - "Уна и лев" - дань уважения сестре Агнес Джонс - письмо мисс Флоренс Лис - просьба о создании дома для медсестер - вопрос об оплачиваемых медсестрах - юбилейный Институт сестринского дела королевы Виктории - правила для испытуемых.

Сестринское дело - это искусство; и если оно должно стать искусством, то требует такой же исключительной преданности, такой же упорной подготовки, как и работа любого живописца или скульптора; ведь что такое иметь дело с мертвым холстом или холодным мрамором по сравнению с тем, чтобы иметь дело с живым телом - храмом Божьего духа.... Это одно из изящных искусств; я почти сказала, самое прекрасное из изящных искусств. - Флоренс Найтингейл.

Нет ни одной отрасли ухода за больными, которая привлекала бы мисс Найтингейл сильнее, чем уход за больными бедняками. Именно в качестве посетителя в домах своих бедных соседей в Lea Hurst и Embley, что она начала свою филантропическую работу, и хотя начало Крымской войны привлекли ее на общественную арену и сосредоточить свое внимание на армии, она не перестала чувствовать важность удовлетворения потребностей больных бедных, и неоднократно обращал внимание на тот факт, что Англия отстает от других стран в обеспечении больных бедных на дому, и в лазаретах.

Она также признавала, что для этой работы необходима специальная подготовка. Медсестра, прошедшая курс обучения в больнице, не обязательно была компетентна в уходе за бедняками в их собственных домах. Нужны были специальные знания и особый опыт, прежде чем женщина, пусть даже опытная в технической стороне сестринского дела, могла стать хорошей участковой медсестрой.

Примерно в тот же период, когда мисс Найтингейл создавала и организовывала свою школу подготовки медсестер в больнице Святого Томаса, она также работала совместно с мистером Уильямом Рэтбоуном, М.Р., и другими филантропическими людьми, чтобы

основать специальную школу подготовки медсестер для бедных. Именно по ее предложению эта ветвь пионерской работы была начата в связи с Ливерпульским лазаретом, который уже создал несколько подобных учреждений. Проспект Ливерпульского учебного дома для медсестер был обнародован в 1861-2 годах, и впоследствии на территории лазарета было построено комфортабельное здание.

В 1865 году мисс Найтингейл написала введение к работе, описывающей "Происхождение и организацию Ливерпульской школы и дома для медсестер". "Это старая история, часто рассказывают," пишет она, "но эта книга открывает новую главу в нем. Она дает нам надежду на лучшее положение вещей. Построено и организовано учреждение для подготовки медсестер при лазарете. Это необходимость, потому что все, кто хочет эффективно работать медсестрой, должны научиться работать медсестрой в больнице."

"Сестринское дело, особенно самое важное из всех его направлений - уход за больными бедняками на дому, - это не любительская работа. Чтобы делать это так, как должно, требуются знания, практика, самоотречение и, как здесь хорошо сказано, прямое послушание и деятельность под руководством высшего из всех Владык и из самых высоких побуждений. Это неотъемлемая часть ежедневного служения христианской Церкви. Иначе и быть не могло. Она доказала, что превосходит все религиозные разделения, и ей суждено, по Божьему благословию, заполнить отверстие, огромная ценность которого в наших густонаселенных городах была непонятным образом упущена до этих нескольких лет".

Такими благородными словами Флоренс Найтингейл положила начало движению, которое сегодня охватило все части королевства. Сейчас нет ни одного трудового лазарета, в котором не было бы обученных медсестер вместо грубых и неквалифицированных заключенных, ни одного города и нескольких деревень, в которых не было бы некоторых положений по уходу за больными бедняками в их собственных домах, и наша любимая королева Виктория сочла это самым достойным объектом, которому она могла посвятить народное пожертвование в честь своего юбилея.

Основными задачами Дома пионерского воспитания в Ливерпуле были:- 1.

1. Подготовка профессиональных медсестер с хорошим образованием для бедных слоев населения.
2. Обеспечение участковых медсестер для бедных.
3. Обеспечить больных сиделками для частных семей.

Мисс Найтингейл с живым интересом наблюдала за развитием дома престарелых и время от времени давала свои советы. Она также активно участвовала в продвижении реформы работного дома. Больной нищий был для нее человеком, а не "скотиной", которую можно было отдать на милость мистера Бамбла и миссис Корни. Она была очень довольна тем, что двое из первой партии медсестер, вышедших из ее Школы Святого Томаса, стали матронами в трудовых лазаретах. Реформа больниц при работных домах была проведена в 1867 году в соответствии с Законом о столичных бедняках мистера Гаторна-Харди. Но введение института обученных медсестер по системе Найтингейл стало прямым следствием опыта и информации, полученной после основания Ливерпульского учебного дома.

До сих пор сиделками в работных домах были нищие женщины, ненадежные и неквалифицированные. В ливерпульском лазарете Браунлоу-Хилл, по словам мистера Рэтбоуна, двенадцатьсот коек были заняты людьми на всех стадиях всех видов заболеваний, а единственными помощниками двух женщин-офицеров, которые руководили уходом за

больными, были нищие женщины, которым нельзя было доверять, так же как и неумелым. Это был достойный пример лазаретов рабочих домов по всей стране.

Избранный приход Ливерпуля, получив анонимное предложение оплатить расходы на эксперимент в течение трех лет, согласился опробовать план мисс Найтингейл. С ее помощью мисс Агнес Джонс, женщина, которая прошла обучение в Кайзерсверте, как и мисс Найтингейл, а также в школе Найтингейл в больнице Святого Томаса, была назначена леди-суперинтендантом, и она привела с собой штат из двенадцати медсестер из больницы Святого Томаса. Сначала мисс Джонс пыталась получить дополнительную помощь, обучая трудоспособных нищих женщин профессии медсестры, но из пятидесяти шести ни одна не смогла сдать необходимый экзамен, и, что еще хуже, большая часть использовала свою первую зарплату, чтобы напиться. Был установлен печальный факт, что среди обитательниц работ не нашлось ни одной уважаемой и надежной медсестры, и заботу о лазарете пришлось полностью передать в их руки.

После двухлетнего испытания эксперимент мисс Джонс с ее обученными и образованными медсестрами оказался настолько удовлетворительным, что опекуны решили никогда не возвращаться к старой системе и взимать плату за постоянное содержание новой. Однако, к глубокому сожалению всех, мисс Агнес Джонс пала под тяжестью взятых на себя трудов и умерла в феврале 1868 года.

Мисс Найтингейл посвятила прекрасную дань памяти своего друга и коллеги по работе в *"Добрых словах"* за июнь 1868 года под названием *"Уна и лев"*, которая впоследствии стала *"Введением"* к *"Памяти Агнес Элизабет Джонс"*, написанной ее сестрой.

"Одна женщина умерла, - пишет мисс Найтингейл, - женщина, привлекательная и богатая, молодая и остроумная, но завуалированная и молчаливая, не отличавшаяся никаким другим гением, кроме божественного гения, усердно тренирующая себя, чтобы научить других идти по стопам Того, Кто шел, творя добро..... Она умерла, как и жила, на своем посту в одном из самых больших трудовых лазаретов в этом королевстве - первом, в котором был введен квалифицированный уход за больными..... Когда вся ее жизнь и образ встанут передо мной, я не считаю историю об Уне и ее льве мифом, я говорю: вот Уна из плоти и крови - Уна и ее нищие, куда более неукротимые, чем львы. Менее чем за три года она привела одну из самых беспорядочных больниц в мире в состояние, похожее на христианскую дисциплину, и обратила ризничего в убеждение в экономичности и гуманности ухода за нищими больными с помощью обученных медсестер".

Мы должны воздержаться от дальнейшего цитирования этой необычайно прекрасной благодарности вождя одному из самых умелых генералов в армии реформы сестринского дела, за исключением прекрасных заключительных слов: "Давайте добавим живые цветы на ее могилу, "лилии с полными руками", не мимолетные примулы, не умирающие цветы. Давайте приложим усилия наших рук, наших голов и наших сердец, чтобы завершить ее работу, которую так благословил Бог. Пусть мы не просто покоимся в мире, но пусть ее жизнь будет жизнью, которая вдохновляет на добрую борьбу с пороком, грехом, несчастьем и убожеством, как это делала она - призыв к оружию, которому она всегда повиновалась.

Сын Божий идет на войну,

Кто следует за Ним?

О, дочери Божьи, неужели так мало желающих откликнуться?"

МРС. ДАКР КРЕЙВЕН (УРОЖДЕННАЯ ФЛОРЕНС ЛИЗ).

(По рисунку кронпринцессы Германии (покойной императрицы Фредерики), когда мисс Лис отвечала за лазаретто кронпринцессы в Хомбурге во время франко-германской войны).

Нельзя оставить эту тему без упоминания о влиянии, которое собственный ранний пример мисс Найтингейл оказал на одаренную женщину, память о которой она восхваляла. Накануне начала обучения в больнице Святого Томаса мисс Агнес Джонс писала: "Хорошо, что я должна, в моем первом начале работы в больнице, носить имя "Nightingale Probationer", потому что это почетное имя связано с моей первой мыслью о больничной жизни. Зимой 54-го года, когда у меня появились первые серьезные желания работать и в течение нескольких месяцев было так мало возможностей их удовлетворить, как я хотел бы быть компетентным, чтобы присоединиться к соловьиной группе, когда они отправились в Крым! Я выслушивала осуждение многих, но я почти преклонялась перед ней, которая храбрилась, и чувствовала, что она должна добиться успеха".

Система, введенная мисс Агнес Джонс в Ливерпульском лазарете, распространилась по всей стране, и мисс Найтингейл имела удовлетворение видеть в сравнительно короткое время большое улучшение в уходе и лечении больных в работных домах. Тюрьмы уже давно были посещены и реформированы, приюты для умалишенных открыты для инспекции, и казалось необъяснимым, что страдания больных нищих в работных домах так долго оставались без внимания. В

В 1854 году мисс Луиза Твайнинг начала свою пионерскую деятельность по реформированию работного дома, которая в 1874 году привела к созданию Ассоциации медсестер работного дома.

Успех внедрения квалифицированных медсестер в работные дома дал толчок к развитию ухода за больными бедняками в целом, и в 1868 году достопочтенной миссис Стюарт Уортли и мистером Робертом Виграмом было основано Общество медсестер Восточного Лондона. В 1874 году движение получило еще один важный импульс благодаря созданию Национальной ассоциации медсестер, призванной обеспечить квалифицированный уход за больными бедняками в их собственных домах, создать районные организации в Лондоне и в стране, а также организовать школу подготовки районных медсестер при одной из лондонских больниц.

Эта работа очень понравилась мисс Найтингейл, и она выразила свое сочувствие в следующем письме преданному пионеру районного сестринского дела, мисс Флоренс Лис, С в настоящее время миссис Дакре Крейвен, которая была неутомимым почетным секретарем недавно основанной Национальной ассоциации медицинских сестер.

Кинглейк назвал мисс Лис "одаренной и сияющей ученицей" Флоренс Найтингейл. Она проходила испытательный срок в учебной школе Святого Томаса, когда та временно располагалась в старом здании Surrey Gardens.

"Что касается вашего успеха, - пишет мисс Найтингейл, - то чем он не успех? Поднять дома ваших пациентов так, чтобы они никогда больше не опускались до грязи и беспорядка: таково влияние ваших медсестер. Вести дела жизни и смерти - дела, которые было бы почетно вести со всеми удобствами больниц или самых богатых в стране, и это без всяких удобств в больничной палате. Чтобы уберечь целые семьи от нищеты, предотвращая разрушение дома и возвращая здоровье кормильцу".

Следующий пункт в письме мисс Найтингейл был тем, который лежал в основе движения и который она неизменно подчеркивала: "Вытащить благородное искусство ухода за больными из раковины дотаций". Считалось, что ничто так эффективно не остановит обнищание людей беспорядочной благотворительности, как обученная медсестра в домах больных бедняков, которая научит своих пациентов, как лучше помочь себе. "Чтобы осуществить," продолжает мисс Найтингейл, "практические принципы предотвращения заболеваний путем прекращения его причины и причины инфекций, которые распространяют болезни. И последнее, но не менее важное: показать общую жизнь, способную поддержать работников в этой спасительной, но самой тяжелой работе под руководством рабочего, который будет лично поддерживать обучение и уход за больными на высшем уровне. Разве это не большой успех?

"Районное сестринское дело, столь одинокое, лишенное бодрости и стимула большого корпуса соратников в суеете общественной больницы, но также лишенное многих забот и напряжений, нуждается в том, что есть у вас, - в постоянном наблюдении и вдохновении гения сестринского дела и в общем доме. Да распространится этот стандарт по всему Лондону и всей стране".

Два года спустя (1876) мисс Найтингейл в длинном письме в *"Таймс"* красноречиво высказалась за создание дома для медсестер в связи с Национальным обществом по предоставлению обученных медсестер для бедных. Позднее это письмо было перепечатано в виде памфлета *"Обученные медсестры для больных бедняков"*. Выступая за создание Центрального дома для медсестер, она писала: "Если вы предоставите медсестрам плохой дом или вообще не предоставите никакого дома, у вас будут только медсестры, живущие в плохом доме или вообще без дома", и она подчеркивала необходимость того, чтобы участковая медсестра знала, как "ухаживать за домом так же, как за пациентом", и по этой причине она должна жить в комфортном месте, свободном от неудобств частных жилищ.

Убеждения мисс Найтингейл принесли плоды в виде создания Центрального дома для медсестер, 23, Блумсбери-сквер, под умелым руководством мисс Флоренс Лис. Ничто не радовало мисс Найтингейл больше, чем получать отчеты об опыте работы участковых медсестер среди бедняков, и слышать, как люди принимали их визиты и какое впечатление они смогли произвести на привычки людей. Особый восторг у нее вызвал рассказ о тщедушном мальчике из трущоб, который бурно сопротивлялся ванночке, которую делала мисс Лис.

"Вилли не нравится, когда его купают, - прорычал он, - пусть купают дебила, если ему так хочется!" Намек на то, что мисс Лис способна вымыть дьявола до белизны, мисс Найтингейл назвала самым лучшим комплиментом, когда-либо сделанным участковой медсестре.

Она всегда внушала участковым медсестрам, что нужно не только уметь давать советы, но и выполнять их. Медсестра должна уметь показать, как навести порядок в доме, и мисс Найтингейл часто приводила в пример случай с епископом, который очистил свинарники обычной школы, в которой он был мастером, - "один из самых епископальных актов, когда-либо совершенных", - так она это комментировала.

Сначала участковые медсестры были набраны почти полностью из класса, известного как "джентльмены", так как мисс Найтингейл и мисс Лис считали, что для оказания влияния на бедных в их собственных домах нужны женщины с особым утончением и образованием. Кроме того, одной из целей Национальной ассоциации было повышение стандартов

сестринского дела в глазах общественности. Вскоре было доказано, что женщины-медсестры не уклоняются ни от одной из неприятных и рутинных обязанностей, которые выпадают на долю участковой медсестры. В целом, только образованные женщины, у которых есть призвание к работе медсестры, возьмут на себя такие обязанности; женщины, которые просто хотят получить доход, выберут больницу или частный медперсонал. На ранних этапах движения участковые медсестры получали высокое вознаграждение, и по этому вопросу можно процитировать Королеву медсестер

"Где-то в печати я видела, что медсестры - это профессия, которой должны заниматься представители "низшего среднего класса". Скажем ли мы, что живопись или скульптура - это профессия для "низшего среднего класса"? Зачем вообще ограничивать класс? Или мы скажем, что Богу в Его болезни должны служить только представители "низшего среднего класса"?

"Классификация между "оплачиваемым" и неоплачиваемым искусством, а также между "оплачиваемым" и неоплачиваемым уходом за больными представляется самым бесполезным из всех различий - превращать в тест обстоятельство, столь же случайное, как черные или каштановые волосы, то есть, есть ли у людей личные средства или нет, вынуждены они или нет работать над своим искусством или уходом за больными для получения средств к существованию. Вероятно, ни один человек никогда не занимался тем, чем он занимался только ради денег. Конечно, ни один человек не добился такого успеха, над которым он не трудился бы так же усердно, как если бы он делал это исключительно ради денег. Если под любителями в искусстве или в уходе за больными подразумеваются те, кто занимается этим ради игры, то это вовсе не искусство, а вовсе не уход за больными. Вы еще не сделали художника, хорошо заплатив ему; но художник должен быть хорошо оплачен".

Важнейшим результатом введения системы квалифицированных сиделок для больных бедняков стало учреждение Юбилейной королевской сестринской службы. Королева Виктория, тронутая огромной пользой, которую принесла Национальная ассоциация медсестер, решила, по представлению Комитета женского юбилейного фонда, поддержанного принцессой Кристианой, направить 70 000 фунтов стерлингов на расширение этой работы. D Проценты фонда, составлявшие 2 000 фунтов стерлингов в год, были направлены на основание учреждения для обучения и содержания медсестер для ухода за больными бедняками в их собственных домах, с центрами филиалов по всему королевству. Устав нового фонда был подписан 20 сентября 1890 года.

В 1877 году миссис Дакре Крейвен в письме, представленном королеве Виктории, предложила направить часть средств Королевского госпиталя Святой Катарини на основание Института подготовки участковых медсестер нежного происхождения, который должен был называться "Королевские медсестры".

Сначала центральный институт был связан с Королевским госпиталем Святой Катарини в Риджентс-парке - учреждением, которое всегда находилось под покровительством английских королей, поскольку было основано королевой Матильдой, женой Стефана, на пристани Святой Катарини, недалеко от лондонского Тауэра. Впоследствии штаб-квартира Института сестринского ухода в честь юбилея королевы Виктории была перенесена на Виктория-стрит. Центральные дома также были созданы в Эдинбурге, Дублине и Кардиффе, а районные дома по всему королевству являются филиалами института.

Национальная ассоциация по предоставлению обученных медсестер для больных бедняков, в которой так глубоко заинтересовалась мисс Найтингейл, была присоединена к Институту в

честь юбилея королевы Виктории, но ее первоначальная штаб-квартира по-прежнему находится в Доме медсестер, 23, Блумсбери-сквер, которым так умело руководит нынешняя леди-суперинтендант мисс Хэдден. Председателем Исполнительного комитета является Генри Бонэм Картер, эсквайр, старый друг и соратник мисс Найтингейл, а почетным секретарем - преподобный Дакр Крейвен, ректор церкви Святого Андрея, Холборн, чьей женой была мисс Флоренс Лис, первый генеральный суперинтендант дома и филиалов, и одна из преданных друзей мисс Найтингейл. Ее Королевское Высочество принцесса Кристиана является президентом Ассоциации.

Есть, вероятно, нет движения, которое распространилось по стране так быстро, и который обращается к доброй воле всех классов, как уход за больными бедных в их собственных домах, и его успех был одним из главных удовлетворения жизни мисс Найтингейл. Она всегда рада слышать о пополнении армии медсестер, ухаживающих за больными бедняками, и, возможно, будет интересно процитировать правила, изданные Национальной ассоциацией:...

ПРАВИЛА ПОДГОТОВКИ МЕДСЕСТЕР ДЛЯ БОЛЬНЫХ БЕДНЯКОВ, И ИХ ПОСЛЕДУЮЩЕГО ТРУДОУСТРОЙСТВА

1. Медсестра, желающая пройти обучение в районной службе сестринского ухода, должна предварительно пройти как минимум двухлетнюю подготовку в крупной больнице общего профиля, одобренной Комитетом, и представить удовлетворительные характеристики о своих способностях и поведении.
2. Если суперинтендант сочтет, что она подходит для работы районной медсестрой, она будет принята на испытательный срок в один месяц. Если по истечении этого срока она будет признана подходящей, она продолжит курс обучения с преподаванием в техническом классе еще в течение пяти месяцев.
3. По окончании месячного испытательного срока медсестра должна будет подписать соглашение с Юбилейным институтом королевы Виктории о том, что в течение одного года со дня окончания обучения в округе она будет продолжать работать в качестве окружной медсестры везде, где окружному совету Института королевы могут потребоваться ее услуги.
4. Во время обучения медсестра будет подчиняться суперинтенданту учебного дома и должна соблюдать правила и инструкции этого дома. В отношении своей работы она будет также подлежать инспекции инспектора Института королевы.
5. Если во время обучения медсестра будет признана неэффективной или иным образом непригодной, ее контракт может быть расторгнут с согласия инспектора Королевского института суперинтендантом Учебного дома с уведомлением за неделю. В случае нарушения дисциплины или пренебрежения обязанностями она подлежит немедленному увольнению суперинтендантом учебного дома с согласия инспектора Королевского института.
6. В течение шести месяцев обучения она будет получать пособие в размере 12 10 фунтов *стерлингов*, половина которого выплачивается по истечении трех месяцев с момента поступления, а остальная часть - по истечении шести месяцев; если же ее контракт будет расторгнут по какой-либо причине до окончания обучения, она не будет иметь права на частичную выплату без согласия Королевского института. Ей будет предоставлен полный пансион, прачечная, отдельная меблированная спальня или каюта с общей гостиной, а

также форменное платье, которое она должна будет постоянно носить во время службы. Униформа должна считаться собственностью Института.

7. После удовлетворительного завершения обучения медсестра будет рекомендована для работы в качестве участковой медсестры в какой-либо ассоциации, связанной с Институтом Королевы, с зарплатой, как правило, от 30 фунтов стерлингов в год.

ГЛАВА XXIV ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Дом Найтингейл - Правила для стажеров - Смерть мистера и миссис Найтингейл - Смерть леди Верни - Продолжает посещать Клейдон - Крестовый поход за здоровьем - Гигиена в сельской местности - Письмо матерям - Вводятся миссионеры в деревнях - Санитария в Индии - Бриллиантовый юбилей - Обед в Балаклаве.

Когда благородная жизнь подготовила старость, она показывает не упадок, а первые дни бессмертия - мадам де Сталь.

Работа мисс Найтингейл для профессии, которую ее имя и пример вознесли в такую высокую репутацию, продолжалась с неослабевающей энергией. Год 1871 принес то, что, должно быть, казалось венцом ее первоначальной работы, когда дом и школа Nightingale был открыт как неотъемлемая часть новой больницы Святого Томаса, лучшее учреждение такого рода в Европе. Это обстоятельство значительно повысило популярность сестринского дела как профессии для образованных женщин.

Королева Виктория заложила первый камень в основание новой больницы 13 мая 1868 года на прекрасном участке, огибающем набережную Темзы напротив здания парламента. Он был возведен по блочной системе, которую всегда рекомендовала мисс Найтингейл, и она проявляла большой интерес ко всем образцам техники и оборудования, введенным в это поистине дворцовое учреждение для больных.

Больница простирается от подножия Вестминстерского моста вдоль реки до Ламбетского дворца и имеет фронт 1 700 футов. Она построена в восьми отдельных блоках или павильонах. Шесть центральных корпусов предназначены для пациентов, северный, расположенный рядом с Вестминстерским мостом, - для обслуживающего персонала, а южный - для лекционных залов и школы медицины. Каждый блок находится на расстоянии 125 футов от другого, но соединен двойным коридором. Коридор, выходящий к реке, образует восхитительную террасу-променад. В каждом блоке есть три яруса палат над первым этажом. Операционный зал способен вместить шестьсот студентов. Специальное крыло в одном из северных корпусов было отведено для Дома и школы медсестер Найтингейл. Все обустройство этого крыла было выполнено в соответствии с пожеланиями мисс Найтингейл.

Всего в больнице тысяча отдельных апартаментов, а строительство обошлось в полмиллиона денег. Он был открыт королевой Викторией 21 июня 1871 года, и *газета The Times* в своем отчете о процедуре не перестает восхищаться "женщинами-медсестрами в их веселых платьях светло-серого цвета [синий - цвет платьев сестер], дамами, яркими, активными и совсем не похожими на старый тип больничной медсестры, о которой Диккенс заставлял нас с содроганием читать, а мисс Найтингейл помогает нам упразднить". Новое здание

позволило увеличить площадь помещений и разместить сорок испытуемых. Правила приема остались практически теми же, что и при открытии Школы в старом здании больницы Святого Фомы.

На обеде по случаю открытия новой больницы председатель совета директоров сэр Фрэнсис Хикс рассказал, что мисс Найтингейл сказала ему, что считает ее "самым благородным зданием, возведенным на благо нашего рода".

Но наш интерес сосредоточен на крыле "Найтингейл". Столовая - это приятная квартира, в которой хранится несколько памятных вещей, связанных с леди, чье имя она носит. Одна из них - уникальная статуэтка, заключенная в стеклянный футляр и стоящая на постаменте. Непосвященному человеку она может показаться изображением девственницы, но мы-то знаем, что у нее более благородный прототип, чем священный для римлян идеал женского совершенства. Эта статуэтка - не непорочная жрица Весты, "мир забывшая, миром забытая", а наша героиня, которую скульптор изобразил в образе "Дамы со светильником". Она стоит, высокая, стройная фигура, в простом платье медсестры, держа в одной руке маленькую лампу - такую, какой она пользовалась во время ночных обходов в больнице Скутари, - которую она заслоняет другой рукой. В холле также установлен бюст мисс Найтингейл, портрет ее шурина, покойного сэра Гарри Верни, в течение многих лет являвшегося председателем Совета Фонда Найтингейл, и портрет миссис Уордропер, первой главы Дома Найтингейл, когда он был первоначально основан. Здесь также есть часы, подаренные великой герцогиней Баденской, сестрой покойного императора Германии Фридриха, которая была большой поклонницей работы мисс Найтингейл и сама активно организовывала помощь больным солдатам во время франко-германской войны.

Из столовой можно попасть в комнату отдыха медсестер. У каждой медсестры есть своя отдельная комната.

Число испытуемых немного меняется из года в год, но обычно составляет пятьдесят два человека, и всегда есть больше претендентов, чем можно принять. Они делятся на *особых* испытательниц, которые являются джентльменками по рождению и воспитанию, дочерьми профессиональных мужчин, священников, офицеров, купцов и других представителей высшего и среднего классов, в возрасте от двадцати четырех до тридцати лет, и *обычных* испытательниц.

Специальных стажеров готовят к тому, чтобы они в будущем стали заведующими больницами или отделениями больниц. Они изучают каждую деталь работы медсестры, а также обязанности, чтобы подготовить их к ответственным должностям матрон и т. д. *Обычные* стажеры обучаются быть эффективными медсестрами и после нескольких лет работы могут получить более высокие должности.

Все медсестры, прошедшие через школу Святого Томаса, связаны особыми узами с мисс Найтингейл, которая радуется их успехам и любит время от времени узнавать о ходе их работы в различных больницах и учреждениях, руководителями которых они стали.

Мистер Бонэм Картер, ее старый и уважаемый друг, остается секретарем Фонда Найтингейл, а мисс Гамильтон является матроной больницы и контролирует Дом Найтингейл.

В том же году (1871), что новый дом соловей и учебная школа была открыта, мисс Соловей опубликовал ценную работу на *Lying-in больницы*, и два года спустя она сделала новый литературный отход публикацией в *Fraser's Magazine* две статьи под заголовком "Заметки допроса", в котором она имела дело с религиозными сомнениями и проблемами. Мисс

Найтингейл с юности проявляла глубоко религиозную натуру, и ее попытка разобраться с некоторыми глубокими вопросами веры, как она обдумывала их в уединении своей больничной палаты, заслуживает внимательного рассмотрения.

Мисс Найтингейл жила так полно для общественного блага, что ее личная семейная жизнь почти упущена из виду. Но ее привязанности никогда не переставали витать вокруг домов ее молодости. После напряженных месяцев, проведенных в Лондоне за литературной работой и реализацией различных планов, наступили каникулы, проведенные в Леа Херст и Эмблей с ее родителями, когда она возобновила свой интерес ко всем старикам, и служил на нужды больных бедных. Хотя она уже не могла вести активную жизнь и посещать людей, у нее была система расследований, с помощью которой она всегда была в курсе нужд и потребностей своих бедных друзей. Она особенно интересовалась молодыми девушками района и любила, чтобы они приходили в Леа-Херст на послеобеденное развлечение, как в былые времена. Вскоре в окрестностях ее дома в Дербишире или Хэмпшире узнавали, когда приезжала мисс Флоренс.

В январе 1874 года мисс Найтингейл пережила первый перелом в своей старой домашней жизни, когда умер ее отец. Он мирно скончался в Эмбли на восьмидесятом году жизни и был похоронен на церковном дворе Ист-Уиллоуз. На его могиле высечена надпись:...

УИЛЬЯМ ЭДВАРД СОЛОВЬЕВ,

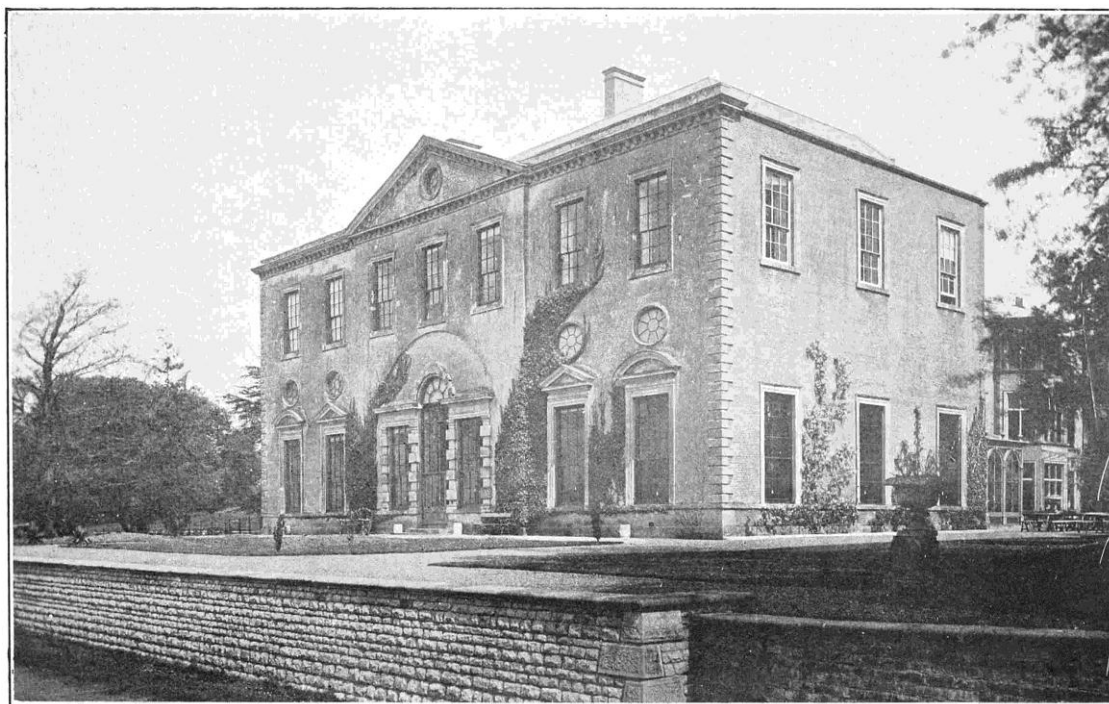
из Эмбли в этом графстве и из Лиа Херст,
Дербишир.

Умер 5 января 1874 года на восьмидесятом году жизни.

"И в свете Твоем мы увидим свет" - Пс. xxxvi. 9.

После смерти отца мисс Найтингейл проводила большую часть времени со своей овдовевшей матерью в Эмбли и Леа Херст, между которыми зима и лето были разделены, как в старые времена. Было хорошо известно, что мисс Флоренс предпочитает Леа Херст, и она оставалась там несколько сезонов, пока последние золотые листья не падали с буков на ее любимой "прогулке" в Леа Вудс.

Некоторые из стариков ушли из жизни, а молодые поселились в собственных домах, но от мисс Флоренс не ускользнули никакие изменения в семейной истории людей. Через своего личного помощника она помогала больным и дарила свое имя и благословение многим малышам в коттедже. По ее заботливому распоряжению свежее, чистое молоко из молочной фермы Лиа Херст ежедневно отправлялось тем, кто в нем особенно нуждался. Жители поместья вспоминают, что перед своим отъездом осенью "мисс Флоренс" всегда давала указания срезать в Леа Вудс кучу остролиста и вечнозеленых растений и отправить их для рождественского украшения в Дом престарелых при больнице Святого Томаса, окружной Дом престарелых на Блумсбери-сквер и Дом на Харли-стрит.

КЛЕЙДОН-ХАУС, РЕЗИДЕНЦИЯ СЭРА ЭДМУНДА ВЕРНИ, ГДЕ СОХРАНИЛИСЬ КОМНАТЫ "ФЛОРЕНС НАЙТИНГЕЙЛ".

(Фото: Пейн, Эйлсбери.)

[На обороте с. 320.

1 февраля 1880 года мисс Найтингейл понесла еще одну утрату - умерла ее любимая мать, чьи последние годы она так преданно ухаживала за ней, насколько позволяли ее силы. Миссис Найтингейл, чьему прекрасному характеру и примеру ее знаменитая дочь обязана столь многим, скончалась в Эмбли и была похоронена рядом с мужем на церковном дворе Ист-Уиллоуз. На ее могиле высечена надпись:...

Посвящается памяти нашей матери,
ФРЭНСИС НАЙТИНГЕЙЛ,
Жена Уильяма Эдварда Найтингейла, эсквайра.
Умерла 1 февраля 1880 года.

"Бог есть Любовь"-1 Иоанна IV. 16.

"Благослови Господа, душа моя, и не забывай всех благ Его" - Пс. ciii. 2.

Ф. ПАРФЕНОПЕ ВЕРНИ И ФЛОРЕНС НАЙТИНГЕЙЛ

После смерти матери мисс Найтингейл все еще иногда гостила в Леа Херст и Эмбли, которые перешли к ее родственнику, мистеру Уильяму Шору Найтингейлу, и продолжала проявлять свой старый интерес к жителям этого района. В 1887 году члены рабочего клуба в Дербишире подарили мисс Найтингейл картину с изображением Леа Херст, которую она приняла с особым удовольствием. Именно в это время она нанесла свой последний визит в любимый дом своего детства.

Теперь мисс Найтингейл проводила время между своим лондонским домом, 10, South Street, Park Lane, и Claydon, прекрасным домом недалеко от Winslow, Buckinghamshire, своей

сестры, которая в 1859 году стала второй женой сэра Гарри Верни. Сэр Гарри был сыном сэра Гарри Калверта, управляющего госпиталем Челси и генерал-адъютанта вооруженных сил. Он был майором в армии, а в 1827 году принял фамилию Верни. Род Верни обосновался в Бакингермшире с пятнадцатого века. Сэр Гарри в разное время был членом парламента от Бедфорда, а также от Букингема. Он глубоко интересовался всеми вопросами реформирования армии и активно сочувствовал планам своей выдающейся невестки, а также выступал в качестве председателя Фонда Найтингейл.

В Клейдоне мисс Найтингейл нашла прекрасное и благоприятное место для отдыха с сэром Гарри Верни и ее любимой сестрой, которая была хорошо известна в литературных и политических кругах; ее книги по социальным вопросам имели честь быть процитированными в Палате общин. На второй год своего брака (1861) леди Верни заложила первый камень в основание нового Бакингермширского лазарета в Эйлсбери, за строительством которого мисс Найтингейл с большим интересом наблюдала во время своих визитов в Клейдон. Ее бюст украшает вестибюль лазарета. Во время своих летних визитов в Клейдон мисс Найтингейл часто устраивала садовые вечеринки для сестер из больницы Святого Томаса.

Леди Верни умерла после долгой и мучительной болезни в 1890 году, как ни печально, 12 мая, в день рождения своей сестры. Сэр Гарри Верни пережил свою жену всего на четыре года, и после его смерти Клейдон перешел к сэру Эдмунду Хоупу Верни, сыну от первого брака с дочерью адмирала сэра Джорджа Джонстона Хоупа.

Сэр Эдмунд был галантным моряком, который молодым лейтенантом служил в Крымской войне и получил Крымскую медаль с севастопольской застёжкой. Он снова отличился в индийского мятежа, был упомянут в депешах и получил индийскую медаль с застёжкой в Лакхнау. Он был либеральным депутатом от Северного Бакса в 1885-6 и 1889-91 годах, а также представлял Брикстон в первом Совете графства Лондон. Сэр Эдмунд женился на старшей дочери сэра Джона Хэя-Уильямса и леди Саре, дочери первого графа Амхерста, даме, которая принимала активное участие в движении за высшее образование в Уэльсе и в течение семи лет работала в школьном совете Уэльса. Она является членом исполнительного комитета Уэльского университета. Сэр Эдмунд владеет поместьями на острове Англси. Леди Верни - член комитета по образованию графства Бакингермшир. Она продолжает работу своей свекрови по редактированию "Мемуаров Верни". Сэр Эдмунд проявляет большой интерес к образованию и сельским вопросам. Он является членом Совета графства Бакс и Ассоциации молочных фермеров, и публикует статьи по сельскохозяйственному образованию и родственным темам.

После смерти сестры мисс Найтингейл продолжала проводить часть своего времени в Клейдоне, пока в 1895 году усиливающаяся немощь не сделала поездку невозможной, и она продолжала интересоваться сельскими делами района. Апартаменты, которые мисс Найтингейл занимала в Клейдоне, сохранились у сэра Эдмунда и леди Верни в том виде, в котором они были, и теперь называются "Комнаты Флоренс Найтингейл". Они состоят из большой, очаровательно обставленной гостиной с куполообразным потолком, расположенной в углу особняка и открывающей двойной вид на территорию, а также спальни и прихожей. В любимом уголке гостиной до сих пор стоит кушетка мисс Найтингейл, а рядом с ней - большая фарфоровая чаша, которую любящие руки когда-то ежедневно пополняли свежими цветами, такими, какие наша героиня любила иметь при себе, когда занимала эту комнату. В смежной комнате стоит полуторная кровать мисс Найтингейл и старомодный резной шкаф и комод. У изножья кровати стоит большой диван, который был любимым местом отдыха мисс Найтингейл в дневное время. На разных стенах висят картины

и семейные портреты, к которым сэр Эдмунд Верни добавил серию интересных фотографий, собранных из различных источников, чтобы проиллюстрировать события, связанные с работой мисс Найтингейл на Востоке. Эти комнаты, несомненно, со временем станут историческим музеем в Клейдон Хаус.

После смерти любимой сестры мисс Найтингейл была печальна и уныла, и можно уловить нотки усталости в письме, которое она адресовала в 1890 году Манчестерской полицейской судебной миссии для мальчиков. Она очень хотела, чтобы было сделано больше для возвращения первых правонарушителей и спасения их от пагубного влияния тюремной жизни. "У меня нет возможности продолжить эту тему, - писала она, - хотя она интересовала меня всю мою жизнь. Последние (почти) сорок лет я была погружена в два дела и занималась тем, что вполне могло бы занять двадцать энергичных молодых людей, а я - старый и изможденный инвалид".

К счастью, работа мисс Найтингейл еще не была закончена. Два года спустя (1892) она в возрасте семидесяти двух лет начала активную кампанию по борьбе за здоровье в Букингемшире в частности и в сельских районах в целом. Закон 1890 года об улучшении жилищных условий для рабочих классов специально привлек ее внимание к теме, которая всегда ее интересовала. Она мало верила в то, что парламентские акты реформируют привычки людей. "На бумаге, - пишет она, - не может быть более совершенного руководства по здравоохранению [чем этот закон] для того, чтобы наши *санитарные* власти и районы были достойны названия, которое они носят. У нас есть полномочия и определения. Все предусмотрено, кроме двух самых необходимых: денег для оплаты и воли для проведения реформ". Если бы новый закон был введен в действие, мисс Найтингейл считала, что три четверти сельских районов Англии обезлюдели бы, и "мы должны были бы иметь сотни и тысячи бедных на руках, из-за большой доли домов, непригодных для жилья в сельских районах".

В 1892 году мисс Найтингейл обратилась с волнующим письмом к Совету графства Бакингемшир о целесообразности назначения Санитарного комитета для решения вопросов здравоохранения в округе. "Мы должны создать общественное мнение, которое будет управлять правительством, - писала она, - вместо того, чтобы правительство управляло нами - просвещенное общественное мнение, мудрое в принципах, мудрое в деталях. Мы приветствуем Совет графства как один из сильнейших двигателей в нашу пользу, одновременно поддерживающий и подчиняющийся великому импульсу национального здоровья против национальных и местных болезней. Ибо мы поняли, что национальное здоровье в наших руках - местная санитария, национальное здоровье. Но нам приходится бороться с веками суеверий и поколениями безразличия. Пусть Совет графства возьмет на себя инициативу".

Мисс Найтингейл считала, что лучший метод для продвижения санитарной реформы среди людей - это воздействие на женщин - жен и матерей, которые контролируют домашнее хозяйство в домах. Следующим шагом мисс Найтингейл при содействии Комитета по техническому обучению Совета графства стала организация миссионера для преподавания в сельских районах Бакингемшира. Она отобрала трех специально обученных и образованных женщин, которые должны были не только читать лекции в деревенских школах по таким вопросам, как дезинфекция, личная чистота, вентиляция, дренаж, побелка, но и посещать дома бедняков и давать дружеские наставления и советы женщинам.

Она знала и уважала мнение, что англичанин считает свой дом, каким бы скромным он ни был, замком, в который никто не может войти без приглашения. Мисс Найтингейл не

симпатизировала классу "навещающих дам", которые поднимают засов в коттедже бедняка и входят без стука. Приступая к реализации своего плана посещений, она поступила вежливо, написав циркулярное письмо деревенским матерям с просьбой принять миссионеров. В письме говорится: "Дорогие трудолюбивые подруги!

"Дорогие трудолюбивые подруги,

"Я тоже трудолюбивая женщина. Могу ли я поговорить с вами? И простите ли вы меня, хотя я и не мать?

"Вы чувствуете вместе со мной, что на каждой матери, которая приносит в мир ребенка, лежит обязанность вырастить его таким здоровым, чтобы он мог выполнять работу всей своей жизни.

"Но, несмотря на то что вы трудитесь ради своих детей целыми днями и так преданы им, это совсем не простая задача.

"Мы не должны пытаться заниматься шитьем одежды или любым другим ремеслом, не обучившись этому; но женщине, как правило, невозможно получить какие-либо знания о том, как управлять здоровьем; и все же здоровье должно быть изучено.....

"Мальчики и девочки должны расти здоровыми, с чистыми умами, чистыми телами и чистой кожей. А чтобы это было возможно, воздух, земля и вода, в которых они растут и которые их окружают, должны быть чистыми. Свежий воздух, а не дурной; чистая земля, а не грязная; чистая вода, а не грязная; и первые наставления и впечатления, которые они получают дома, должны быть чистыми, нежными и твердыми. Ведь именно дом учит ребенка больше, чем любое другое школьное образование. Еще до трех лет ребенок узнает, будет ли он слушаться мать или нет; а до семи лет, говорят нам мудрые люди, формируется его характер.

"Есть и еще одна вещь - упорядоченность. Мы знаем о вашем ежедневном труде и любви. Нельзя ли несколько облегчить самую напряженную и трудную жизнь, распланировать день так, чтобы на каждую обязанность отводилось одинаковое количество часов? Стоит постараться сохранить здоровье семьи, предотвратить печаль, тревогу, неприятности, связанные с болезнями в доме, которых так много можно предотвратить.

"Когда ребенок теряет здоровье, как часто мать говорит: "Ах, если бы я только знала! Но мне некому было сказать". А ведь именно здоровье, а не болезнь, является нашим естественным состоянием - тем состоянием, которое предназначено для нас Богом. Есть больше людей, которые подхватывают нас, когда мы падаем, чем дают нам возможность встать на ноги. Бог не хотел, чтобы всех матерей сопровождали врачи, но Он хотел, чтобы обо всех детях заботились матери. Да благословит Господь вашу работу и труд любви.

"Флоренс Найтингейл".

Продолжая заниматься темой сельской санитарии, мисс Найтингейл подготовила доклад на тему "Сельская гигиена: учение о здоровье в городах и деревнях", который был прочитан на конференции женщин-работниц в Лидсе в ноябре 1893 года. Доклад был написан в ее обычной четкой и язвительной манере, доходящей до самой сути вопроса и иллюстрирующей свои положения юмористическими иллюстрациями. "Что можно сделать для здоровья дома, - спрашивает она, - без домашних женщин?... Пусть Англия не отстает". Трюизм заключается в том, что женщины, преподающие в Индии, должны знать языки,

религии, суеверия и обычаи женщин, которым предстоит преподавать в Индии. То же самое можно сказать и об Англии". Обращаясь к деревенским матерям, она говорит: "Мы должны говорить не с ними, не *на* них, а с ними".

В качестве примера счастливого стиля, в котором иногда обращаются с больными дачниками, мисс Найтингейл приводит следующие забавные истории: - "Мать, живущая в деревне, не очень хорошо себя чувствовала.

"Мать одного из коттеджей, не очень бедного, упала в огонь в припадке, когда готовила завтрак, и сильно обгорела. Мы послали за ближайшим доктором, который сразу же приехал, привезя в своей коляске лекарства. Муж побежал за конным врачом, но тот не пришел, а прислал мазь для лошади. Мудрая женщина из деревни пришла по своей воле и дала другую мазь.

"Ну, госпожа И., - сказала женщина, пославшая за доктором, - и что же вы сделали?

"Ну, знаете, мисс, я немного поучилась, а потом смешала все три средства вместе, потому что тогда, знаете ли, я была уверена, что получила то, что нужно".

"Последствия для бедной женщины можно себе представить!

"Другая бедная женщина, в другом графстве, взяла что-то, что было послано ее мужу для больной ноги, полагая, что у нее лихорадка. "Ну, мисс, - сказала она, - это мне очень помогло, посмотрите на меня, я что, совсем персиковая? "Грушевость" закончилась лихорадкой".

Манеры женщин по отношению к своим детям во многих случаях сильно нуждаются в реформе, и мисс Найтингейл цитирует предписание ласковой матери своему ребенку о посещении школы: "Я вышибу тебе мозги, если ты не сделаешь это *добровольно*".

В своей статье мисс Найтингейл говорит о необходимости принятия решительных мер по улучшению санитарных условий в сельской местности, таких как дренаж, надлежащее водоснабжение, уборка мусора, удаление пыли и навозных куч из непосредственной близости от домов, а также проверка молочных заводов и коровников. По поводу последнего она пишет: "Не существует инспекции, достойной этого названия". Это было в 1893 году, и тревожные факты о неинспекции сельских поставок молока, обнародованные в "*Дейли Кроникл*" в 1904 году, показывают, что ситуация мало улучшилась с тех пор, как одиннадцать лет назад мисс Найтингейл наложила на этот недостаток свой безошибочный отпечаток.

В дополнение к независимому медицинскому работнику и санитарному инспектору при нем, "мы хотим, - говорит мисс Найтингейл, - полностью обученную медсестру для каждого района и миссионера здоровья", и она определяет свое представление об обязанностях миссионера. Эти женщины, конечно, должны быть высококвалифицированными для своей работы. Они должны посещать дома людей и пропагандировать правила здорового образа жизни. Убедить аккуратную домохозяйку, которая боится, что грязь попадет на ее чистую решетку, убрать мешок, набитый в неиспользуемый дымоход, научить дачников открывать окна наиболее эффективным способом для свободной вентиляции. "Гораздо труднее заставить людей избегать отравленного воздуха, чем отравленной воды, - говорит мисс Найтингейл, - ведь они всю ночь пьют отравленный воздух в своих спальнях". Матерей следует учить тому, как важно ежедневно принимать ванну, как выбирать сытную пищу для своей семьи, что делать до прихода врача и после его ухода.

Однако первым важным шагом для миссионера является завоевание доверия и дружбы женщин. А это "достигается не путем чтения лекций о спальнях, кладовках, печках и колодцах в целом, а путем осмотра конкретных комнат и т. д.". Миссионерка, прежде всего, не должна "лезть" в дома или разговаривать с женщинами свысока, она также не должна раздавать милостыню. Вся цель рекомендаций заключалась в том, чтобы научить людей избегать болезней и нищеты.

Усилия мисс Найтингейл по продвижению санитарных реформ не ограничивались нашей страной, а распространялись на далекую Индию, страну, к которой она, как мы уже видели, проявляла большой интерес. Она с удовлетворением наблюдала за успехами некоторых санитарных планов, осуществляемых муниципалитетами крупных городов Индии, но оставалось еще огромное сельское население, для которого мало что делалось, и это очень серьезно, если учесть, что девяносто процентов из двухсот сорока миллионов жителей Индии проживают в небольших сельских деревнях. Мисс Найтингейл подготовила один из своих "прожекторов" доклад на тему "Санитария в деревне в Индии", который был прочитан перед тропической секции восьмого Международного конгресса гигиены и демографии, состоявшейся в Буда-Пешт в сентябре 1894 года.

В ней она рассматривает состояние сельских провинций Индии на основе фактов, полученных в результате переписки с авторитетными людьми на местах, и касается дефектов канализации, водоснабжения, а также трудностей, возникающих из-за антисанитарных привычек людей и их привязанности к старым обычаям. "И все же, - убеждает она, - с таким нежным и ласковым народом, как индусы, можно многого добиться личным влиянием. Я могу привести яркий пример из своей практики. В Бомбейском президентстве была деревня, которую долгие годы опустошала холера. Правительство тщетно пыталось "переселить" деревню. "Нет, - говорили они, - они не пойдут; они были там со времен Махраттов: это священное место, и теперь они не уйдут".

"Наконец, не так давно, санитарный комиссар - увы, уже покойный - который мудрым сочувствием, практическими знаниями и умением завоевал доверие людей, отправился в панчаят, объяснил им суть дела и убедил их переехать в место, которое он указал им как безопасное и доступное. Уже на следующее утро все было улажено, как он и советовал.

"Правительство Индии очень могущественно, и официальная власть может добиться многого, но в таких деликатных вопросах, затрагивающих дома и обычаи очень консервативного народа, почти больше можно сделать личным влиянием, проявляемым с добрым сочувствием и уважением к предрассудкам других".

Празднование бриллиантового юбилея королевы Виктории в 1897 году вызвало большой интерес у мисс Найтингейл, и в своей больничной палате она внимательно следила за всеми событиями этого радостного времени. Она была в восторге от идеи сделать специальную тему "Уход за больными" в женском разделе выставки "Викторианская эпоха" и отправила свою крымскую повозку в качестве экспоната. Все посетители Эрлс-Корта помнят толпы зрителей, которые целыми днями стояли и заглядывали в недра старого автомобиля с таким нетерпением, словно ожидали найти там остатки раненых. Не было более популярного экспоната, в то время как улыбающиеся медсестры в своей униформе, которые порхали по секции медсестер, были живым свидетельством революции в искусстве ухода за больными, которую совершила Флоренс Найтингейл. Леди Джордж Гамильтон, которая отвечала за эту секцию, часто консультировалась с мисс Найтингейл во время подготовки.

Одним из самых интересных торжеств в год Бриллиантового юбилея стал обед Балаклавского общества в годовщину знаменитой "Зарядки", 25 октября. После верных

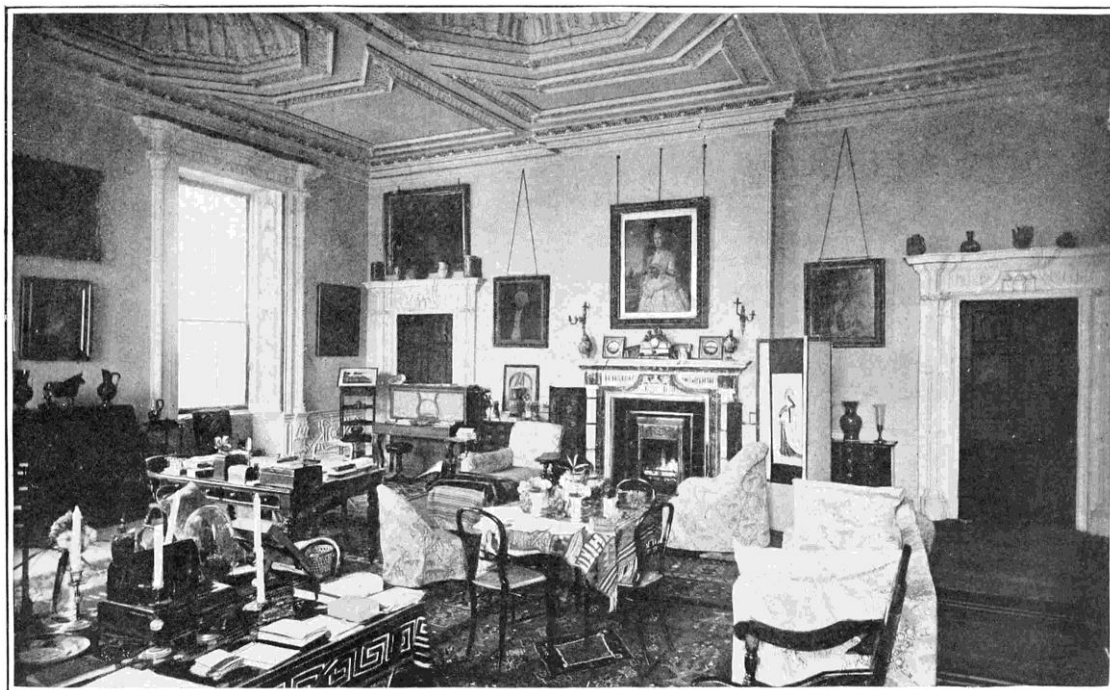
тостов здоровье мисс Найтингейл было предложено мистером Ф. Х. Робертсом, который под звонкие аплодисменты сказал: "Ее имя будет жить в летописи полков Англии до тех пор, пока существует Англия". Рота насчитывала сто двадцать человек, из которых шестьдесят остались в живых после зарядки.

I am myself always a
prisoner from illness &
overwork. But all the
more I wish for good
Florence Nightingale

НЕДАВНИЙ ОБРАЗЕЦ ПОЧЕРКА МИСС НАЙТИНГЕЙЛ.

Мисс Найтингейл продолжает проявлять интерес к больнице для неполноценных джентльменов на Харли-стрит, , где она так усердно работала до отъезда в Крым.

Это полезнейшее учреждение продолжает свои усилия по оказанию помощи больным дамам с неослабевающей энергией, под руководством умелой леди-суперинтенданта, мисс Тиди, которая трудится на своем посту уже четырнадцать лет. Дом выглядит таким ярким и жизнерадостным, что, должно быть, оказывает благотворное влияние на умы страдающих женщин, которые ищут у него приюта. В красивой приемной стоит старомодный эскриптур из красного дерева, которым мисс Найтингейл пользовалась более пятидесяти лет назад, когда добровольно выполняла тяжелую работу по управлению домом. Именно в этом доме на Харли-стрит она остановилась, когда организовывала свою группу медсестер для Крыма, и именно отсюда она отправилась в свое путешествие на Восток.

СТАРАЯ КОМНАТА МИСС НАЙТИНГЕЙЛ В КЛЕЙДОНЕ.

(Фото Пейна, Эйлсбери.)

[На обороте с. 336.

В апреле 1902 года Маргарет, леди Верни, заложила первый камень в основание новой публичной библиотеки и деревенского зала в Стипл-Клейдоне. Расходы в размере 1 500 фунтов стерлингов были оплачены сэром Эдмундом Верни. Мисс Найтингейл была очень заинтересована в этом проекте и отправила сэру Эдмунду и леди Верни следующее послание

"Очень рада, что закладывается первый камень в основание публичной библиотеки в Стипл-Клейдоне. Я от всего сердца желаю ей успеха и считаю, что публичная библиотека полезна для души и тела. Чтобы на ней почил Божье благословение - это горячее желание

"Флоренс Найтингейл".

Мисс Найтингейл также прислала 50 фунтов стерлингов на покупку книг для библиотеки.

Учреждение Королевского пенсионного фонда для медсестер, в котором королева Александра проявила такой активный интерес, было предметом удовлетворения мисс Найтингейл, поскольку оно помогло улучшить положение сестринства, которое она так сильно любит. Ей было очень интересно слушать рассказы о садовых вечеринках, которые королева, будучи принцессой Уэльской, устраивала для медсестер на территории Мальборо-Хауса, а также о приеме медсестер королевой после восшествия на престол короля.

ГЛАВА XXV

НА ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРЕ

Мисс Найтингейл в наши дни - ее интерес к проходящим событиям - недавнее письмо дербиширским медсестрам - празднование восемьдесят четвертого дня рождения - король присваивает ей достоинство великосветской дамы - назначение королем Эдуардом VII на орден "За заслуги" - письмо от германского императора - избрание почетной свободой Лондонского Сити - краткое изложение ее благородной жизни.

На западе разгорается золотой вечер;

Скоро, скоро верным воинам придет покой.

Доктор Уолшем Хау.

Тени вечера опустились на жизнь нашей почитаемой героини. Мисс Найтингейл уже много лет не покидает свой лондонский дом и в основном остается в постели. Ее разум все еще не затуманен, и она с прежней жадой следит за событиями дня, особенно за теми, которые касаются мира медсестер. Она больше не в состоянии лично заниматься своей корреспонденцией, вся она проходит через руки ее секретаря. Ничто не доставляет ей большего удовольствия, чем беседы о прошедших днях со старыми друзьями и коллегами по работе, и время от времени она принимает по приглашению представителей сестринского дела, возглавляющих учреждения, с которыми связано ее имя.

Она с большим интересом следила за тщательной подготовкой к работе с больными и ранеными во время Южноафриканской войны, которая так ярко напомнила ей о трудностях работы первопроходцев во время Крымской кампании. Ей доставило особое удовольствие принять и напутствовать некоторых медсестер перед их отъездом в Южную Африку.

Даже в ее большой возраст мисс Найтингейл сохраняет отличие манеры и речи, которые дали ей такое влияние в прошлом, и время от времени вспышка старого пронизательного остроумия вспыхивает, когда взгляды, с которыми она не согласна, выдвигаются. Ее друзья больше всего удивляются почти юношеской округлости и спокойствию ее лица. Время почти не отпечатало ни морщинки на ее брови, ни морщины на щеках, ни омрачило ясность ее пронизательных глаз, что тем более примечательно, если вспомнить, что она была страдающим и изможденным инвалидом с момента возвращения из Крыма. Изящный кружевной чепец, ниспадающий на серебряные волосы с длинными отворотами, придает очаровательное обрамление лицу мисс Найтингейл, которое необычайно красиво в преклонном возрасте. Принимая посетителей, она, как выразился один из них, "разговаривает руками", которые сохраняют красивую форму, и, которые она имеет привычку перемещать по покрывалу, когда из сидячего положения она наклоняется к своим друзьям в ходе беседы.

Восхитительной чертой характера мисс Найтингейл является честь, которую она оказывает женщинам молодого поколения, которые сейчас несут жару и бремя дня. "Вы дадите мне свое благословение?" - сказала ей недавно суперинтендант одного благотворительного учреждения, провожая ее в последний путь. "И вы должны дать мне свое благословение", - ответила мисс Найтингейл, беря ее за руку. В другой раз она сказала той же даме, выслушав рассказ о том, как успешно продвигается хорошая работа: "Вы вдохнули в меня новую жизнь".

Сегодня ни одна тема не интересует мисс Найтингейл больше, чем районные медсестры. Она подробно изучает опыт тех, кто работает среди больных бедняков. "Улучшаются ли привычки людей?" - часто задает она вопрос, или еще: "Расскажите мне об этих образцовых домах, которые они повсюду строят. Оказали ли они хорошее влияние на личные привычки людей?" Если сестре случается упомянуть о каком-то новом приборе для инвалидов, на поверхность выходит прежний живой интерес, и мисс Найтингейл обязательно объяснит ей все, вплоть до места, где этот прибор был приобретен.

МИСС НАЙТИНГЕЙЛ.

(Из зарисовки по памяти.)

[К лицу с. 340.

Популярность профессии медсестры - еще одна тема, которая очень интересует мисс Найтингейл, и когда она слышит, что в учебный дом при больнице Святого Томаса поступает больше заявок, чем может принять Совет, она вспоминает, что ситуация была совсем другой, когда в первые дни она обращалась с настоятельными просьбами о наборе. Хотя она особенно озабочена тем, чтобы среди медсестер поддерживался высокий стандарт характера и эффективности, она строго придерживается своей первоначальной позиции, что "медсестра должна быть медсестрой, а не медицинской работницей". Мисс Найтингейл считает, что способность сдать технический экзамен не обязательно доказывает, что женщина будет хорошей медсестрой. Это профессия, в которой многое зависит от природных способностей и личного характера; если воспользоваться известной аксиомой, медсестрой "рождаются, а не становятся".

Мысли мисс Найтингейл часто возвращаются в ее старый дом в Дербишире. Эмбли ушел из семьи, но Лиа Херст занимает родственница, миссис Уильям Шор Найтингейл, и мисс Найтингейл продолжает интересоваться старыми людьми этого места. В августе 1903 года покойный почтенный Фредерик Стратт, мэр Дерби и дальний кузен мисс Найтингейл, развлекал медсестер района в Lea Hurst, который был специально одолжен для этого случая, и мисс Найтингейл, услышав о том, что должно было произойти, написала следующее письмо мистеру Стратту: "Не могли бы вы, - сказала она, - выразить каждому из них и всем им мои самые теплые пожелания самого высокого успеха, в самом лучшем значении этого слова, в деле жизни, которое они выбрали. Сегодня мы много слышим о сестринском деле как о профессии, но для каждой медсестры вопрос заключается в том, "Соответствую ли я своей профессии?". Жизнь медсестры - это прежде всего нравственная и практическая жизнь, жизнь не напоказ, а на деле. Я желаю медсестрам успехов в их работе, и пусть каждая из них старается изо всех сил соответствовать своей профессии и постоянно подниматься на более высокий уровень мысли и практики, характера и долга".

Чтение этого письма мисс Найтингейл медсестрам, собравшимся в саду ее старого дома, было событием впечатляющего интереса. Пятьдесят лет назад она и предположить не могла, что Дерби когда-нибудь будет иметь такое большое количество медсестер, и тем более, что представители этой профессии в Великобритании должны были достичь такого большого количества.

О, маленькие начинания, вы велики и сильны,

Основанные на верном сердце и неутомимом мозге!

Вы строите справедливое будущее, вы побеждаете ошибки,

Вы заслужили корону и носите ее не напрасно.

Что касается ее собственной личности, то основательница этого сестринского служения - "завуалированная и молчаливая женщина", избегающая публичности. Ее имя обошло весь земной шар, ее деяния известны во всех уголках планеты, и люди ссылаются на ее

благородный героизм, даже не подозревая, что она все еще жива, настолько старалась мисс Найтингейл держать себя в строгом уединении. Сила ее славы, блеск ее примера и мудрость ее советов - это национальное достояние. Женщины, которые сегодня с честью и достоинством носят одежду медсестры, обязаны этим возвышенным традициям, дошедшим до нас вместе с первыми представителями благородной династии.

12 мая 1904 года мисс Найтингейл принимала многочисленные поздравления от своих друзей по случаю своего восьмидесяти четвертого дня рождения, а король сделал изящный комплимент даме, которая, без сомнения, является самой прославленной героиней в Империи Его Величества, присвоив ей достоинство Дамы Благодати ордена Святого Иоанна Иерусалимского. Мисс Найтингейл получила Красный крест из рук королевы Виктории.

Однако героиню Крыма и основательницу современного движения медсестер ждала еще более уникальная честь. В ноябре 1907 года король Эдуард VII наградил мисс Найтингейл орденом "За заслуги", который был учрежден Его Величеством в 1902 году и впервые объявлен в коронационном списке почестей. Король является сувереном ордена, который первоначально состоял из двенадцати человек, отличившихся в войне, науке, литературе и искусстве. Впоследствии были добавлены другие имена, но Флоренс Найтингейл - единственная женщина, включенная в число бессмертных. Вручение ордена не сопровождалось никакими церемониями, так как мисс Найтингейл не смогла из-за ухудшения здоровья принять сэра Дугласа Доусона, представителя, назначенного королем, и знак отличия был просто вручен племяннику мисс Найтингейл. Знак ордена представляет собой крест из красной и синей эмали из восьми точек с надписью "За заслуги" золотыми буквами в лавровом венке. На обратной стороне изображен королевский и императорский шифр короля в золоте. Члены ордена имеют звание после ордена Бани и используют буквы О.М. Назначение мисс Найтингейл в орден было воспринято с большим энтузиазмом по всей стране.

Германский император, который в то время посещал наши берега, воспользовался случаем, чтобы сделать мисс Найтингейл очень изящный комплимент, отправив ей букет цветов, сопровождаемый следующим письмом от немецкого посла:

"Дорогая мисс Найтингейл, - Его Величество Император, только что завершивший приятное пребывание в прекрасных окрестностях вашего старого дома [Эмблей Парк] близ Ромси, повелел мне подарить вам несколько цветов в знак своего уважения к леди, которая, получив образование сестры милосердия в Кайзерсверт на Рейне, оказала столь неоценимые услуги делу человечества во время Крымской войны, а впоследствии основала в Англии дом для подготовки медсестер, который по праву считается образцовым учреждением европейской известности.

"Его Величество шлет Вам свои наилучшие пожелания, а я имею честь оставаться, - искренне Ваш,

П. Меттерних",
"посол Германии."

В ответ было отправлено следующее письмо:

"Ваше Превосходительство, - имею честь подтвердить от имени мисс Найтингейл получение вашего письма от сегодняшнего дня и очень красивых цветов, которые она очень ценит.

"Мисс Найтингейл хотела бы попросить вас передать Его Величеству Императору, как высоко она ценит любезные выражения уважения и добрые пожелания Его Величества. Она всегда высоко ценила сестер милосердия из Кайзерсверта.

"Она также с глубокой благодарностью вспоминает о дружбе и симпатии, которыми августейшая мать Его Величества, покойная императрица, была рада оказать ей честь". Мисс Найтингейл написала бы лично, но ухудшающееся здоровье и зрение мешают ей... Имею честь и т.д.

"К. Шор Найтингейл".

Лондонский Сити мог бы с большим успехом подарить мисс Найтингейл свою почетную свободу, когда она вернулась из Крыма в 1856 году, но замкнутый нрав героини и консерватизм древней корпорации помешали оказанию этой чести. Покойная баронесса Бердетт-Куттс стала первой женщиной, которой была вручена свобода города, и у нее не было преемницы, пока в феврале 1908 года корпорация под председательством лорд-мэра не приняла с большим энтузиазмом следующую резолюцию, выдвинутую господином депутатом Уоллесом:

"Почетная свобода этого города в золотой шкатулке стоимостью сто гиней должна быть вручена мисс Флоренс Найтингейл в знак признательности этого суда за ее филантропические и успешные усилия по совершенствованию больничного ухода и управления, благодаря которым были достигнуты неоценимые результаты в деле облегчения человеческих страданий".

Мистер заместитель Уоллес, предлагая резолюцию, сказал, что "никогда в истории свободы города, включающего в свой список славы имена монархов, государственных деятелей, солдат и знаменитых людей всех видов и призваний, он не зачислял в число получателей своей почетной свободы более благородное имя, чем имя Флоренс Найтингейл".

Принимая предложенную честь Свободы города, мисс Найтингейл попросила, чтобы сумма в сто гиней, которую было предложено потратить на золотую шкатулку для хранения свитка, была передана в качестве пожертвования Институту медсестер к юбилею королевы Виктории и больнице для неполноценных джентльменов на Харли-стрит, первым суперинтендантом которой была мисс Найтингейл.

Суд Общего совета удовлетворил просьбу мисс Найтингейл и распорядился использовать дубовый ящик вместо традиционного золотого гроба.

Мисс Найтингейл не смогла приехать в Гилдхолл, чтобы получить Свободу, и было решено, что от ее имени ее вручит ближайший родственник.

Церемония состоялась 16 марта 1908 года в зале Совета Гилдхолла под председательством почетного лорд-мэра сэра Джона Белла, ктитора. Присутствовало большое количество людей, приглашения были разосланы ведущим медицинским и больничным властям, а также другим представительным лицам. Было много медсестер.

Городской камергер (сэр Джозеф Димсдейл) попросил мистера Л. Х. Шора Найтингейла, который представлял мисс Найтингейл, принять ларец, содержащий "Свободу", и произнес самую вдохновляющую речь. Вместе со шкатулкой был передан чек на 106 гиней, которые

должны были быть направлены на благотворительные цели, которые мисс Найтингейл пожелает назвать.

Мистер Шор Найтингейл ответил, сожалея, что мисс Найтингейл не смогла присутствовать, и принимая честь от ее имени.

Мистер Генри Бонэм Картер, в течение многих лет секретарь Фонда Найтингейл, рассказал о своих ранних воспоминаниях о мисс Найтингейл и поведал, что однажды, когда они были молодыми людьми, она оказала ему первую помощь после несчастного случая. В заключение он рассказал о высоких качествах сердца, ума и характера, которые позволили мисс Найтингейл достичь такого большого и значительного успеха в работе, которой она посвятила свою жизнь.

Мы чтим солдата и аплодируем доблестному герою, но требовался более несгибаемый дух, более высокое мужество, чтобы очистить язвенный госпиталь в Скутари; чтобы час за часом проходить мили его сырых коридоров, переполненных страдающим, даже агонизирующим, человечеством, чем в пылу сражения спуститься "в пасть смерти", как это сделали благородные "шестьсот". Благодарный народ возложил свои подношения к ногам героини Крыма, поэты разнесли ее славу по всему миру, а бедные и страждущие полюбили ее. В казармах, в госпитале и в лагере солдат имеет повод благословить ее имя за комфорт, которым он наслаждается, страдальцы в наших больничных палатах по ее инициативе получили квалифицированных медсестер, за больными бедняками ухаживают в их собственных домах, а нищие получают гуманный уход в работных домах, что прямым результатом реформ, которые были проведены по ее примеру или совету. Никакие почести или титулы не могут облагородить имя Флоренс Найтингейл; оно несравненно в силу ее героических поступков.

In Memoriam

Памяти

Смерть мисс Найтингейл наступила несколько неожиданно днем 13 августа 1910 года в ее доме 10 по Южной улице, Парк-Лейн. Причиной смерти стала сердечная недостаточность. Она мирно упокоилась в присутствии двух своих родственников. За день до смерти она была в полном здравии и прекрасном расположении духа. В мае этого года она отпраздновала свой девяностолетний юбилей, проведя этот день в тишине и покое со своими домашними. По этому случаю она получила множество поздравлений от своих друзей, а ее комната была украшена весенними цветами. Король, в разгар собственной утраты, связанной с недавней смертью его отца, не остался в стороне от героини Крыма и отправил ей следующее послание:

"Мисс Флоренс Найтингейл, О.М.

"По случаю вашего девяностого дня рождения я сердечно поздравляю вас и надеюсь, что вы пребываете в добром здравии.

"(Подпись) Джордж Р. и я".

Получив известие о смерти мисс Найтингейл, король отправил ее родственникам следующую телеграмму из Балморала

"Королева и я с глубоким сожалением получили печальное известие о смерти мисс Флоренс Найтингейл, чьи неустанные и преданные услуги британским солдатам в Крыму никогда не будут забыты, и чьему яркому примеру мы практически обязаны нашей нынешней великолепной организацией квалифицированных медсестер. Примите выражение нашего искреннего сочувствия.

"Джордж Р.И."

Среди героев-солдат в соборе Святого Павла или вместе с великими в Вестминстерском аббатстве было бы уместно похоронить нашу величайшую национальную героиню, чьи деяния будут вечно жить в летописи нашей страны. Но она всегда избегала публичности, и в соответствии с ее пожеланиями ее похороны не носили публичного характера. Предложение декана и капитула Вестминстера о погребении в аббатстве было отклонено ее душеприказчиками. Ее тихо упокоили в субботу, 20 августа, в маленьком церковном дворике Ист-Уэллоу, Хэмпшир, недалеко от ее старого дома в Эмблей-Парке и в пределах видимости холмов, где, будучи ребенком, она нашла своего первого пациента в лице старой пастушьей собаки.

В день похорон в соборе Святого Павла состоялась впечатляющая поминальная служба для тех, кто хотел отдать дань любви и чести героине Крыма.

"В анналах Англии, на протяжении долгих лет

В будущем ее речи и песни,

Свет ее лучи будут бросать

Из порталов прошлого.

"Леди с лампой будет стоять

В великой истории страны,

Благородный тип добра,

героической женственности".

Отпечатано в издательстве "Кассель и Ко, Лтд.", Ла-Бель-Соваж, Лондон, Е.К.
10-1-16

Примечания транскриптора

Пунктуация, дефис и орфография приведены в соответствие, если в оригинале книги преобладали те или иные варианты; в остальных случаях они не изменялись.

Простые опечатки были исправлены; несбалансированные кавычки были исправлены, когда изменение было очевидным, в противном случае оставлены несбалансированными.

Иллюстрации в этой электронной книге были размещены между абзацами и за пределами цитат. В версиях этой книги, поддерживающих гиперссылки, ссылки на страницы в списке иллюстраций ведут к соответствующим иллюстрациям.